СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ ТИПОГРАФІИ Е. ФИШЕРА.

1841.

СОВРЕМЕННИКЪ.

XXIV.

СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ ТИПОГРАФІИ Е. ФИШЕРА.

1841.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/69 — 2150

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ХРОНИКА РУССКАГО ВЪ ПАРИЖѢ.

Шанрозѐ. 28 Іюня / 10 Іюля 1841. Третьяго дня собрался я въ Академію слушать *Сент-Олера* и *Роже*, чтобы оттуда ѣхать прямо сюда, какъ вдругъ — неожиданная радость! мнѣ приносятъ три пакета съ книгами и журналами изъ Петебурга и два пакета съ письмами изъ Петербурга и изъ Москвы. За часъ передъ тѣмъ я получилъ письмо отъ Жуковскаго, изъ Дюссельдорфа, первое по наступленіи его законнаго счастія! И какое письмо! Душа Жуковскаго тихо изливается въ упоеніи и въ сознаніи своего блаженства. Я понялъ, читая его, по крайней мѣрѣ половину моей любимой фразы: «Le bonheur est dans la vertu, qui aime... et dans la science qui éclaire.» Но било часъ по полудни, и я побѣжалъ съ моими едва раскрытыми сокровищами въ Академію, оставивъ печатный грузъ моему

камердинеру, который долженъ былъ меня ожидать у желѣзной дороги. Я нашелъ Академическую ротонду и боковыя ложи почти наполненными. Дипломатическій корпусъ почтилъ общимъ присутствіемъ своего собрата; даже *Апони* съ семействомъ и съ нашими Петербургскими красавицами. Онъ и папскій нунцій видѣли въ академикѣ бывшаго посла при дворахъ ихъ. Были и представители духовенства: наименованный епископъ *d'Evreux* (приходскій священникъ св. Рохуса, *Olivier*) и пр. Сенъ-Жерменская аристократія въ блестящихъ своихъ представительницахъ заняла почти все полукружіе. Многія, какъ напримѣръ Циркуръ и пр., пріѣхали изъ окрестностей Парижа, изъ Версали, Сен-Жермень, St. Cloud. Милое семейство Сент-Олера окружено было его ближними и пріятелями: герцогомъ Деказомъ, канцлеромъ Пакье и пр. Тутъ находились всѣ академическія знаменитости: Вильмень, Ройе-Колларъ, Кузень, Росси; Гизо подсѣлъ къ своему новому собрату и подчиненному и старинному пріятелю; *Моле* издалека присматривалъ за ними и шептался съ Р. Колларомъ; даже герцогъ Брогліо присоединился къ академикамъ. Подъ каѳедрою оратора—все постигнувшій и во всемъ участвующій *Гумбольдъ*. *Викторъ Гюго* съ полуоткрытымъ, широкимъ лбомъ вошелъ не безъ расчета послѣ другихъ, и публика тихо прожужжала его имя. На трибунѣ явились канцлеръ Академіи Скрибъ, *Lebrun* и—Роже, предсѣдатель: онъ открылъ засѣданіе, и молчаніе воцарилось. Я не хочу сообщать вамъ, по-прежнему, подробныхъ

выписокъ изъ рѣчей новаго *безсмертнаго* и его *пріемщика*, кащея-Роже: вѣроятно *сегодня же* выйдутъ статьи въ Дебатахъ *Филарета Шаля* или *Сен-Марк-Жирардена*, коихъ я замѣтилъ въ ротондѣ, а въ *Revue des deux mondes* прочтете вы рѣчи вполнѣ. С. Олеръ не произвелъ конечно всеобщаго энтузіазма, ни громкихъ, повсемѣстныхъ рукоплесканій, но его слушали съ глубокимъ вниманіемъ, одобряли часто. Ораторъ началъ панегирикъ *Пасторе* его біографіею, или лучше сказать, его послужнымъ спискомъ, ибо жизнь его почти началась службою. Въ самой первой молодости *Пасторе* уже былъ «*homme public*» и въ важнѣйшихъ дѣлахъ государственныхъ. Онъ родился въ 1756 году. Былъ адвокатомъ, совѣтникомъ въ судѣ, поэтомъ... Издалъ томъ стиховъ, перевелъ *Тибулла*, написалъ разсужденіе *о Морскихъ Законахъ*, и заслужилъ *три медали* за три ученыя диссертаціи; былъ собесѣдникомъ и пріятелемъ Бюфона, Даламбера, Лапласа, Шамфора, Делилля, Ласепеда и многихъ другихъ совоспросниковъ вѣка того, и 25-ти лѣтъ былъ уже академикомъ и судьею! Jl fit deux parts de son tems: aux affaires et aux lettres». Онъ написалъ примѣчательную по тому времени книгу: *объ Уголовныхъ законахъ*, подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ XVIII столѣтія (sous l'influence des opinions dominantes): но существовавшія злоупотребленія выведены въ ней съ силою и смѣлостью. Филанжьери, Бекаріа, упредившіе своихъ современниковъ въ теоріяхъ уголовнаго законодательства и

гражданскаго человѣколюбія, ободряли молодаго своего сотрудника въ *запоздалой* тогда Франціи. *Пасторе* оправдалъ ихъ безкорыстную похвалу не только сочиненіями но и поступкомъ: онъ далъ убѣжище сыну Филанжьери... Но въ-послѣдствіи канцлеръ de la Restauration измѣнилъ первоначальнымъ теоріямъ своимъ, коими отличался, какъ депутатъ города Парижа. Исторія, сохранивъ для потомства смѣлый поступокъ его, когда *Пасторе*, въ страшную годину политическаго искушенія, въ бурномъ національномъ собраніи, сѣлъ подлѣ Лудовика XVI-го, замѣтитъ въ немъ какой-то *политическій дуализмъ*, объясняемый, но не всегда извиняемый, *духомъ времени*. *Пасторе* укрылся на время отъ бури въ тихія объятія музъ и природы въ Италіи, въ Венеціи. Во Флоренціи занялся онъ Греческимъ и Армянскимъ языками, собирая матеріалы для своей *Исторіи законодательства*. Онъ возвратился въ Парижъ въ 1800 г., но безъ всякой симпатіи къ Наполеону. «Il voulait servir dans des emplois qui ne compromettraient pas ses principes». Четыре года на профессорской каѳедрѣ преподавалъ онъ Пуфендорфа, Гроція и объяснялъ трагедіи *Корнеля* («Le grand Condé trouvait aussi dans Corneille d'utiles lecons!»). *Пасторе* нашелъ себѣ достойную подругу въ m-lle Piscatory. (Вдова его — тетка извѣстному депутату, посланному недавно въ Грецію. Я сожалѣю, что ни одинъ изъ ораторовъ не напомнилъ при семъ случаѣ публикѣ, что г-жа Пасторе по добродѣтелямъ Христіанской жизни своей заслу-

живаетъ не только благодарность Франціи, но и самой Англіи, подающей Европѣ примѣръ въ своихъ филантропическихъ институтахъ: я когда-то уже писалъ къ вамъ, что первая *мысль-чувство* о пріютахъ для малолѣтныхъ (les salles d'asile) пришла не Англичанамъ, а молодой Француженкѣ, *г-жѣ Пасторе*: она изъ Парижа, во время революціи съ площади Лудовика XV-го, гдѣ и теперь живетъ, перенесла мысль сію въ Лондонъ, сперва безуспѣшно привила ее къ Англійской почвѣ, возвратилась съ нею въ Парижъ; завела и здѣсь, сначала съ малымъ успѣхомъ, *пріюты*, нынѣ процвѣтающіе почти во всѣхъ Европейскихъ государствахъ и въ нашей благословенной Россіи.)

Пасторе продолжалъ профессорствовать и ничего не требовать отъ Наполеона, но императоръ сдѣлалъ его сенаторомъ. Потомъ онъ служилъ Лудвигу XVIII avec préférence et dévouement. Louis XVIII et Charles X l'aprécièrent. Онъ былъ возведенъ въ достоинство пера, вице-канцлера и въ 1826 г. — *канцлера Франціи*. En 1830 il refusa de suivre une nouvelle fortune, и скончался въ Сентябрѣ прошлаго года. Смерть застала его надъ 11 частію его *Исторіи законодательства*, изъ коей Сентъ-Олеръ прочелъ намъ нѣсколько краснорѣчивыхъ строкъ. Въ заключеніи дипломатъ-академикъ, опредѣливъ значеніе и цѣль *политики* «conduire sans violence les peuples», упрекнулъ Наполеону за не-любовь его къ такъ называемымъ *идеологамъ*, намекнулъ на

нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей по Академіи и по дипломаціи, и въ министерствѣ *. Гизо, Моле, Кузенъ, Вильменъ, казалось, потупили глаза въ землю. Сентъ-Олеръ напомнилъ прелестный апологъ Шиллера о поэтѣ: «*Гдѣ былъ ты?*» ** У многихъ дамъ навернулись слезы, когда онъ, сказавъ нѣсколько словъ о себѣ, о тихомъ семейственномъ счастіи послѣ бурной политической жизни, кончилъ привѣтствіемъ и благодарностію Академіи, qui lui apparut comme l'arc-en-ciel pendant l'orage. Онъ примѣнилъ къ ней слова Тертуліана; «Elle est douce, patiente, par ce qu'elle est immortelle.» Это были послѣднія слова оратора ***. Старикъ Роже извинялся, что по болѣзни не

* Sur ces bancs... je reconnais, dans les premiers personnages de l'état, plusieurs des chefs de notre littérature. Ce n'est plus comme au tems du cardinal de Richelieu, votre illustre fondateur, par une adoption courtoise, ou à titres de protecteurs que les ministres entrent à l'académie. Des titres littéraires sérieux leur en ouvrent l'entrée...»

** «Où donc étais-tu, mon favori, спросилъ Юпитеръ поэта, quand les honneurs et les trésors furent distribués par mes ministres? — Hélas! répond le poète; j'étais auprès de toi, c'est la cause de ma misère!» Telle ne sera point, parmi nous, votre condition, poètes, orateurs, philosophes, qui savez instruire et emouvoir le peuple, dans les chaires, au forum, au théâtre etc...»

*** Il me sembla que vous veniez d'assurer le bonheur du reste de ma vie. L'academie m'apparut comme l'arc-en-ciel pendant l'orage; je la paraî de tout le charme de l'activité et du repos, de la gloire et des affections douces. Je le savais, Messieurs, dans cette illustre compagnie, où tous les systèmes politiques, philosophiques et littéraires sont représentés par leurs chefs les plus éminens, vous apportez des convictions puissantes (?) des principes inébranlables (!), et cependant la plus intime cordialité préside toujours à vos débats. (!!.) Personne ici ne

можетъ самъ прочесть своей рѣчи, и поручилъ чтеніе канцлеру академіи *Скрибу*. Онъ исполнилъ это порученіе со всѣмъ талантомъ комическаго автора, наставника актеровъ и водевилистовъ. Роже началъ рѣчь свою неизбѣжнымъ панегирикомъ новому товарищу, а за него и его предку, въ V колѣнѣ *, un de ces hommes ingénieux, qui eût le secret, plutôt que l'art d'arriver à la postérité, par quatre charmans vers à la Duchesse de Maine. Самъ *Вольтеръ* вписалъ его имя въ *храмъ вкуса*. «Теперь мы въ другой эпохѣ», сказалъ Роже. Онъ бросилъ какой-то невѣрный взглядъ на новую литературу, коей представитель, Гюго, изъ подлобья на него косился (Роже былъ однимъ изъ упорнѣйшихъ противниковъ припятію его въ Академію). Рѣчь его, какъ долговременнаго собесѣдника знаменитостей литературныхъ прошедшаго и настоящаго вѣка, наполнена любопытными анекдотами и замысловатыми *словцами*. Онъ принадлежитъ къ ветеранамъ классицизма и аттицизма XVIII столѣтія. Онъ вздыхаетъ по *прошедшемъ*, ибо оно доставило ему его

rencontre d'adversaires, et s'il est permis, sans blasphême, de rappeler avec votre devise la pensée de Tertullien, j'oserai dire de l'Académie.» Elle est douce, patiente, par ce qu'elle est immortelle.»

* Vous ramenez aujourd'hui sur la liste de l'académie le nom d' un de ces hommes ingénieux, qui, dans un siècle plein d'élégance et d'urbanité, se fit remarquer par les agrémens de l'esprit comme par l'aménité du caractére, et, qui sans avoir jamais eu rien à démeler avec l'envie, sans avoir jamais prétendu à la renommée des grands écrivains du siécle de Louis XIV, au milieu des quels s'écoulèrent ses longues annees, eut pour tant le secret plutôt que l'art d'arriver porté par eux mêmes, et presque sans le savoir, à la postérité.»

настоящее. Попалъ ли бы онъ *теперь* въ Академію? Сомнѣваюсь. Написавъ давно-забытаго *Адвоката*, онъ давно почіетъ на лаврахъ своихъ. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ напомнилъ о немъ его пріятель изданіемъ двухъ томиковъ литературныхъ отрывковъ: кто изъ нынѣшнихъ *фельетонистовъ* не могъ бы предъявить основательнѣйшихъ правъ на академическое безсмертіе? Сен-Марк-Жирардень, братья Нетманы, Филаретъ *Шаль*, даже — баловень публики и гроза театровъ, легкомысленный и легко пишущій Жюль-Жанень; не говорю уже о *Сенъ-Бевѣ*, о *Патенѣ*, объ *Амперѣ* и *Баланшѣ*...

Какъ вѣрный представитель Галиканскаго благочестія, Роже, похваливъ Сент-Олера за его классическую любезность и за его старинную urbanité (ancienne urbanité), напомнилъ, что Сент-Олеръ заслужилъ уваженіе св. отца, какъ дипломатъ и человѣкъ. (Я пріѣхалъ въ первый разъ въ Римъ во время его посольства, и не забуду завтрака на развалинахъ *Саллустіевой* виллы, Сент-Олеру принадлежавшей.) Роже расказалъ также и о благородномъ поступкѣ Сент-Олера въ поручительствѣ его за роялиста *Ривьера* (Rivière) въ 1804 году, и подъ-конецъ коснулся слегка его *Исторіи Фронды*, на сихъ дняхъ вновь напечатанной. Я радовался счастіемъ его милаго семейства. M-me St. Aulaire оставила Вѣну, чтобы хлопотать здѣсь за мужа, и избавила его отъ кандидатскихъ визитовъ. Лучшіе комплименты Роже памяти

Пасторе состояли въ анекдотахъ изъ благотворительной жизни его; но и онъ и Сент-Олеръ забыли, или не хотѣли напомнить намъ, что Пасторе—будущій канцлеръ de la Restauration, сочинилъ извѣстную надпись надъ Парижскимъ Пантеономъ: «Aux grands hommes—la patrie reconnaissante.» (Едва ли въ Комитетѣ, разсматривающемъ предварительно рѣчи академиковъ, не отсовѣтовали упомянуть о семъ?) Странная участь Пантеона и въ Римѣ и въ Парижѣ, замѣтилъ, кажется, Амперъ въ салонѣ Рекамье: тамъ служитъ онъ памятникомъ раболѣпства (Агриппы къ Августу), здѣсь воздвигнутъ сей храмъ *всѣмъ богамъ* тогда, когда ни однаго не оставалось во Франціи! *Марата* выкинули изъ Пантеона; Мирабо куда-то скрыли. Вольтеръ и Руссо, кажется, еще подъ его сводами; Наполеонъ присудилъ его вѣчному покою безмолвныхъ членовъ Совѣта.

*

Я уже купилъ для тебя переводъ Альфіеровыхъ записокъ *de Latour,* моего пріятеля. Онъ учитель принца Montpensier, живетъ во дворцѣ, любимъ королевой, которая поручаетъ ему добрыя дѣла, и не смотря на это всѣ его любятъ, и даже журналисты не ругаютъ ни прозы, ни стиховъ его, коихъ онъ издалъ томикъ. Безъ меня кто-то заходилъ ко мнѣ сказать, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ и черезъ часъ опять зайдетъ: отъ того и сажусь все заготовить, хотя и не кончилъ ничего. Все тихо въ Парижѣ, и я не обязанъ

являться въ большое общество, ибо нѣтъ его. Я совершенно согласенъ съ тобою за *Суме*, но только ты не отдаешь справедливости поэзіи въ нѣкоторыхъ отрывкахъ. Онъ точно поэтъ и въ вымыслахъ, и въ языкѣ! Я прочту завтра твою Французскую выходку на него Шатобріану и Баланшу у Рекамье *.

Э. А.

* При письмѣ нашего Парижскаго корреспондента получена Біографія Бальзака, принадлежащая Собранію Жизнеописаній знаменитыхъ современниковъ Французскихъ. Какъ любопытную новость, мы сообщаемъ ее читателямъ Современника. Редакц.

БАЛЬЗАКЪ.

J'avais entrepris une lutte nsensée! je
combattais la misère avec ma plume.
Mr. de Balzac. Introduction au
Lys dans la vallée.

Еще не прошло двухъ вѣковъ, какъ во Франціи жилъ романистъ, покрытый неизмѣримою славою; онъ былъ въ одно время плодовитѣйшимъ и любимѣйшимъ изъ писателей своего времени. Несчастное стеченіе обстоятельствъ принуждало его снискивать честное пропитаніе литературными трудами, и онъ издалъ около пятидесяти томовъ, въ тысячу двѣсти страницъ каждый, безъ пробѣловъ и полей. *Твореніе его* (*son oeuvre*), какъ сказалъ бы теперь г. Бальзакъ, имѣло нѣсколько изданій, и восхищало дворъ и столицу. Эти безконечныя повѣсти любви читались съ жадностію не однѣми женщинами, или людьми пустыми, или молодыми. Нѣтъ, отъ нихъ былъ безъ памяти ученый Гюэ,

епископъ Авраншскій; ими бредилъ епископъ Годо, а епископъ Маскаронъ съ каѳедры провозглашалъ автора ихъ достойнымъ мѣста между св. Августиномъ и св. Бернардомъ. Флешье, изящный Флешье раздавалъ эти романы въ своей эпархіи «*для назиданія благомыслящихъ людей и добраго примѣра въ нравственности всѣмъ тѣмъ, кто проповѣдуетъ ее.*» Даже пустынники Порт-Рояля (Port-Royal) не могли не участвовать въ этомъ общемъ, неимовѣрномъ восторгѣ. Если небольшое число разборчивыхъ читателей осмѣливалось находить все это длинноватымъ, то Менажъ (Ménage) объявлялъ тономъ оратора, что они показываютъ *ограниченность* ума своего; безъ церемоній, онъ ставилъ автора наравнѣ съ Гомеромъ и Виргиліемъ, и толпа была однаго мнѣнія съ Менажемъ. Слава романиста перешла за предѣлы горъ и морей; его переводили на всѣ языки; Европа удивлялась ему; королева Христина Шведская гордилась перепиской съ нимъ; живописцы спорили между собой о чести изображать черты его; поэты воспѣвали его: у него была птичка, которою весь Парижъ занимался столько же, сколько занимался онъ недавно тростью г. Бальзака; однимъ словомъ, онъ былъ еще *безсмертнѣе* нынѣшняго г. Бальзака.

Что жъ, любезные читатели! потомство до такой степени своенравно, что если я назову вамъ великаго писателя, котораго біографію сейчасъ начерталъ безъ всякаго преувеличенія, вы расхохочетесь

надо мною въ глаза; если я скажу вамъ, что это — дѣвица Магдалина Скюдери, величаемая при жизни Сафою семнадцатаго вѣка, авторомъ *знаменитаго Базы* (Illustre Basa), *Великаго Кира*, *Клеліи*, *Алмагиды* и пр. и пр., вы вмѣсто отвѣта прочтете мнѣ эпиграмму Буало, или пустите мнѣ въ голову славную географическую карту путешествія *Particulier à Tendre*, эту развращенность ума, надъ которою авторъ первый смѣялся, и останетесь при своемъ. Если я буду говорить вамъ о другихъ романическихъ знаменитостяхъ того же времени, о г. Готье Де-ла-Кальпренедѣ (Gauthier de-la Calprenéde), великомъ геніи, написавшемъ Кассандру (10 томовъ), Клеопатру (23 тома), Фарамонда, Сильвандра и пр., всего 43 тома, не считая въ этомъ числѣ 11 театральныхъ пьесъ; если я напомню вамъ о знаменитомъ Гоноре д'Урфе, отцѣ романовъ, написавшемъ Астрею, эту любимую книгу Лафонтена — д'Урфе, котораго Пелиссонъ назвалъ *однимъ изъ самыхъ рѣдкихъ и чудныхъ умовъ, явившихся во Франціи*; если я перечту вамъ двадцать другихъ именъ, обреченныхъ тогда безсмертію; то вы мнѣ скажете, что всѣ эти знаменитости совершенно неизвѣстны вамъ, что *Киръ*, *Клеопатра* и *Астрея* нестерпимо скучны (въ чемъ я охотно соглашаюсь съ вами, хотя вы и не читали ихъ), и что все это не имѣетъ ничего общаго съ г. Бальзакомъ; послѣднее увѣреніе я рѣшительно отвергаю, и вотъ почему:

Между славнѣйшимъ и плодовитѣйшимъ изъ Французскихъ романистовъ XVII вѣка и славнѣйшимъ и плодовитѣйшимъ изъ Французскихъ романистовъ XIX — между дѣвицею Скюдери и Бальзакомъ есть во всякомъ случаѣ по крайней мѣрѣ три точки соприкосновенія: тотъ же родъ, та же плодовитость, та же знаменитость. Это такъ ясно, какъ извѣстная аксіома г. Прюдомма: «отнимите человѣка отъ общества, и вы его уедините.» Замѣчательная разница заключается только въ томъ, что первый изъ двухъ романистовъ умеръ физически и литературно, а другой, въ этомъ двоякомъ отношеніи, наслаждается самою цвѣтущею жизнію. Первая часть этой разницы должна необходимо уничтожиться; такъ ли будетъ и со второю? и черезъ два вѣка послѣ насъ сходство между дѣвицею Скюдери и г. Бальзакомъ сдѣлается ли такъ совершенно, чтобы доставить какому-нибудь новому біографу случай къ вступленію, похожему на наше? Вотъ, любезные читатели, важный, щекотливый, трудный вопросъ, занимающій меня при началѣ этой статьи; вопросъ, котораго рѣшеніе принадлежитъ потомству, и о которомъ однако жъ мы скажемъ предварительно нѣсколько словъ со всею осторожностію, необходимою при разсматриваніи дѣла, неподлежащаго окончательно нашему рѣшенію. Это бѣглое сближеніе романа первоначальнаго съ романомъ нынѣшнимъ, можетъ быть, покажется вамъ не важнѣе ряда пошлыхъ и обветшалыхъ шутокъ надъ частною жизнію, привычками, монаше-

скимъ платьемъ, заимодавцами и тростью Бальзака. Впрочемъ мы постараемся сократить это разысканіе, чтобы біографія ничего не потеряла отъ того.

Но — скажете вы мнѣ (если, подобно мнѣ, съ наслажденіемъ читаете г. Бальзака)—какъ можно сравнивать *образцовыя произведенія* (chefs-d'oeuvre) съ кучею произведеній скучныхъ, неимѣющихъ другаго достоинства, кромѣ своей плодовитости, и лишенныхъ слога, воображенія и ума? Подождите, любезный читатель; наши предки, современники Ришельё, кардинала Реца, г-жи Севинье и Паскаля, были не глупѣе насъ; многотомные романы дѣвицы Скюдери приводили ихъ въ восторгъ, и стоитъ только прочитать ихъ, чтобы убѣдиться, что въ нихъ есть и умъ, и воображеніе, и даже слогъ. Литературная форма ихъ не представляетъ большой разницы съ хорошими сочиненіями того времени, и при всемъ томъ — спѣшу сознаться—надобно имѣть рѣдкое мужество, чтобы рѣшиться прочитать ихъ: умрешь со скуки. Отъ чего жъ это? и чего недостаетъ у дѣвицы Скюдери, чтобы плѣнять насъ такъ, какъ она плѣняла отцевъ нашихъ? Дѣвица Скюдери не умѣла писать, отвѣчаютъ нѣкоторые критики; сочиненія живутъ только слогомъ. Это утвержденіе, какъ я сказалъ уже, ложное здѣсь на дѣлѣ, кажется мнѣ подлежащимъ большому спору и въ своемъ основаніи. Не литературная форма, которую мы неспособны и оцѣнить, пронесла Иліаду или романъ Лонгуса черезъ всѣ вѣка; и если Шекспиръ,

котораго теперь сами Англичане принуждены переводить, достигъ безсмертія, то развѣ слогомъ? Нѣтъ, великіе писатели достигаютъ безсмертія гораздо скорѣе истиною чувствъ и страстей, истиною не единичною, мѣстною, однодневною, но истиною человѣческою, вѣчною. Романы дѣвицы Скюдери мертвы, потому-что они не были истинны: ими можно было восхищаться, хотя они и были лишены не только истины общей, но даже, до нѣкоторой степени, и относительной. Романистъ, какъ ни желалъ бы вѣрно представить природу, не есть историкъ; это поэтъ; его дѣло творить прекрасное, но прекрасное въ истинномъ. Если это прекрасное его имѣетъ точкою опоры страсти поддѣланныя, странности преходящія; произведенія его будутъ нравиться до тѣхъ поръ, пока продолжаются эти самыя страсти, эти самыя странности, хотя бы онъ и увеличивалъ, чертилъ и раскрашивалъ ихъ по-своему: но когда это непрочное основаніе разрушится, все упадетъ, и у такихъ сочиненій не останется даже вещественной цѣны, какъ историческаго документа. Это случилось съ романами дѣвицы Скюдери.

Вотъ общая основа этихъ книгъ, столь любимыхъ нашими предками, потому-что они находили въ нихъ себя съ своими вкусами, мнѣніями, разговорами, странностями, привычками и самыми своенравными причудами своего воображенія. Они видѣли въ нихъ себя щеголеватыми, болтливыми, неустраши-

мыми, затѣйливыми, вздорливыми, влюбчивыми, но существенно добродѣтельными, и эта маленькая ложь придавала только новую прелесть.

Дѣйствіе происходило или въ Ассиріи, или въ Персіи, или въ Египтѣ, или въ Римѣ; но разумѣется, что эти Персіяне, Ассиріяне, Римляне принадлежали къ этимъ народамъ только именемъ. Четыре качества были необходимы для составленія героя какаго-нибудь романа: статный ростъ, сердце, умъ и *знатность*, *condition* (выраженіе того времени); часто бывалъ имъ переодѣтый принцъ; героиню представляла обыкновенно дочь королевская, или какая-нибудь другая принцесса, или по крайней мѣрѣ знатная и какъ день прелестная дама. Любящіеся встрѣчались въ первый разъ въ храмѣ Синопскомъ, или въ садахъ Экватанскихъ, или при дворѣ Вавилонскомъ, или наконецъ на берегахъ Тибра. Тогда, какъ и теперь, герой былъ тотчасъ же смертельно раненъ въ сердце («первая минута этаго роковаго взгляда была первою моей страсти»); если случай былъ благопріятенъ и отношенія позволяли, онъ подходилъ къ дамѣ съ видомъ, въ которомъ выражалась любезность и преданность («мы покраснѣли оба при этомъ вступленіи, но конечно отъ различныхъ чувствъ, она отъ скромности, я—отъ любви»). Наши новѣйшіе герои имѣютъ лучшее мнѣніе о самихъ-себѣ.

Возвратясь къ себѣ, принцъ, непремѣнно снабженный наперсникомъ, какъ принцесса наперсницею, съ восторгомъ говорилъ о красотѣ, поразившей взоры его, и обращался къ сердцу своему съ безконечными вопросами (наконецъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія я вдругъ рѣшился и воскликнулъ: «Нѣтъ, нѣтъ, мое сердце; перестань колебаться, и сознайся, что ты уважаешь, любишь, обожаешь Аместрису»). Рѣшась такимъ образомъ, герой для снисканія любви своей красавицы показывалъ качества и дарованія сверхъестественныя; отличался подвигами, превышавшими двенадцать подвиговъ Геркулеса; опрокидывалъ арміи, бралъ города; вызывалъ соперниковъ своихъ на поединки, обезоруживалъ ихъ или ранилъ, дарилъ имъ жизнь и пріобрѣталъ ихъ уваженіе. Онъ былъ храбръ какъ Ахиллъ, человѣколюбивъ и великодушенъ какъ Баярдъ, мудръ и воздерженъ какъ Сципіонъ, и вскорѣ во всемъ царствѣ только и было рѣчей, что о немъ.

Со стороны героини страсть подвигалась медленнѣе; въ концѣ первой части она была еще только при почтеніи; въ продолженіи пяти слѣдующихъ частей, она попеременно была похищаема полдюжиною жениховъ. Всѣ эти похитители были знатнаго рода, хорошо воспитаны, пламенно влюблены, но исполнены глубокаго уваженія. Они довольствовались тѣмъ, что возили героиню по горамъ и по доламъ, по суху и по морю, занимая ее униженно и краснорѣчиво

разговаривая о страсти своей. Само собой разумѣется, что она обходилась съ нимъ сурово, и какъ она ослѣпливалась внезапно тѣмъ, къ кому питала уваженіе, то дѣло не оканчивалось ея благодарностью. Герой, покорный обстоятельствамъ, переходилъ огромное число разстроенныхъ предосторожностей, чтобъ сказать слово о любви своей. Сначала его принимали дурно, или потому, что званіе его было неизвѣстно, или потому, что строгая добродѣтель героини пугалась выраженія чувства, которое благородные родители ея не позволяли ей раздѣлять. Герой объявлялъ и доказывалъ, что онъ происхожденія знаменитаго; тогда ему показывали, что чувствовали маленькое расположеніе къ нему съ самаго того времени. Въ девятомъ томѣ, въ третьей главѣ, приходилось ему въ такомъ уединеніи, которое позволяло не сердиться за любовь его и ждать продолженія ея на-вѣкъ; наконецъ въ десятомъ, съ согласія родителей, объявляли, со всѣми приличіями, оканчивали дѣло свадьбой, и были по словамъ сочинителя столько счастливы, сколько возможно быть болѣе.» Иногда романъ оканчивался дурно: героиня выходила за другого; какъ нарушеніе супружеской вѣрности не было еще въ большомъ употребленіи въ книгахъ, то она умирала съ горя, и любовникъ немедленно слѣдовалъ за нею въ могилу. «Будучи счастливъ — какъ говорилъ авторъ — что не переживетъ той, для которой онъ только и жилъ, и поставляя за славу видѣть свою смертію

прекрасный примѣръ самой чистой и самой истинной страсти, какая когда-либо горѣла въ душѣ.»

Здѣсь не лишнее будетъ сказать, что эти десять томовъ были всегда начинены множествомъ особенныхъ исторій, которыя расказывались второстепенными лицами романа; всѣ эти расказы то хорошо, то дурно связывались съ главнымъ и придавали сочиненію чрезвычайное разнообразіе случаевъ и приключеній. Все, что воображеніе можетъ представить чудеснаго, всѣ хитрости, какія можетъ придумать самый утонченный умъ, чтобъ высказать тысячи оттѣнковъ одной мысли, все это встрѣчалось здѣсь на каждомъ шагу, и все это было страстно до холода, жеманно, кокетливо, изысканно, многословно, непонятно по идеѣ еще болѣе, нежели по формѣ; не было ни плана, ни связи, ни логики, но все было полно чистоты, нѣжности, рыцарства; ни сцены въ альковѣ или будуарѣ, ничего похожаго на то, чтобы могло встревожить самую строгую стыдливость; благопристойность слога равнялась съ благородствомъ чувствъ. Между-тѣмъ внѣ этаго идеальнаго и платоническаго міра, столь любимаго умниками, настоящій міръ шелъ своимъ порядкомъ. Нинона писала свою записку Лашатру; Бюсси увозилъ женщинъ и обходился съ ними иначе, нежели Ассирійскій принцъ съ *знаменитою* Манданою; любовныя приключенія аббата Гонди и Бассомпьера мало походили на любовь Артамены и Тиридата; а Бринвилльеръ

являлась чернымъ пятномъ на этихъ блестящихъ картинахъ.

Теперь наши романисты измѣнили все это; чтобъ угодить нашему вкусу, они взяли все на-оборотъ. Но съ равною мѣрою ума и воображенія, съ большимъ запасомъ науки, наблюденій, логики, истинной страсти, съ усовершенствованною литературною формою, г. Бальзакъ, въ противоположномъ порядкѣ идей, часто показывалъ ту же неумѣренность слога, тѣ же ошибки въ описаніяхъ и анализѣ, какія поражаютъ насъ въ дѣвицѣ Скюдери. У обоихъ вы найдете страницы, соперничествующія въ принужденности и дурномъ вкусѣ; и, что особенно замѣчательно — изъ двухъ родовъ, самый напыщенный, ненатуральный, хитро сплетенный принадлежитъ не дѣвицѣ Скюдери. Чтеніе *Кира* и *Клеліи* (исключая однако жъ карту Нѣжности (Tendre), которую можно назвать образцемъ *принужденности* слога) утомительно гораздо болѣе по своей монотоніи и надутости, нежели по утонченности. Все это длинно, многословно, натянуто; это безконечная амплификація, измѣняемая въ приключеніяхъ, но всегда основанная на одной и той же темѣ; это потокъ фразъ безъ логической связи Но какъ ни разведена мысль, она нигдѣ не исчезаетъ совершенно: она безцвѣтна, глупа или напыщенна, но все-таки видна и ощутительна. Напротивъ-того у Бальзака описаніе и анализъ, составляющіе впрочемъ блестящую сторону его таланта,

превращаются иногда въ мелочи столь утонченныя и запутанныя, что ничего не поймешь въ нихъ. Можно представить этому тысячи примѣровъ. Изъ двухъ писателей у однаго былъ рѣзецъ невинный, которымъ онъ, по невѣдѣнію, водилъ безпрестанно по одной и той же фибрѣ; другой, съ большею ученостію, ободравъ кожу со всѣхъ сторонъ сердца, засѣлъ въ уголокъ, и оттуда изъ любви къ новизнѣ забавляется разсѣченіемъ жилочекъ и разрѣзываніемъ атомовъ. Первый имѣетъ только одну фальшивую ноту, измѣняемую на двадцать различныхъ образовъ, но въ существѣ своемъ всегда ту же; у втораго цѣлая странная гамма: у него есть ноты чудно прекрасныя, есть такія мелкія, такія слабыя, что едва слышны; есть и такія крикливыя, что дерутъ уши. Соедините эти три рода нотъ тридцатью различными манерами — и вы получите понятіе о пѣніи г. Бальзака. Иногда онъ беретъ только свои хорошія ноты, и пѣніе его дѣлается довольно однообразно, но очень чисто, просто и прекрасно; часто онъ прибавляетъ къ нимъ ноты слабыя, и отъ того происходитъ пѣніе неполное, удовлетворяющее только въ-половину; иногда онъ переберетъ сряду всю свою гамму: сначала чистые звуки, потомъ слабые, а потомъ фальшивые; наконецъ часто онъ смѣшиваетъ ихъ всѣ вмѣстѣ, и эта смѣсь производитъ настоящую разладицу.

Если, продолжая это сравненіе романа XVII-го вѣка съ романомъ XIX-го въ лицѣ двухъ главныхъ

представителей ихъ, мы перейдемъ къ основанію самыхъ книгъ, къ положенію физіономіи дѣйствующихъ лицъ и къ игрѣ страстей, то всякое сходство исчезаетъ, или лучше сказать, представляется сходство обратное. Дѣвица Скюдери жила въ обществѣ праздномъ и пустомъ, но исполненномъ порядка и стройности; въ дѣлахъ сердца, также какъ и въ дѣлахъ жизни, существовалъ родъ этикета, отъ котораго никто не могъ уклоняться. Карта *нѣжности* имѣла свою истинную, положительную, прикладную сторону. Г. Бальзакъ принадлежитъ къ обществу, имѣющему законы политическіе, но безъ общественныхъ и нравственныхъ. Жизнь въ немъ довольно правильна, не смотря на скудость, отъ того что главнымъ двигателемъ ея есть выгода, и важнѣйшею пружиною—деньги; но за то въ умственномъ мірѣ ея ужасный хаосъ. И именно этою стороною Бальзакъ болѣе всего походитъ на свой вѣкъ. Литературное отличіе наше есть отвращеніе отъ того, что извѣстно; чѣмъ холоднѣе и обыкновеннѣе жизнь наша, тѣмъ взыскательнѣе и лихорадочнѣе мысль наша: вотъ уже очень давно, какъ сердце человѣческое, этотъ золотой рудникъ, изрывается во всѣхъ направленіяхъ романистами и поэтами. Сколько нужно заботъ и терпѣнія, чтобъ открыть въ немъ новую жилу! А мы хотимъ новаго, неожиданнаго; мы хотимъ его получить скоро и много, хотя бы надобно было доставать за предѣлами міра. Въ этой поспѣшности мы сплавливаемъ вмѣстѣ извѣстные типы, ищемъ новыхъ впечатлѣній въ противоположностяхъ неестественныхъ, и со всѣми

возможными усиліями создаемъ творенія безобразныя, странныя, уродливыя, которымъ недостаетъ двухъ главнѣйшихъ элементовъ жизни—простоты и истины, и которыя умираютъ вмѣстѣ съ нами, или даже прежде насъ.

Теперь для героя романа не нужно ни привлекательной наружности, ни ума, ни сердца, ни знатности; ни одно изъ этихъ достоинствъ не считается необходимымъ; послѣднее не только исчезло, но даже замѣнилось противоположнымъ качествомъ. Не имѣть отца есть одно изъ первыхъ преимуществъ романическаго героя: ничто не представляетъ столько поэзіи, какъ человѣкъ, неимѣющій свидѣтельства о рожденіи. Однако жъ надобно прибавить, что въ этомъ отношеніи Бальзакъ есть самый аристократическій романистъ нашъ: у героевъ его вообще есть отецъ, даже какой-нибудь титулъ, или по крайней мѣрѣ частичка, означающая дворянство. Только существованіе ихъ часто бываетъ соединено таинственными узами съ какимъ-то обществомъ освобожденныхъ каторжниковъ, мошенниковъ и дѣвъ веселья — особеннымъ міромъ, устроеннымъ г. Бальзакомъ на его ладъ, откуда онъ любитъ почерпать мрачныя краски для картинъ своихъ. Другія качества, любимыя нашими предками, слились всѣ въ одномъ сложномъ и совершенно-новомъ. Я говорю здѣсь о *Не знаю что-то* (je ne sais quoi); этотъ драгоцѣнный даръ замѣнилъ все. *Не знаю что-то* обыкновенно покоится во взорѣ;

этотъ взоръ заключаетъ въ себѣ все, что угодно: онъ то кротокъ, то гордъ, чаще кровожаденъ, но всегда исполненъ сверхъестественнаго дѣйствія. Онъ бросаетъ отъ себя — говоря словами г. Бальзака — *влажные лучи*, которыхъ сила непреодолима, и которые пронзаютъ насквозь сердце женщины за сто шаговъ не хуже карабина Дельвиньскаго. Что жъ касается до умственныхъ и нравственныхъ способностей, то герой обыкновенно представляетъ самую странную смѣсь. Прежде всего надобно знать, что на челѣ его положена божественная печать; онъ одаренъ геніемъ, большимъ геніемъ, и даже всемірнымъ геніемъ. Онъ по волѣ своей могъ бы быть великимъ полководцемъ, великимъ философомъ, великимъ поэтомъ, великимъ ораторомъ, великимъ государственнымъ мужемъ; если онъ не сдѣлался Наполеономъ, Монтескьё, Шатобріаномъ, Мирабо или Ришельё, то это отъ того, что люди показались ему существами слишкомъ мелкими, чтобы стоило труда руководить ихъ, или отъ того, что онъ однимъ взглядомъ проникъ ничтожество дѣлъ человѣческихъ, или, можетъ быть, отъ того (какъ сказано въ исторіи Маркаса), что ему недоставало платья и пары сапоговъ. Въ сношеніяхъ его съ женщинами онъ въ одно время откровененъ какъ дитя; мраченъ, дерзокъ и свирѣпъ какъ разбойникъ; щеголеватъ и хитръ, какъ повѣса временъ прошедшихъ; неблагопристоенъ, площаденъ и безстыденъ, какъ плутъ XIX вѣка. Возьмите немножко корсара Байроновскаго, немножко Грандиссона, немножко Ловеласа или

Лаузуна и побольше Роберта Макера; смѣшайте все это неровными количествами; назовите Растиньякомъ (Rastignac), Трайлемъ (de Trailles), де Марсе (de Marsay), Ронкеролемъ (Ronquerolles) и проч. — и у васъ составится типъ влюбленнаго во вкусѣ г. Бальзака.

Независимо отъ сихъ созданій, болѣе или менѣе но непремѣнно походящихъ другъ на друга, г. Бальзакъ произвелъ еще другіе мужескіе типы, которые, по моему мнѣнію, гораздо лучше. Въ трогательной повѣсти его: *Евгенія Гранде,* онъ нашелъ типъ скряги, которому позавидовалъ бы самъ Мольеръ. Въ *отцѣ Горіо* у него есть портретъ каторжника не натуральный, но богатый красками (я говорю о романѣ, извѣстномъ подъ этимъ именемъ; что жъ касается до драмы Vautrin, то это есть худшее произведеніе нашего вѣка и по идеѣ, и по формѣ). Портретъ алхимика (въ la Recherche de l' Absolu), портретъ священника Бирото (въ Célibataires), портретъ ростовщика Гобсека (въ le Pére Goriot), портретъ путешествующаго коммисіонера (въ исторіи Illustre Gaudissart), представляющій лучшее произведеніе поэтическаго вдохновенія, простоты и истины, всѣ эти различные типы, по большой части неизвѣстные романистамъ прежнихъ вѣковъ, составляютъ самое прочное основаніе литературнаго зданія г. Бальзака.

Въ женскихъ созданіяхъ своихъ г. Бальзакъ является намъ Христофоромъ Колумбомъ новаго рода.

Онъ открылъ типы красоты, никогда неподозрѣваемой до него, и описываетъ свое открытіе съ такими роскошными подробностями, такими магическими словами, съ такимъ наружнымъ добродушіемъ въ энтузіазмѣ, что читатель попадается въ обманъ; тамъ, гдѣ мы видимъ нашими глазами только голую и безплодную скалу, г. Бальзакъ показываетъ намъ своими зеленѣющій островъ, пересѣкаемый ручейками, усѣянный лѣсами, испещренный цвѣтами; это уже не Гренландія, это Отаити! Дайте г. Бальзаку женщину въ сорокъ лѣтъ, блѣдную, желтую, печальную, больную, изнеможенную, со впалыми глазами и сердцемъ, даже горбатую или хромую, какъ госпожа Клаэ; все равно, и это послѣднее обстоятельство сдѣлается тотчасъ новою прелестью. Такую-то красавицу чудный романистъ одѣваетъ вамъ съ самымъ изящнымъ вкусомъ; онъ искусно окружаетъ ее кружевами и блондами, придаетъ глазамъ ея совершенно особенную магнетическую силу; соединяетъ со всѣми ея движеніями какую-то роскошную безпечность, вмѣстѣ скромную и увлекающуюся. Скука превращается въ мечтательность; желтый цвѣтъ ея лица, прилично освѣщенный, покрывается въ полусвѣтѣ самыми прелестными оттѣнками; въ складкахъ на ея вискахъ, въ формѣ носа, въ углахъ губъ, въ чертахъ на шеѣ, въ ушахъ ея, въ волосахъ, даже въ ногтяхъ ея г. Бальзакъ открываетъ цѣлый міръ чудесъ, о которыхъ вы не имѣли и понятія; вы ослѣплены, очарованы; передъ вами стоитъ уже не

женщина зрѣлыхъ лѣтъ, желтая и безобразная; нѣтъ, это ангелъ, волшебница, Венера, которая можетъ заставить бредить студента и мечтать — старика въ восемдесятъ лѣтъ.

Пусть г. Бальзаку случится изобразить намъ женщину молодую и прекрасную; и здѣсь вы увидите въ немъ то же отвращеніе отъ извѣстнаго, ту же страсть къ открытіямъ. Онъ откинетъ въ сторону все, что плѣняетъ людей обыкновенныхъ. Сейчасъ онъ превращалъ безобразіе въ красоту, теперь онъ сдѣлаетъ почти на́-оборотъ. Тщательною отдѣлкой онъ испортитъ рисунокъ свой. Во времена дѣвицы Скюдери не обращали на это такъ много вниманія; громоздили одно прекрасное на другое; героиня всегда бывала образцемъ совершенствъ физическихъ и моральныхъ. Сравнимъ оба рода. Вотъ портретъ *знаменитой* Манданы (Артамена, т. 1., стр. 330):

«Эта принцесса вступала въ шестнадцатую весну. «Покрывало серебрянаго газа, спускавшееся съ головы ея, не мѣшало видѣть золотыя кольца ея прекрасныхъ волосъ. Ничто не могло быть прелестнѣе «бѣлокураго цвѣта ихъ: онъ имѣлъ все, что нужно, «чтобъ придать лицу блескъ и ни сколько не отнять «живости, столь необходимаго украшенія совершенной красавицы. Станъ ея былъ исполненъ благородства, привлекательности, даже изящности; поступь «отличалась величіемъ столь скромнымъ, что сердца

«всѣхъ, видѣвшихъ ее, увлекались ею. Бѣлая и пол-
«ная шея ея поражала своею прекрасною формою;
«голубые глаза были такъ кротки, такъ блестящи и
«выражали столько стыдливости и прелести, что не-
«возможно было видѣть ихъ безъ уваженія и обожанія.
«Коралловыя уста ея были такъ прекрасны, зубы
«такъ бѣлы и ровны, цвѣтъ лица такъ ослѣпителенъ
«бѣлизною и розами, что свѣжесть и красота самыхъ
«рѣдкихъ весеннихъ цвѣтовъ могутъ датъ только сла-
«бое понятіе о томъ, что я увидѣлъ и что украшало
«эту принцессу. Она имѣла прекраснѣйшія руки, какія
«только возможно видѣть: я замѣтилъ и эту послѣд-
«нюю красоту, какъ замѣтилъ всѣ другія, въ ту
«минуту, когда она, входя во храмъ, приподняла два
«раза покрывало свое. Наконецъ скажу вамъ, госу-
«дарь, что отъ всѣхъ этихъ прелестей, которыя я
«вамъ описывалъ такъ пространно для того только, что-
«бы представить вамъ Артамену извинительнѣе, отъ
«всѣхъ этихъ прелестей проливалась на всѣ дѣйствія
«этой знаменитой принцессы такая чудная, необыкно-
«венная пріятность, что ходила ли она или стояла,
«говорила или молчала, улыбалась или задумыва-
«лась — во всякомъ положеніи она была прелестна
«и восхитительна.»

Взглянемъ теперь на главныя черты одной изъ самыхъ молодыхъ и самыхъ прелестныхъ женщинъ Бальзака, на г-жу Морсофъ (Лилія въ долинѣ), на г-жу Морсофъ въ двадцать семь лѣтъ. Между обоими

портретами протекло времени сто восемдесятъ шесть лѣтъ.

«Чело ея, круглое, выпуклое какъ у Жоконды, «казалось, было полно идей невыразимыхъ, чувствъ «удерживаемыхъ, цвѣтовъ, потопленныхъ водами «горькими; зеленоватые глаза ея, усѣянные темными «точками, были всегда блѣдны; но когда что-нибудь «касалось до ея дѣтей, изъ этихъ глазъ вырывалось «тонкое пламя, которое, по-видимому, зажигалось въ «источникахъ жизни и должно было изсушить ихъ. «Греческій носъ, образованный какъ будто рѣзцомъ «Фидія и соединявшійся двойною аркою съ губами «красиво излучистыми, придавалъ духовность оваль-«ному лицу ея, котораго кожа, походя на ткань «цвѣтовъ бѣлой камеліи, покрывалась на щекахъ пре-«лестными розовыми оттѣнками. Дородность не уни-«чтожала граціозности стана ея, ни той полноты, ко-«торая нужна была для того, чтобы формы ея сдѣ-«лать прекрасными при всемъ развитіи ихъ. Легкій «пухъ стлался по щекамъ ея, по выпуклостямъ шеи, и, «удерживая въ нихъ свѣтъ, дѣлалъ его какъ будто «шелковистымъ. Уши ея, маленькія и красиво округ-«ленныя, были, по выраженію ея, ушами неволь-«ницы и матери; руки отъ самыхъ плечь прекра-«сны; кисть съ загнутыми внутрь пальцами была «длинна и, какъ у древнихъ статуй, мякоть спуска-«лась ниже ногтей, окруженныхъ тонкими оконечно-«стями. Тѣло ея имѣло свѣжесть, которой восхищаем-

«ся мы въ листьяхъ, только-что развернувшихся; умъ «— глубокую краткость дикаго; она была младен«цемъ по чувству, важна по страданію, была въ одно «время степенною дамою и молоденькой дѣвочкой. И отъ «того она безыскуственно нравилась во всякомъ по«ложеніи, садясь, вставая, молча, произнося малѣй«шее слово... Слушая, какъ она выговаривала оконча«нія на *і*, можно было думать, что слышишь что-то «похожее на пѣніе птицы, ея *ш* походили на ласку, а «*т* обличали деспотизмъ сердца. Такимъ образомъ она, «не догадываясь, увеличивала смыслъ словъ и увлека«ла душу въ міръ неизмѣримый.»

Читатель мой, кто нравится вамъ болѣе, *знаменитая* ли Мандана, или г-жа Морсофъ? Что касается до меня, то признаюсь, что *мое сердце колеблется между обѣими*, т. е. что онѣ обѣ не нравятся мнѣ по различнымъ причинамъ. Первый портретъ есть произведеніе искуства въ младенчествѣ его: колоритъ безъ всякой отдѣлки, нѣтъ оттѣнковъ, нѣтъ легкости, много небрежности и мало истины. Во второмъ — дышетъ своенравное и прихотливое усиліе старой, изнуренной литературы: все изысканно, принужденно, искривлено, уродливо. Если бы до *Смѣшныхъ жеманщицъ* (les Précieuses Ridicules) Мольеръ встрѣтилъ гдѣ-нибудь *эти цвѣты, потопленные горькими водами, это пламя, зажигающееся въ источникахъ, эти т, обличающія деспотизмъ сердца* — онъ бросилъ бы перо отъ безнадежности достичь до такаго высокаго

комизма. Однако жъ есть люди, которые при такихъ открытіяхъ млѣютъ и восклицаютъ: «Какой глубокой аналитикъ г. Бальзакъ!» И вотъ какимъ образомъ писателю, счастливо одаренному природою (въ этомъ самомъ романѣ: Лилія въ долинѣ, и въ двадцати другихъ есть мѣста восхитительныя), угодно подвергать пыткѣ здравый разсудокъ и языкъ. Когда съ спокойной головой перечитываешь произведенія г. Бальзака, когда ускользаешь отъ обаянія какой-нибудь идеи, поражающей силою и истиною, то столбенѣешь отъ невѣроятныхъ вольностей, какія знаменитый романистъ позволяетъ себѣ въ этомъ родѣ; множество страницъ останутся послѣ него образцомъ уродливаго и жесткаго слога. Вы увидите здѣсь длинныя, растянутыя фразы, дурно сплавленныя одна съ другою, усѣянныя странными, вновь выдуманными словами, которыя, вмѣсто того, чтобы объяснить мысль, дѣлаютъ ее еще непонятнѣе; вы увидите метафоры, отъ которыхъ волоса поднимаются дыбомъ; образы, гдѣ смѣшаны и свиты вмѣстѣ всѣ три царства природы. Надобно знать, что вся эта нестерпимая безсмыслица не случайная, но придумана съ намѣреніемъ. Ничто не походитъ менѣе на небрежность, какъ настоящій слогъ г. Бальзака; его извѣстность, какъ писателя, безпрестанно перемѣняющаго фразы въ корректурахъ, сдѣлалась пословицею въ типографіяхъ; онъ ужасно хлопочетъ, чтобы избѣжать простоты; онъ называетъ это битвою съ языкомъ; между-тѣмъ не лучше ли бы было жить съ нимъ въ мирѣ?

При всемъ томъ я повторяю, что Бальзакъ, по моему мнѣнію, принадлежитъ къ числу людей, одаренныхъ отъ природы священнымъ огнемъ; и меня, критикующаго его именно по тому удивленію, какое я чувствую къ таланту его, меня сколько разъ утро заставало неспящимъ за чтеніемъ какой-нибудь книги его, начатой наканунѣ! Какой молодой человѣкъ, женщина или старикъ не чувствовали при голосѣ этаго волшебника, какъ поднимался отъ сердца въ голову жаркій приливъ желаній, мечтательныхъ сновъ и воспоминаній? У него есть мысли, отъ которыхъ зашевелится у васъ въ самыхъ глубокихъ сокровенностяхъ души; глаза наполнятся слезами; вы положите книгу, предадитесь сладостному впечатлѣнію; вы остановитесь отдохнуть на свѣжемъ оазисѣ и потомъ продолжаете путь свой мимо пропастей, ледяныхъ горъ, обнаженныхъ скалъ, безплодныхъ кустарниковъ и скучныхъ степей. Если бы предѣлы этой статьи позволяли, я желалъ бы продолжать это сравненіе между Бальзакомъ и дѣвицею Скюдери, показавъ со всею очевидностію, въ ходѣ ихъ романовъ, характеръ и дѣйствіе обѣихъ эпохъ. Можетъ быть, кому-нибудь эта работа понравится; но какъ я не могу заняться ею здѣсь со всею удобностію, то довольствуюсь указаніемъ на нее, спѣша заключить, какъ требуетъ того справедливость, что если Бальзакъ подвергся въ своихъ идеяхъ вредному и обезсиливающему вліянію общества, въ которомъ жилъ, то нашелъ въ собственномъ чувствѣ прекраснаго столько силы, что иногда онъ освобождается

отъ этаго вліянія; и если ему суждено жить въ будущемъ (самонадѣянно было бы утверждать это), то конечно только по этому случаю.

Литературная біографія Бальзака заключается вся въ слѣдующихъ нечестолюбивыхъ, но справедливыхъ строкахъ однаго изъ его предисловій: «Слогъ «людей страждущихъ или пораженныхъ громомъ не «походитъ на слогъ тѣхъ, которыхъ жизнь протекла «безъ трагическихъ катастрофъ.» Перескажемъ въ короткихъ словахъ эту пораженную громомъ жизнь. Гонорій де Бальзакъ родился въ Турѣ (Tours) 20 мая 1799 года отъ бѣдныхъ родителей; онъ не происходитъ отъ знаменитаго соименника своего, великаго Бальзака, котораго никто не читаетъ болѣе; родовое имя послѣдняго было: *Гюэзъ*. Славный современникъ нашъ самъ увѣдомляетъ насъ, что онъ не дворянинъ, «по смыслу этаго слова въ исторіи и у дворянъ, сло-«ва, столь глубоко значительнаго для семействъ побѣ-«доноснаго племени; но я, прибавляетъ онъ, говорю «это, противопоставляя гордость гордости, потому-что «отецъ мой хвалился своимъ происхожденіемъ отъ «племени побѣжденнаго, отъ фамиліи, противившейся «нашествію въ Овернѣ, и произведшей Антраговъ «(les d'Entragues.).» И такъ мы охотно соглашаемся, что г. де Бальзакъ принадлежитъ къ племени побѣжденному, что онъ происходитъ отъ чистѣйшей крови Галловъ. Мы не будемъ подшучивать даже и надъ его частицей *де*. На вопросы тѣхъ, кто спрашивалъ у него,

[illegible]

[illegible]

лѣность лишніе уроки (*pensums*), огорчался прозвищемъ *поэта*, и проводилъ все время свое въ рѣшеніи, вмѣстѣ съ чудеснымъ другомъ своимъ Ламберомъ, самыхъ трудныхъ задачь метафизики. Ученье г. де Бальзака кончилось, кажется, въ Парижѣ, въ пансіонѣ г. Лепитра.

Сдѣлавшись юношею, г. де Бальзакъ, безъ состоянія, но съ большимъ запасомъ отважнаго ума человѣка, чувствующаго свою силу, бросился со всѣхъ ногъ въ этотъ адъ, называемый литературною жизнію. Интересный романъ, изданный имъ вскорѣ потомъ подъ названіемъ: *Великій человѣкъ изъ провинціи въ Парижѣ*, можетъ конечно дать понятіе о его тогдашнемъ существованіи. Съ рѣдкою неустрашимостію и неутомимымъ мужествомъ онъ сдѣлалъ двадцать безполезныхъ приступовъ къ славѣ и потерялъ убитыми подъ нимъ около сорока томовъ. Едва терялъ одно сраженіе, онъ рѣшался тотчасъ на другое, перемѣнивъ только цвѣтъ своего знамени; онъ попеременно назывался то Гораціемъ Сентъ-Обеномъ (Horace de Saint Aubin), то Віеллерглеемъ (Viellerglè), то лордомъ Руномъ (Lord R'hoone). Чѣмъ менѣе было охотниковъ читать его, тѣмъ болѣе онъ имѣлъ охоты писать. Les deux Hector, le Centenaire, le Vicaire des Ardennes, Charles Pointel, l' Hér tière de Birague, Jean Louis, le Tartare ou le Retour de l'Exilé, Clotilde de Lusignan, la Dernière Fée, Michel et Christine, l'Anonyme, Annette et le Criminel, Wann-Chlore, le Corrupteur, и пр. вотъ

имена главнѣйшихъ изъ погибшихъ дѣтей г. де Бальзака. Стоическими глазами смотрѣлъ онъ на перехожденіе ихъ изъ магазина книгопродавца въ лавочку букиниста, и оттуда на лотокъ пряничника. Этотъ литературный скарбъ, теперь позабытый, принадлежитъ къ годамъ отъ 1821 до 1827. Надобно прибавить, что Бальзакъ отвергаетъ теперь порядочное число сочиненій, ему приписанныхъ, и объявляетъ, что и между признанными имъ за собственныя, есть много такихъ, которыя написаны многочисленными сотрудниками его. Однако жъ трудно объяснить, какъ могъ онъ позволить отрыть большую часть этой дряни, вновь отпечатанной недавно подъ прозрачнымъ псевдонимомъ: *Обильнѣйшій изъ нашихъ романистовъ*.

Не довольствуясь перомъ, молодой писатель пустился искать счастія въ спекуляціяхъ типографій и книжной продажи, которыя всѣ кончились дурно; онъ вошелъ въ большіе долги, и чтобъ заплатить ихъ, долженъ былъ снова прибѣгнуть къ тому способу, который до сихъ поръ такъ дурно удавался ему. «Я хотѣлъ—сказалъ онъ въ послѣдствіи—заплатить огромнѣйшій долгъ за себя и жить великолѣпно. Я хотѣлъ достичь этаго великаго результата посредствомъ гусинаго пера, бутылки чернилъ и нѣсколькихъ дестей бумаги, въ такомъ городѣ, гдѣ литераторъ не имѣетъ кредита, и гдѣ нуженъ не только талантъ, но и счастіе и кромѣ того труды, непокидаемые ни днемъ, ни ночью, чтобы выработать шесть тысячь

франковъ въ годъ; а я долженъ былъ восемь тысячь франковъ однихъ ежегодныхъ процентовъ за капиталы, взятые въ займы! Не безуміе ли было это? Я рѣшился на эту борьбу въ ту минуту, когда одинъ изъ друзей моихъ, прославившійся своимъ смертоубійствомъ, застрѣлился.» Благодаря своему упрямству и мужеству, Бальзакъ сошелъ съ бою побѣдителемъ. *Послѣдній изъ Шуановъ* былъ первою блестящею точкою его поприща. Эта книга, стоящая, можетъ быть, ниже слѣдующихъ идеею и анализомъ, по моему мнѣнію есть одно изъ лучшихъ произведеній Бальзака. Авторъ высказываетъ въ ней довольно ясно свои мысли и не сыплетъ, какъ въ другихъ, перехитренными и исковерканными фразами. Со времени появленія этой книги извѣстность Бальзака начала возрастать все болѣе и болѣе. La Phisiologie du mariage, la Peau de Chagrin, l'Histoire des Treize, поставили его наряду съ любимѣйшими писателями, и вскорѣ появилось новое и безчисленное литературное семейство, уже гораздо лучше принятое публикою.

Эта огромная панорама, называемая *Scènes de la vie privée*, гдѣ г. Бальзакъ, по его мнѣнію, представилъ намъ эпоху нашу подъ всѣми ея видами, можетъ дѣлиться на три главные отдѣла. Здѣсь есть Scènes de la vie Parisienne (Сцены Парижской жизни), Scènes de la vie de Province (Сцены провинціальной жизни) и Contes ou Etudes philosophiques (Сказки или философическія попытки). Я оставляю въ сторонѣ

Contes drolatiques, неблагопристойное сочиненіе въ родѣ написаннаго Рабеле, которое авторъ скромно сравниваетъ, кажется, съ Венерой Милосской и съ Дафнисомъ и Хлоей. Говоря просто, это есть собраніе остроумныхъ и искусно произведенныхъ безстыдствъ, пріапея образованнаго молодаго человѣка со всею откровенностію и простосердечіемъ развратнаго старика. Сцены *Провинціальной жизни* составляютъ еще прекраснѣйшій цвѣтокъ вѣнка Бальзака. Здѣсь особенно найдете вы эти внутреннія картины Фламандской школы, которыя онъ такъ искусно пишетъ; здѣсь встрѣчаются вамъ иногда эти прелестныя маленькія творенія, составляющія цѣлое въ совершенствѣ, безъ пропусковъ и излишковъ, безъ сухости и вялости; форма и основаніе ихъ просто и истинно, и отъ того они приближаются къ совершенству. Что жъ касается до *философическихъ* намѣреній романиста, то, я думаю, трудно было бы изложить и изслѣдовать ихъ. Большая часть книгъ, награжденныхъ этимъ важнымъ эпитетомъ, не имѣютъ ничего общаго съ нимъ; это просто книгопродавческая приманка; въ нѣкоторыхъ другихъ, и именно въ *Серафитѣ* (Seraphita) эпитетъ представляется мнѣ закладомъ. Начиная говорить мистически, Бальзакъ побился объ закладъ съ самимъ собою, что онъ пропуститъ въ публику темноту за глубину и ничтожество за что-нибудь. Хотя иногда это и случалось уже, но я не думаю, чтобы на этотъ разъ отважный писатель выигралъ свой закладъ. Нисколько не легче, по моему мнѣнію, пере-

сказать вкратцѣ сорокъ томовъ, называемыхъ Бальзакомъ *своимъ твореніемъ,* чтобы извлечь изъ нихъ одно заключеніе нравственное, политическое или общественное; мысль его, или лучше сказать, его мысли существенно отрицательны; побывавъ въ плавильникѣ какаго-нибудь правила, они тотчасъ испарились бы. Если расматривать эти разнообразныя произведенія иначе, а не съ искуственной точки зрѣнія, если искать въ нихъ чего-нибудь другаго, кромѣ описаній болѣе или менѣе вѣрныхъ, то я не вижу, что можно было бы схватить и удержать, кромѣ нѣкотораго рода чувственнаго скептицизма, то утонченнаго, то площаднаго, то безпокойнаго и горькаго, имѣющаго въ себѣ въ одно время и что-то Вольтеровское и что-то Поль-де-Коковское и что-то Байроновское.

Любителямъ личныхъ и задушевныхъ подробностей я скажу, что г. Бальзакъ своею наружностью нисколько не походитъ на тѣхъ блистательныхъ разбойниковъ, которыхъ онъ породилъ на свѣтъ; въ самомъ пылу борьбы его съ неизвѣстностію и бѣдностію, во время Возстановленія (Restauration), видъ его былъ болѣе поэтической; онъ былъ сухощавъ, очень сухощавъ; лице его было блѣдно, глаза блестящи, рѣчь пламенна, движенія неровны и разговоръ исполненъ воздушныхъ замковъ. Это былъ человѣкъ съ предпріятіями. Исключая это послѣднее качество, которое, по увѣренію многихъ, осталось тѣмъ же, все другое претерпѣло большія перемѣны. Набираясь славы, Бальзакъ

сдѣлалъ какъ Наполеонъ: потолстѣлъ. Представьте себѣ маленькаго человѣчка, толстаго, коренастаго, широкоплечаго, всегда довольно дурно убраннаго. Голова его покрыта черными, длинными, плосколежащими и дурно причесанными волосами; лице широкое, красное и веселое; большой и смѣющійся ротъ подъ двумя усами; черты, которыя въ цѣломъ представляли бы что-то очень обыкновенное, если бы не маленькіе, чрезвычайно хитрые и живые глаза. Говорятъ, что онъ кажется очень соблазнителенъ для женщинъ; не знаю, происходитъ ли это отъ магнетической силы, которую онъ придалъ взору своихъ героевъ, или приписать это обаянію его разговора, который удивителенъ умомъ и граціею. Оканчивая здѣсь несовершенную работу мою, я говорю самъ себѣ, что для объясненія всего, что есть мучительнаго, уродливаго въ формѣ и ложнаго въ основаніи книгъ Бальзака, я мало говорилъ о горькой идеѣ, заключающейся въ избранномъ мною эпиграфѣ: причина существованія всей этой скороспѣлой и лихорадочной литературы, называемой Гете *отчаянною литературою,* находится почти всегда тутъ, а не въ другомъ мѣстѣ. Какъ ожидать чего-нибудь оконченнаго, натуральнаго и истинно прекраснаго отъ эпохи сумятицы, борьбы и бѣдности, когда искуство вмѣсто того, чтобъ быть святынею, сдѣлалось товаромъ; когда нельзя составить одной мысли безъ того, чтобы ужасные *клещи* нужды не исторгли ее изъ головы преждевременно? Страшное мученье.

понятное только для тѣхъ, кто испыталъ его! Счастливы будутъ поколѣнія послѣдующія, если имъ суждено имѣть писателей, которые будутъ жить для того, чтобы писать, а не писать для того, чтобы жить!

ДОРОЖНОЕ ЧТЕНІЕ.

17-го Іюля нынѣшняго года, послѣ обѣда, выѣхали мы изъ Г. Послѣ дождливаго утра погода только-что прояснилась. Сосѣдъ мой вскорѣ закурилъ сигару и, видя въ рукахъ моихъ Рунебергову *Надежду*, попросилъ, чтобы я перевелъ ему въ-слухъ нѣкоторыя мѣста изъ этой новой поэмы.

Я началъ съ первой пѣсни и продолжалъ читать сряду, превращая Шведскіе стихи въ Русскую прозу. Когда мы вечеромъ подъѣзжали къ Б., уже семь пѣсней были прочитаны такимъ образомъ. Остальныя двѣ въ городѣ. Товарищу моему такъ понравилось это препровожденіе времени, что я и послѣ во всю нашу поѣздку не-разъ переводилъ ему въ дорогѣ цѣлыя главы изъ Шведскихъ книгъ, которыя взялъ съ собою.

На станціяхъ, или другихъ мѣстахъ отдыха, я, жертвуя на этотъ разъ *путевыми впечатлѣніями*, *дорожными замѣтками*, *анекдотами* и т. п., намѣренъ записывать нѣкоторыя изъ нашихъ дорожныхъ чтеній. Товарищу моему эти записки послужатъ пріятнымъ воспоминаніемъ нашей поѣздки, а, можетъ быть, ими воспользуется и кто-нибудь другой, если захочетъ быть снисходительнымъ къ моимъ летучимъ переводамъ. Буду частію переводить, частію только излагать содержаніе.

Начну съ Надежды.

Поэма эта для насъ тѣмъ особенно любопытна, что предметъ ея заимствованъ изъ Русскаго быта. Дѣйствіе ея происходитъ въ царствованіе Екатерины II. Сама Государыня и Потемкинъ являются предъ читателемъ дѣйствующими. Каждая пѣснь написана особымъ размѣромъ, во всѣхъ стихи безъ рифмъ. Кромѣ Надежды, есть въ Шведской литературѣ еще нѣсколько произведеній, которыхъ содержаніе взято изъ міра Русскаго. Между ними назовемъ поэму Стагнеліуса: *Владиміръ Великій*, написанную экзаметромъ, и драму короля Густава III въ прозѣ: *Алексѣй Михайловичь* и *Наталья Нарышкина*.

НАДЕЖДА, ПОЭМА РУНЕБЕРГА.

Пѣснь 1. «Волга принимаетъ въ лоно свое Оку, Ока принимаетъ желтую Москву, въ Москву весело мчится ручей съ богатствомъ осыпанныхъ перлами струй. По цвѣтистому берегу ручейка шла пятнадцатилѣтняя дѣвушка; сама цвѣтокъ, она искала цвѣтовъ и цвѣтокъ сплетала съ цвѣткомъ.

«Сладкій трудъ ея далеко подвинулся; на головѣ она уже носила вѣнокъ, на груди—недавно распустившуюся розу, сросшуюся съ розовою почкой, а вокругъ нѣжнаго, тонкаго стана поясъ изъ фіалокъ.

«Она еще сплела богатую гирлянду на свое платье и сказала: «Если бъ онъ пришелъ, прекрасный юноша, если бъ я увидѣла его черный, сверкающій глазъ, какъ я недавно видѣла его во снѣ,

я бы вся покрылась цвѣтами, и, въ красотѣ подобна розовому кусту, встрѣтила бы его только свѣтомъ и благоуханіемъ. Но, о святой Георгій, онъ нейдетъ; другъ Надежды — одна греза.»

«Вздохъ ея, взятый вѣтеркомъ, тихо опустился на струю и поплылъ вмѣстѣ съ нею; и Надежда опять сорвала розу, опять улыбалась, сіяла, радовалась.

«Наконецъ она пришла къ заливу, гдѣ, отдыхая отъ рѣзвыхъ игръ, волна лежала на цвѣтахъ; въ ея свѣтломъ, серебристомъ зеркалѣ дѣвушка захотѣла увидѣть свой образъ.

«Когда она тихо наклонила голову надъ спокойнымъ ручьемъ и увидѣла вешнюю красоту своего кроткаго лица, слезинка показалась на ея рѣсницахъ, печаль снова пробудилась въ груди ея: «О цвѣтокъ-Надежда, сказала она; бѣдняжка, зачѣмъ украшаться тебѣ, когда ты и безъ украшеній злополучно прекрасна! Не для собственнаго счастья ты воспитываешься, не для радостнаго выбора собственнаго твоего сердца, не для возлюбленнаго юноши; ты, можетъ быть, растешь для чьей-нибудь прихоти, можетъ быть, для того, чтобы очаровать, насытить упоенные взоры и быть брошенною.»

«Такъ она сказала, и сняла съ головы вѣнокъ, съ груди сняла розовый стебль, наконецъ взяла поясъ и кинула ихъ далеко въ ручей, произнося тихую жалобу: «Возьми, о ручей, уборы Надежды; пусть они вмѣстѣ съ твоею волной стремятся въ Москву, съ Москвой спѣшатъ въ Оку, а Ока пусть несетъ ихъ въ лоно Волги; когда они съ волною достигнутъ моря, пусть они найдутъ образъ пригрезившагося мнѣ юноши; онъ также безграниченъ, безкровенъ, необъятенъ, лишь во снѣ можетъ быть обнятъ.»

«Едва красавица сказала это, какъ явился Милютинъ, ея сереброкудрый воспитатель. Онъ опирался на посохъ и съ трудомъ дышалъ отъ усталости. Радуясь встрѣчѣ съ дочерью, старикъ поднялъ голосъ и быстро сказалъ: «Надежда, для чего блуждаешь ты подобно дикому кролику, ищущему зеленаго пріюта рощей и въ тишинѣ скрывающагося подъ трилистникомъ на берегу ручьевъ? А я хожу съ однаго двора на другой, хожу съ горы на гору и изъ дола въ долъ, напрасно отыскивая твоихъ легкихъ слѣдовъ; наконецъ я въ солнечный зной пришелъ и сюда.»

«Такъ онъ сказалъ. Тогда красавица стыдливо приблизилась къ старику, почтительно поднесла его суровую руку къ розовымъ губамъ своимъ и спросила: «О Милютинъ, мой кормилецъ, зачѣмъ искалъ ты слѣдовъ Надежды?»

«Тогда старикъ отвѣчалъ: «Дочь моя, въ большомъ селѣ праздникъ; въ каждой избѣ радость; въ воздухѣ весело раздаются звонкія пѣсни и звуки балалаекъ. Старые, молодые, богатые, бѣдные, всѣ уже въ праздничныхъ нарядахъ; парни перемѣняютъ ленты на своихъ шляпахъ, красныя дѣвушки кладутъ вѣнки на свои черныя кудри. Вотъ почему я искалъ Надежды; пусть и радость Милютина будетъ въ хороводѣ убранныхъ цвѣтами дѣвушекъ.»

«О дорогой мой кормилецъ, скажи: зачѣмъ такъ наряжаются въ деревнѣ?»

«Затѣмъ, что на широкій дворъ барскихъ хоромъ сегодня соберется народъ, отцы, матери, дѣвушки, парни.»

«О Милютинъ, дорогой кормилецъ, барскій домъ пустъ уже много лѣтъ, одни духи живутъ въ его заглохшихъ покояхъ, трава растетъ на его замкнутыхъ дворахъ. Кто же отворитъ сегодня ворота его, кто велѣлъ народу собираться тамъ?»

«И старикъ далъ открытый отвѣтъ: «Ты, Надежда моя, знаешь, что въ хоромахъ нашего князя на берегахъ Волги воспитано два сокола, двое благородныхъ сыновей княжескихъ. Ихъ отецъ недавно призвалъ обоихъ къ смертному одру своему и съ миромъ сказалъ: «Мрачный Дмитрій, ты, мой младшій

сынъ, живи съ своею матерью здѣсь въ моихъ веселыхъ палатахъ на Волгѣ; веселый Владиміръ, гордый юноша, ты живи въ нашемъ родовомъ имѣніи, разливай свѣтъ въ моемъ мрачномъ теремѣ на Москвѣ.» Такъ онъ сказалъ; наслѣдство было раздѣлено. Потому-то теперь въ селѣ пируетъ радость, что веселый князь сталъ нашимъ; потому-то народъ наряжается по-праздничному, что благородный сегодня будетъ здѣсь; потому-то мы собираемся на барскомъ дворѣ, что такъ приказалъ нашъ отецъ молодой. Въ путь, Надежда, ступай за мною! По дорогѣ ты будешь рвать розы для твоихъ кудрей, твоей груди, твоего тонкаго стана. Дочь моя должна сегодня нарядиться; она, прекраснѣйшая безъ убранства, сегодня должна быть лучше всѣхъ и въ нарядѣ, чтобы послѣ, когда княжескій нашъ соколъ станетъ весело разсматривать нашихъ дѣвушекъ, онъ на Надеждѣ остановилъ взоръ, которому быть свѣтомъ нашихъ хижинъ, солнцемъ нашей будущности.»

«Такъ онъ сказалъ. Крылатый мигъ дочь его стояла безмолвно, черный глазъ ея сверкалъ гнѣвомъ на старика. Но скоро, умиленная его кроткимъ спокойствіемъ, она поцаловала серебряные кудри на челѣ его, и сказала: «Ступай, Милютинъ, кормилецъ мой; ступай тихонько впередъ! Я хочу выкупаться здѣсь въ ручейкѣ, если во время зноя нѣсколько пылинокъ пристало къ кожѣ моей, къ алой щекѣ, къ бѣлой шеѣ;

потомъ уже я уберусь для князя и въ нарядѣ явлюсь на барскій дворъ.»

«Старикъ тихонько пошелъ домой; медленно пробирался онъ по тропинкѣ; однако жъ въ душѣ его мысли играли съ золотыми днями ожидаемой будущности. Такъ дошелъ онъ до темной рощи.

«Взоръ Надежды слѣдилъ тихій ходъ его, пока въ зелени березъ не исчезло и послѣднее мельканіе платья его; когда же онъ скрылся въ глубинѣ рощи, она слухомъ продолжала слѣдить шаги его, пока въ далекомъ мирѣ лѣтняго дня не замеръ и послѣдній ихъ шорохъ.

«Когда никого болѣе не было ни видно, ни слышно, она еще разъ пошла къ берегу ручья, слегка наклонила надъ нимъ головку и увидѣла въ зеркалѣ воды свой образъ. Но въ печали произнесла она тихія слова: «Плачь, другъ Надежды, милый ручей, что свѣтлыя струи твои не могутъ смыть красоты этихъ розовыхъ членовъ. Купаться ли мнѣ въ твоемъ спокойномъ лонѣ, украшаться ли мнѣ, бѣдняжкѣ цвѣтами? *Тогда бы я* умыла въ тебѣ щеки мои если бъ румянецъ ихъ можно было смыть; *тогда бы* я умыла въ тебѣ грудь мою, если бъ отъ того исчезла ея млечная бѣлизна; *тогда бы я* стала украшаться цвѣтами, если бъ вмѣстѣ съ цвѣтами могла и сама увянуть!»

«Сказала, и, тяготимая собственною своею красотой, опустила руку въ глубину ручья, быстро возмутила его зеркальныя струи. Искаженъ былъ прекрасный образъ, разстроенъ, искривленъ, мраченъ, угрюмъ, дикъ; но глазъ благородной дѣвушки сіялъ улыбкою: «Въ такомъ видѣ, князь молодой, сказала она, явится предъ тобою Надежда и возбудитъ въ груди твоей не пламя, а только холодъ мгновеннаго ужаса.»

«И она пошла прочь отъ цвѣтистаго берега ручья, по тропинкѣ пошла безмолвно къ барскому дому, и въ дорогѣ стала готовить свой уборъ. Не изъ цвѣтовъ, а изъ осоки сплела она себѣ печальный вѣнокъ, сорвала чертополоху, укрѣпила его вмѣсто украшенія на груди своей, и изъ соломы связала поясъ, роскошно оковала имъ свой нѣжный станъ. Такъ крестьянка шла въ молчаніи къ высокому терему сына княжеескаго.»

2-я пѣснь начинается такъ:

«Москва, ты, желтая, тихая рѣка, что за шумъ на твоемъ цвѣтистомъ берегу? Облако пыли катится, клубясь и гремя, мимо волнъ твоихъ. То не стада ли сытыя несутся домой? то не буря ли грозно крутитъ раскаленный песокъ дороги? Какъ могли стада покинуть сѣнь рощей, когда солнце еще высоко? Какъ можетъ буря шумѣть между осинъ и липъ, когда ни вѣтка, ни листокъ не шевелятся?

«Облако, летѣвшее по твоему берегу, Москва, оно теперь быстро приближается къ тебѣ; вотъ оно уже у моста, который, отражаясь въ тебѣ, круто подымается надъ глубиною водъ твоихъ. Что за блескъ? Изъ мрака сверкаетъ на мосту златокованная карета; какъ стрѣлы мчатся яркіе жокеи и огненные жеребцы. Княжеская толпа сіяетъ посреди спокойствія сельскаго; это самъ веселый князь Владиміръ, а съ нимъ и мрачный братъ его.

«Толпа, которая какъ бурный вихрь проскакала по мосту, остановилась на противоположномъ берегу. Князь Владиміръ крестится: «Здравствуй, говоритъ онъ, прекрасная земля; здравствуй, привѣтное небо, и ты, братъ мой, здравствуй! добро пожаловать! вотъ прекрасное мое наслѣдіе!»

«Дмитрій подымаетъ угрюмый взоръ, глядитъ на окрестность, съ минуту молчитъ и только смотритъ; наконецъ онъ говоритъ:

«Передъ нами поле, отягощенное жатвой; другое покрыто цвѣтами; на краю ихъ виднѣется безконечный лѣсъ—радость охотника, а въ дали мелькаетъ въ сіяніи солнца башня твоего наслѣдственнаго замка; не для того ли я долженъ внимательно разсмотрѣть все это, чтобы убѣдиться, какъ ты счастливъ?»

«Братъ мой, отвѣчалъ съ кротостью князь Владиміръ, что охлаждаетъ весну сердца твоего? Не для того, чтобы взвѣшивать жребіи наши, показываю я тебѣ мою веселую землю: я только хотѣлъ сказать: милости просимъ! твой братъ теперь твой хозяинъ; пойдемъ, раздѣли дружески его хлѣбъ-соль, скоро и онъ раздѣлитъ твою!»

«И Владиміръ протянулъ руку, Дмитрій взялъ ее: «Здѣсь солнце жжетъ, сказалъ онъ: здѣсь душно отъ пыли. Вижу тропинку вдоль рѣки; кажется, она ведетъ къ твоему замку; избираю тропинку; конь мой скоро вынесетъ меня изъ пыли.»

«Онъ позвалъ удалаго слугу: «Иванъ, коня моего! Приготовь сокола; мой бѣлый соколъ сегодня будетъ блистать въ облакахъ.»

«Князь Владиміръ выскочилъ изъ коляски, позвалъ толпу свою: «Люди, спѣшите въ мой домъ, объявите тамъ о моемъ пріѣздѣ. Мой братъ, мой благородный гость хочетъ охотиться, хочетъ испытать звѣринецъ мой; пусть народъ собирается; мы скоро пріѣдемъ; теперь намъ никого не нужно!»

«Такъ сказавъ, онъ съ быстротою вѣтра вспрыгнулъ на спину кипящаго бѣгуна. Уже князь Дмитрій удерживаетъ гордаго жеребца опѣненными удилами; онъ несетъ сокола на подъятой рукѣ, у брата его

другой, и коляска ихъ катится въ пыли, и толпы мчатся за нею.»

Здѣсь, перемѣнивъ внезапно размѣръ, поэтъ описываетъ случившееся на охотѣ. Вотъ главныя черты этаго описанія: На лугу передъ лѣсомъ стоитъ старая береза, на ней сидитъ ручная голубка. Братья въ одно и то же время пускаютъ своихъ соколовъ на добычу. Встрѣтившись надъ вершиной березы, соколы начинаютъ бой. Испуганная голубка садится на плечо Владиміра; между-тѣмъ его соколъ падаетъ побѣжденный. Другой, замѣтивъ голубку, уже готовъ броситься на нее; но Дмитрій убиваетъ его ударомъ своего хлыста. Когда онъ послѣ того начинаетъ говорить о высокой цѣнѣ принесенной жертвы, Владиміръ предлагаетъ вознаградить его за сокола. «Ты хочешь знать ему цѣну? отвѣчаетъ Дмитрій: онъ стоилъ не слишкомъ много: только двухъ пурпурныхъ губъ, только двухъ алыхъ щекъ, двухъ рукъ, которыхъ цѣпь часто обвивала мнѣ шею, двухъ черныхъ глазъ, которые плакали при покупкѣ его.» Между-тѣмъ проходившая мимо ихъ Надежда, своимъ страннымъ нарядомъ, подала случай Дмитрію къ насмѣшкѣ надъ крестьянками брата. Владиміръ молчалъ въ досадѣ, и не хотѣлъ отвѣчать. Оба безмолвно подвигались къ дому.

Пѣснь 3. Уже народъ въ праздничныхъ одеждахъ толпился на дворѣ барскомъ и ожидалъ свое-

го князя... только Милютинъ не принималъ участія въ общей радости: Надежда не пришла еще.

«И князь идетъ, но онъ идетъ угрюмо; ни уста его, ни очи не улыбаются; его мрачное привѣтствіе только пугаетъ народъ, и изумленныя толпы безмолвствуютъ.

«Душа Дмитрія радуется ихъ молчанію: «Братъ, говоритъ онъ смѣясь: живые ли это люди, или только духи стараго дома?»

Владиміръ спрашиваетъ у Милютина о причинѣ такой тишины. Старикъ, наклоня сѣдую голову, сказалъ: «Когда солнце блещетъ кротко и ясно, земля также сіяетъ; но увы, когда свѣтлый ликъ солнца задергивается тучами, тогда и земля помрачается грустно.»

Сказавъ, онъ увидѣлъ дочь свою, которая только-что пришла и стала незамѣтно въ ряды другихъ дѣвушекъ. При видѣ ея князь въ гнѣвномъ удивленіи забываетъ все и хотѣлъ бы сорвать дикій вѣнокъ съ ея роскошныхъ кудрей.

Между-тѣмъ и Надежда узнаетъ въ немъ образъ грезившагося ей юноши. «Взоръ Владиміра долго покоится недвижно на ея подъятомъ окѣ; онъ хочетъ говорить, но вздохъ восторженнаго удивленія—вотъ вся

его рѣчь. Подобной красоты онъ еще не видывалъ на берегахъ Волги, ни въ твоихъ палатахъ, Москва; и неотразимо сладкое очарованіе оковываетъ его душу, и ему какъ будто грезится на-яву.

Дмитрій также пораженъ красотою Надежды. Замѣтивъ, что Владиміръ плѣнился ею, онъ не можетъ скрыть своей досады.

Братья отправляются въ домъ Владиміра. Дмитрій за ужиномъ пьетъ съ мрачнымъ видомъ здоровье Владиміра и грозитъ похитить красавицу.

Въ ту же ночь передъ кровомъ Милютина остановился вооруженный всадникъ; то былъ самый вѣрный изъ слугъ Владиміра. Онъ вошелъ въ хижину и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ оттуда съ Надеждою, вмѣстѣ съ нею сѣлъ на коня и помчался въ безмолвіи ночи.

«Жребій дѣвушки долгое время былъ тайною для всѣхъ, и народъ молчалъ въ изумленіи, или слагалъ пѣсню о темномъ бѣгствѣ слуги князева. И когда кто спрашивалъ о томъ Милютина, онъ тихо качалъ головою, и глядѣлъ на дорогу, гдѣ сокрылась его радость, пока взоръ его не омрачался слезою.»

4-я пѣснь. Такъ-какъ почти вся эта пѣснь принадлежитъ къ лирическому роду и тонъ ея слиш-

комъ много измѣнился бы въ прозѣ; то здѣсь дѣлается опытъ перевода ея въ стихахъ размѣромъ подлинника.

Къ безмолвнымъ сѣнямъ Камы
Отъ роскоши столичной,
Супруга схоронивши,
Княгиня удалилась,
Оставленная счастьемъ.
Надъ самою рѣкою
Подъ липами избрала
Она себѣ обитель;
Три дочери младыя
Ея утѣхой были.

Надъ тѣмъ пріютомъ тихимъ
Сіялъ однажды мѣсяцъ,
И въ рощахъ вѣтерочки
Весенніе играли
Съ тѣнями, то гоня ихъ,
То будучи гонимы.

Въ сихъ рощахъ сокровенныхъ,
Въ прохладѣ вѣтерковъ ихъ
Подъ тѣнями ихъ сидя,
Разъ юноша съ дѣвицей
Вечернею порою
Велъ тихую бесѣду.

И много словъ мѣняли
Они межъ поцалуевъ.

Подобно легкимъ тучкамъ
На синемъ лѣтнемъ небѣ,
То пурпуромъ облитымъ,
То яркимъ, сребробѣлымъ,
То темноблѣднымъ, мрачнымъ,
Слова раждались въ небѣ
Любви ихъ непорочной.

И юноша ей молвилъ:
«Я много наспросилъ ужъ,
Я сдѣлалъ по вопросу
На каждое мгновенье
Недѣль и дней, протекшихъ
Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались.
И мѣсяцъ ужъ высоко
Поднялся надъ пригоркомъ,
И вечеръ улетаетъ,
А есть еще вопросы!»

И красная дѣвица
Съ улыбкой возразила:
«Я много отвѣчала;
Ты слышалъ по отвѣту
На каждую утѣху,
Которую доставилъ
Мнѣ милостивый князь мой.
Какъ я была счастлива,
Спокойна въ семъ пріютѣ,
Была сестрой и дочкой
Въ кругу семьи радушной —
Все, все ужъ я сказала,

На все отвѣтъ дала ужъ,
А есть еще отвѣты.»

И князь Владимiръ молвилъ:
«Въ обители сей мирной,
Убѣжищѣ подруги,
Взлелѣянная нѣжно,
Она, моя лилея,
Развила чудно прелесть
Души цвѣтоподобной;
И многое узнала,
И многiе вопросы
Рѣшить ужъ научилась:
Одно ей неизвѣстно:
Отколь мое блаженство
Въ тотъ мигъ, когда встрѣчаю
Лобзанiе Надежды?»

Прекрасная сказала:
«Мой юный князь подобенъ
Пловцу на синемъ морѣ:
Онъ берега не видитъ,
И, встрѣченъ благовоньемъ,
Несущимся оттолѣ,
Дивится онъ и ищетъ,
И думаетъ, что самъ онъ
Въ себѣ цвѣтникъ скрываетъ.
О князь, твое блаженство,
Когда тебя цалую —
То лишь мое блаженство,

Когда оно навстрѣчу
Тебѣ благоухаетъ.»

Князь молвилъ улыбаясь:
«О дѣвица, стократно
Блаженна ты: владѣешь
Ты собственнымъ блаженствомъ.
А я, пловецъ-бѣдняжка,
Чуть только удалюся
Отъ радостнаго брега,
Ужъ болѣе не видно
Мнѣ радости блестящей:
Весь міръ — пустыня моря,
И высь и долъ безъ жизни,
Уныніе на сердцѣ.
Ты правду мнѣ сказала:
Моя заемна радость —
Она лишь у Надежды.»

И руку взялъ у милой
И вешнею улыбкой
Владиміръ улыбнулся:
«Свою я радость знаю,
А въ чемъ Надежды радость?»

«Любовь моя — мнѣ радость;
Не блекнетъ, не проходитъ
Она какъ радость князя.»
«Любовь — Надежды радость;
Но что жъ любовь? скажи мнѣ.»
И вешнею улыбкой

Дѣвица улыбнулась:
«Мой князь, она сказала,
Онъ самъ того не знаетъ,
О чемъ вопросъ мнѣ сдѣлалъ;
О, если бъ я то знала!
Одно я знаю: духъ мой
Въ младенческіе годы
Былъ словно снѣгъ нагорный
Межъ небомъ и землею;
Такъ тихъ онъ былъ, такъ миренъ,
Такъ бѣлъ, но такъ и хладенъ.
Когда жъ явилось солнце,
Живаго ока пламя,
Растаялъ и потекъ онъ
Рѣками чувствъ и мыслей;
Сталъ воленъ, сталъ носиться
Въ пространствахъ, прежде чуждыхъ;
Проникнутъ новымъ жаромъ,
Сталъ зеркаломъ, способнымъ
Вмѣщать и прелесть неба
И долъ, въ красѣ цвѣтущій,
Способнымъ неизмѣнно
Носить въ себѣ живое,
Привѣтливое око.»

«А чье, скажи мнѣ, было
Привѣтное то око?»

Она не отвѣчала,
Она поникла томно

Прекрасною головкой
Къ плечу младаго князя.
Межъ листьевъ пролетѣло
Дыханіе прохлады,
И листья задрожали,
И тѣни содрогнулись,
И блескъ луны, разлитый
По чернымъ кудрямъ дѣвы,
Плѣнительно прервался
Въ неслышномъ трепетаньи.

Въ молчаньи мигъ пронесся,
И вновь приподнялася
Прекрасная головка:
«Мой князь, она сказала,
Мнѣ сдѣлалъ тму вопросовъ;
Надежда на одинъ лишь
Желала бы отвѣта:
Ужъ дважды предо мною
Одѣлись эти рощи,
И вновь спадаютъ листья —
А князь мой только дважды
Являлся между нами.
Но самъ онъ не сказалъ ли,
Что здѣсь его вся радость,
Здѣсь только; отъ чего же
Онъ ѣздитъ къ намъ такъ рѣдко?»

Тѣнь — листьевъ тѣнь конечно,
А можетъ быть и сердца —
На князевъ ликъ упала,

И вотъ что отвѣчалъ онъ:
«Надежда! городъ царскій,
Воинской славы прелесть,
И нѣга и забавы
Меня въ оковахъ держатъ.»

Прекрасная сказала:
«Лишь дважды предо мною
Одѣлись эти рощи
И вновь спадаютъ листья—
А князь мой между нами
Два раза ужъ являлся.
Но если городъ царскій,
Забавы, нѣга держатъ
Его въ неволѣ, какъ же
Онъ ѣздитъ къ намъ такъ часто?»

Князь юный улыбнулся,
Но вздохъ былъ въ той улыбкѣ:
«О дѣвица, онъ молвилъ:
Какое было бъ счастье
Здѣсь въ рощахъ жить съ тобою,
Съ тобой найти обитель
Далече отъ столицы,
Какъ птички для любви лишь
Въ лѣсахъ пріютъ находятъ!
Но ахъ, чтобъ быть съ тобою,
Я долженъ красть мгновенья;
Двѣ силы угрожаютъ
Мнѣ въ счастьи непрестанно:

Одна изъ силъ тѣхъ — братъ мой;
Другая — мать родная!»

«Князь брата назвалъ, развѣ
Онъ врагъ для счастья брата?»

«Ты помнишь мигъ, Надежда,
Ты помнишь, какъ впервые
Сошлися наши взоры,
Моя душа съ твоею.
Мой мрачный братъ былъ съ нами,
И онъ тебя увидѣлъ,
И въ немъ огонь зажгла ты
Ужасный, дикій, вѣчный.
Отъ той поры онъ тѣнью
Изъ края въ край блуждаетъ;
Одну лишь цѣль онъ видитъ,
Одну тебя онъ ищетъ.
Надежда, если бъ только
Онъ зналъ твою обитель,
Ни вѣрный твой Владимiръ,
Ни всѣ земныя силы,
Ни небо, ни пучина
Тебя бы не укрыли
Отъ хищничества брата.»

«Мать назвалъ князь — уже ли
Не матери въ ней сердце?»

«Надежда, такъ сказалъ онъ:
Та мать мрачна, надменна;

Хладна, неумолима
Наталія Петровна.
Ни чистыхъ наслажденій,
Ни правъ священныхъ сердца
Не чтитъ она; ей милы
Лишь почести близъ трона,
И блескъ высокихъ предковъ,
И слугъ толпа, и звѣзды,
Добытыя дѣлами.
Въ тебѣ, моя Надежда,
Она бъ нашла не прелесть,
Не глазъ твоихъ волшебство,
Не душу, коей образъ
Черты твои являютъ
Въ игрѣ тѣней и свѣта;
И если бъ только знала,
Что любимъ мы другъ друга,
Она бы насъ расторгла,
Хотя бъ съ собой взяла ты
Кровавые обрывки
Владимірова сердца.»

И будто бы въ испугѣ
Онъ обнялъ станъ дѣвицы;
Къ плечу его поникнувъ,
Она шептала тихо:
«Дней раннихъ вспоминанья,
О сладкія утѣхи,
Ты, солнце, въ синемъ небѣ
Съ твоимъ прекраснымъ утромъ,
Ты, долъ, съ цвѣтною тканью,

Вы, рѣки и озера,
О други дорогіе,
Зачѣмъ я васъ узнала!
О, если бъ возрасла я
Въ палатахъ храминъ пышныхъ,
И лишь при свѣтлыхъ лампахъ
Безчувственно ходила
Въ сіяньи перлъ и злата!
Тогда бъ я, можетъ статься,
Имѣла, какъ Владиміръ,
Могущественныхъ предковъ;
Тогда была бъ княжною,
Любить бы смѣла князя
И княземъ быть любима.»

Сказала; замеръ говоръ
Надъ алыми устами.
И князь умолкъ. И въ небѣ
Любви ихъ не рождалось
Ужъ облакъ словъ, и ясенъ
И тихъ былъ вешній вечеръ.

5-я пѣснь. Князь, по возвращеніи въ свое имѣніе, куда онъ привезъ и Надежду, призываетъ къ себѣ стараго слугу и объявляетъ, что важныя дѣла заставляютъ его опять удалиться; во время его отсутствія старикъ долженъ завѣдывать всѣмъ, повинуясь тайно никѣмъ незамѣчаемой Надеждѣ, которая будетъ слыть дочерью этаго слуги...

Къ князю входитъ Милютинъ, только-что узнавшій о его прибытіи. «Милютинъ, сказалъ Владиміръ старцу: о чемъ твоя просьба? Сегодня никакой печали не выйти изъ этой обители.»

«Старикъ вздохнулъ: «О князь, смиренна жалоба смиреннаго: у меня былъ жаворонокъ, твой ястребъ похитилъ его изъ моей хижины.»

«Владиміръ улыбнулся милостиво: «Не трудно, право, исцѣлить твое горе; у меня есть соловей, я дамъ его тебѣ на мѣсто твоего жаворонка.»

«Тогда Владиміръ поднялъ взоры, его чело сіяло, щеки его горѣли: «Милютинъ, сказалъ онъ, сегодня никакой печали не выйти изъ этой обители.»

«Вздохъ, звукъ, тонъ, слово, имя слетѣло съ устъ князя, и вдругъ отворилась дверь въ великолѣпную храмину, и прекраснѣе прежняго, въ сіяніи просвѣтлѣвшей судьбы, подобна вешнему розовому облачку, стояла предъ старикомъ Надежда.

«Владиміръ улыбнулся милостиво; онъ дружески взялъ за руку и подвелъ къ старику прекрасную его воспитанницу: «Милютинъ, вѣрный мой слуга, вмѣсто жаворонка предлагалъ я тебѣ соловья, ты оплакиваешь дочь, бѣдную крестьянку; у меня есть княгиня, я ее даю тебѣ на мѣсто твоей крестьянки.»

«Слеза свѣтлая, будто капля росы, сверкала въ пурпурѣ на щекѣ Надежды; улыбаясь, красавица безмолвно поцаловала Милютина.»

6-я пѣснь. «Въ своемъ высокомъ теремѣ надъ Волгою, въ мраморной залѣ, одна предъ изображеніями отшедшихъ блестящихъ предковъ сидѣла въ сіяніи сама Наталья Петровна. Здѣсь, такъ назначила княгиня, здѣсь, предъ этими свидѣтелями, князь Дмитрій, который ужъ давно не являлся въ отеческомъ домѣ, долженъ былъ снова представиться матери. Зала была убрана какъ будто для пира; пурпурные занавѣсы подняты надъ всѣми картинами, и за столомъ возлѣ мѣста княгини поставленъ табуретъ для сына ея.

«Гордая мать ожидала; ударилъ часъ, и вошелъ Дмитрій, но не съ тѣмъ праздничнымъ видомъ, какимъ отличалась комната. Его платье было надѣто небрежно — буднишнее платье, его прежнее домашнее платье; его взоръ былъ дикъ, но въ тоже время и гордъ и мраченъ, и онъ подошелъ къ матери угрюмъ какъ беззвѣздная ночь.

«Съ-минуту княгиня смотрѣла на него пасмурно, какъ будто сама помрачилась отъ его мрачности, но вскорѣ, прояснившись, она величаво протянула къ нему руку, ступила шагъ отъ мѣста своего и материнскимъ поцалуемъ коснулась щеки его. «Мой Дми-

трій, сказала она: добро пожаловать! Съ справедливою гордостью вижу опять благороднаго сына моего въ лучезарномъ кругу его предковъ; теперь онъ уже не неопытный юноша, но мужъ испытанный, привыкшій дѣйствовать, можетъ быть, готовый самъ нѣкогда стяжать между ними свое мѣсто. Сынъ мой, долго ты былъ въ отсутствіи; гдѣ, какъ, въ какихъ странахъ, по какимъ дѣламъ—ты не говорилъ, я не спрашивала. Такъ я желала, такъ хотѣла. Я хотѣла предоставить моего благороднаго сына ему самому, его собственному благородству, собственному избранію путей славы, хотѣла сохранить только одно право, лучшее, какое есть у матери, право всего надѣяться отъ возлюбленнаго сына. И теперь, Дмитрій, я спрашиваю—нѣтъ, не я, а эти нѣмыя изображенія чрезъ меня—къ какой цѣли ты стремился, на какомъ сіяніи въ области славы остановилъ ты жаждущій взоръ свой?»

«Таково было привѣтствіе княгини. Она сѣла и знàкомъ показала сыну его мѣсто.

«Мигъ, быстрокрылый мигъ пролетѣлъ въ безмолвіи. Князь Дмитрій молчалъ, губы его шевелились еще не для отвѣта, но для улыбки легкой какъ тѣнь, и мать его съ важностью опять заговорила: «Мой Дмитрій не хочетъ отвѣчать; быть можетъ, онъ такъ же безмолвно, какъ эти образы вопрошаютъ его, хочетъ отвѣчать имъ; пожалуй: то моя гордая, свѣтлая

радость, что сама я, для собственнаго моего спокойствія, не нуждаюсь въ отвѣтѣ. Взгляни на эту женщину, благородный сынъ мой; посмотри на пылающій огонь глазъ ея, на высокое чело, отѣненное непослушнымъ локономъ! Она была прабабушкою твоей матери, княжескаго происхожденія, и родилась средь звѣздъ на скалахъ Грузіи. У нея былъ сынъ. Какъ ты, онъ уѣхалъ изъ дому родительскаго, уѣхалъ рано, странствовалъ много лѣтъ, и мать его оставалась одна въ своихъ хоромахъ. Разъ приходитъ къ ней подруга, которой она давно уже не видала, родомъ графиня, но въ то время соединившаяся бракомъ съ темнымъ гербомъ. Однако жъ она была принята ласково; завелся искренній разговоръ, много сдѣлано было вопросовъ о прошломъ и настоящемъ; наконецъ гостья сказала: «У тебя есть сынъ? радуетъ ли тебя надеждою молодость его? гдѣ онъ? для какихъ занятій, для подвиговъ мирныхъ или военныхъ ты назначаешь его?» Прабабушка улыбнулась и отвѣчала. «Мой глазъ два года уже не видѣлъ его: взоръ его воспламенился, родительскій домъ сталъ ему тѣсенъ, онъ взялъ свое наслѣдіе, пустился въ широкій свѣтъ, и теперь борется — гдѣ, какъ, не знаю.» Но другая сказала съ изумленіемъ: «Какъ, ты шутишь, или говоришь во снѣ? Ты, мать, съ чувствами пламенными какъ взоръ твой, ты предоставляешь судьбѣ своего единственнаго сына? Невозможно.» Такъ она сказала. Тогда княгиня встала величаво, подала гостьѣ руку и произнесла незабвенныя слова. «Успо-

койся, другъ мой; одно знаетъ мать его, болѣе знать ей не нужно: гдѣ бы онъ ни былъ, кровь отцовъ живетъ въ его сердцѣ, чиста какъ золото.» Дмитрій, вотъ какъ думала твоя прародительница; отъ ея духа и я наслѣдовала кое-что.»

«Она кончила, но Дмитрій поднялъ взоръ и смѣло сказалъ: «Я здѣсь, матушка; суди меня, рѣши сама, на радость тебѣ или на горе я стою передъ тобою; презираю всякую пустую позолоту, и каковъ я по наружности, таковъ и по душѣ.»

«Мать вперила въ очи его сердечный, испытующій, мрачный взоръ, и опять посмотрѣла на картины, и величественно простерла руку къ одному изъ предковъ. «Когда этотъ звѣздозарный, сказала она, возвратился домой изъ юношескаго путешествія, преданіе чудно повѣствуетъ, что онъ былъ такъ же бѣденъ, такъ же лишенъ наружнаго блеска, какъ ты. Отецъ его рано погибъ въ борьбѣ Петра съ лютыми львами Швеціи; жилище матери его недавно было опустошено непріятелемъ, и беззащитная вдова сидѣла грустно въ разграбленныхъ палатахъ. Поля Полтавскія были облиты кровью, и побѣдная вѣсть торжественно облетала царство. Тогда возвратился сынъ ея, одинокъ, безмолвенъ, съ поблѣднѣлыми щеками вмѣсто всякаго пріобрѣтенія. Къ нему, хотя она давно уже не видѣла его и ничего о немъ не

слышала — къ нему устремлялись всѣ ея надежды; однако жъ она молчала и тайно скорбѣла, что онъ возвратился такъ разстроенъ въ разстроенное жилище. Прошелъ день; едва наступилъ другой, какъ окрестность наполнилась весельемъ, и съ холмовъ и долинъ раздался кликъ: Царь ѣдетъ! Благородная владѣлица замка уже не можетъ, какъ бывало въ счастливѣйшее время, просить у ногъ Царя милости—позволенія быть на-минуту его хозяйкой. Одинока, невидима, сидя въ крайнемъ покоѣ, она лишь отворяетъ окно и безмолвно глядитъ на дорогу, хочетъ съ благословеніемъ только посмотрѣть на Отца отечества при Его проѣздѣ. Вотъ Онъ скачетъ, побѣдитель, герой; Его мчатъ опѣненные кони, за Нимъ гремятъ колесницы, толпа приближается, блеститъ, исчезаетъ—нѣтъ! она останавливается, Дмитрій, останавливается на дворѣ замка. Изумленіе сладкое, но потрясающее, овладѣло сердцемъ благородной владѣтельницы замка; однако жъ она идетъ весело на-встрѣчу высокому Гостю и быстрыми шагами достигаетъ сѣней. Что за зрѣлище! Государь уже тамъ во всемъ своемъ величіи. Что за зрѣлище для матери! Она видитъ сына своего въ объятіяхъ Царя, покрывающаго лице его поцалуями. Дмитрій, этотъ юноша, который, какъ ты, пришелъ къ матери своей блѣденъ и безъ всякаго блеска, былъ выше того, чѣмъ онъ хотѣлъ казаться; онъ храбро бился во многихъ сраженіяхъ, рука его была знаменита, его мужество содѣйствовало Полтав-

ской побѣдѣ, онъ носилъ честную рану, былъ царскимъ любимцемъ, былъ генераломъ.»

«Такъ она сказала. Свѣтлая улыбка пробѣжала по лицу ея, котораго величіе смягчилось въ эту минуту; но Дмитрій сидѣлъ холоденъ какъ мраморъ; наконецъ мраморъ въ дикомъ превращеніи растаялъ и излился словами: «Перестань, сказалъ онъ, матушка, глядѣть на меня этимъ мечтательно-испытующимъ, блаженнымъ взоромъ, предугадывающимъ сокровенные лучи милости царской во мнѣ, твоемъ блѣдномъ, бурномъ, мрачномъ сынѣ. Не для твоей радости я пришелъ; того, что ты считаешь радостью, я не искалъ, не пріобрѣлъ; нѣтъ, я пришелъ для самаго себя, для собственной моей радости, хотя бы долженъ былъ купить ее твоею скорбію.»

«Онъ умолкъ и провелъ рукою по лбу и еще сказалъ: «О, если бъ я былъ такъ рожденъ тобою, чтобы сіяніе звѣздъ, которымъ ты недавно восхищалась, очаровывало и меня! Какъ дитя, плѣняющееся игрушками, я бы радостно собиралъ ихъ мечемъ и въ игрѣ истощилъ бы жизнь мою. Но другія звѣзды свѣтятъ Дмитрію, двѣ звѣзды, убійственно-очаровательныя, могучія; онѣ сожгли его грудь, высосали кровь его сердца, и одна изъ нихъ—любовь, другая мщеніе.»

«Онъ остановился и будто ждалъ отвѣта, но княгиня сидѣла безмолвно; тогда онъ снова началъ; голосъ его былъ подобенъ голосу волны, когда она въ бурю бьется о грудь утеса и дробится и глухо вздыхаетъ. «Съ дѣтства я былъ твоимъ мрачнымъ сыномъ, вторымъ, всегда, всегда только вторымъ; передо мною братъ мой свѣтлѣлъ во свѣтѣ; я самъ оставался мраченъ, но таилъ свою мрачность и молчалъ. Наше наслѣдство было раздѣлено; братъ мой отправился счастливцемъ въ свой домъ; я послѣдовалъ за нимъ, какъ чужой: однако жъ для меня блеснуло начало счастья — его укралъ тотъ, кто и такъ уже все получилъ. Тогда изъ мглы явилась одна моя звѣзда, тогда кивнула мнѣ месть; она свѣтила мнѣ чрезъ многіе годы мукъ, и наконецъ привела меня сюда. Матушка, этотъ счастливый сынъ, ваша радость, вашъ всегдашній любимецъ, женился на крестьянкѣ.»

«Мгновенная, трепетная блѣдность пробѣжала по лицу княгини—мимолетный, дикій отблескъ молніи, и она, преодолѣвъ скорбь свою, начала: «О Дмитрій, дитя ночи, если бѣдствіе брата можетъ утолить твое мщеніе, успокойся, жребій его рѣшенъ. На престолѣ Русскомъ сидитъ Жена, умѣющая цѣнить горесть матери. Она пойметъ мольбу мою, когда съ растерзанною грудью я буду просить Ее о защитѣ нашего рода противъ преступленія, пятнающаго честь нашу. Успокойся: у меня было два сына, теперь у меня

одинъ только, у тебя уже нѣтъ соперника; успокойся, мой сынъ, мой несчастный, мрачный сынъ; одна звѣзда твоя привела тебя къ желанной цѣли.»

«Она остановилась; удерживаемая слеза насильно вырвалась и упала на щеку надменной; она взяла мрачнаго сына за руку и, какъ будто молясь, подняла опять голосъ:

«Какъ ты ни мраченъ, ты — мой Дмитрій, мой единственный сынъ, ты одна опора нашего рода, ты не долженъ отчаяваться, не долженъ унывать: назови же мнѣ свою вторую звѣзду, назови мнѣ любовь свою! Нѣтъ у Россіи такой прекрасной, богатой, могущественной, блистательной дочери, въ рукѣ которой отказали бы сыну твоей матери; сама Царица подкрѣпитъ своимъ могуществомъ твой смѣлый выборъ; только укажи его, скажи только, кто плѣнилъ твое сердце.»

«Она кончила. Дмитрій взялъ свою руку изъ руки молящей матери, и не скрылъ любви своей.»

«Тогда княгиня встала, колеблясь; она молчала; она медленно, величественно, безмолвно удалилась изъ лучезарной храмины предковъ; потомъ вошелъ присланный надменною слуга, который, не сдѣлавъ ни знака, не сказавъ ни слова, опустилъ предъ всѣми изображеніями занавѣсы, и вскорѣ Дмитрій остался

одинокъ, и славные отцы болѣе не глядѣли на него.»

7-я пѣснь. Здѣсь является въ поэмѣ князь Потемкинъ. Замѣтивъ на послѣднемъ парадѣ недостатокъ точности въ движеніяхъ войскъ, онъ дѣлаетъ о томъ замѣчанія собраннымъ въ его залѣ офицерамъ разныхъ полковъ и чиновъ. Послѣ обращается онъ къ бывшему тутъ же князю Владиміру Павловичу, и призываетъ его въ свой кабинетъ, гдѣ, не называя Владиміра, расказываетъ, какъ о неизвѣстномъ лицѣ, всѣ обстоятельства, которыя узналъ въ отношеніи къ тайному браку молодаго князя.

Окончивъ расказъ, онъ прибавляетъ: «Теперь, Владиміръ Павловичь, картина готова, композиція приводитъ въ изумленіе, вы сами рисовали; скажите, вѣрно ли природѣ?» Послѣ того онъ объявилъ Владиміру отъ имени Государыни, что служба его нужна въ Томскѣ и что ему слѣдуетъ немедленно туда отправиться.

Раставаясь съ Владиміромъ, Потемкинъ прибавилъ: «Князь Владиміръ Павловичь, я зналъ вашего отца, онъ стоялъ возлѣ меня въ шумѣ битвъ; ради его хотѣлъ бы я смягчить жестокую участь его гордаго сына. Я знаю старинное правило: повинуйся и жди! Я вамъ передаю его, болѣе не могу; прощайте!»

8-я пѣснь. Надежда, по приказанію Натальи Петровны, матери князей, изгнана изъ Владимірова дома; она возвратилась въ жилище, гдѣ провела дѣтство, и тамъ утѣшается двумя маленькими сыновьями, единственнымъ богатствомъ, какое у нея осталось. Но вотъ до нея доходитъ слухъ, что Дмитрій ищетъ ея, и она должна удалиться отъ милыхъ мѣстъ. Когда она, прощаясь съ ними, сидитъ въ весенній вечеръ на берегу рѣки, вдругъ приближается Дмитрій. «Его огненный взоръ уже упалъ на слабую добычу; побѣда ему улыбается; годы борьбы, лихорадочныя грезы, мрачные дни, безсонныя ночи—все теперь вознаградится. Но, о чудо! цвѣтъ лица его измѣняется; онъ прячется, колеблется, смущенный видомъ молодой женщины. Этотъ образъ, какъ онъ похожъ, и вмѣстѣ какъ непохожъ на тотъ, который неизгладимо запечатлѣлся въ полусгорѣвшихъ очахъ Дмитрія! Онъ искалъ прежней поселянки, вешнею прелестью подобной розѣ, и нашелъ блѣдную мать, рано созрѣвшую въ заботахъ жизни, съ благородною печатью самоотверженія и скорби на челѣ. Тише! вотъ онъ содрогается, въ груди его борются дикія силы, долженъ ли онъ остановиться или итти впередъ?..»

Наконецъ онъ подымаетъ взоры, какъ будто рѣшился на что-то. «Что же онъ вдругъ видитъ? Есть ли то дѣло случая или хранителя невинности? Въ этотъ самый мигъ старшій сынъ покрываломъ матери тихонько отираетъ слезу на щекѣ спящаго

брата и безмолвно предостерегаетъ Надежду, чтобы она болѣе не плакала. Почувствовавъ невольный трепетъ, братъ-ненавистникъ отвращаетъ лицо; опять упущена минута, онъ долженъ снова укрѣпить колеблющійся духъ свой. Онъ крадется назадъ, какъ будто его гонятъ отсюда злыя силы, онъ хочетъ подышать свободно въ гущѣ лѣса и возвратиться съ рѣшительною побѣдой надъ взволнованнымъ сердцемъ.»

Вдругъ поодаль отъ того мѣста новое зрѣлище представляется ему. «На мшистомъ камнѣ сидѣлъ передъ нимъ старикъ, печально сгорбившійся надъ посохомъ, подобный статуѣ, изсѣченной изъ сѣраго утеса. Онъ, казалось, достигъ цѣли не только дневнаго пути, но и долгаго странствованія жизни; съ трудомъ поднялъ онъ взоръ на приближавшагося. «Незнакомецъ, сосѣдъ, сказалъ онъ, братъ, ты, у котораго глазъ еще не облагается какъ у меня тѣнями смерти, скажи, не видалъ ли ты въ этихъ мѣстахъ жены нашего благороднаго князя? Долго я искалъ ея напрасно, и силы мои истощились, день мой кончился; если ты ее видѣлъ, сведи меня къ ней, меня, разбитаго, умирающаго, чье сердце теперь безъ мира совершаетъ свои послѣднія біенія.»

«Такъ сказалъ старикъ, и князь Дмитрій узналъ въ немъ стража братняго дома; низко надвинувъ шляпу, боясь, чтобы его не узнали, онъ отвѣчалъ: «Старикъ, скажи мнѣ, нѣтъ ли у тебя на душѣ бремени,

которое отравляетъ жизнь твою и затрудняетъ смерть? Ты ищешь жены своего князя; въ какомъ преступленіи противъ нея хочешь ты просить помилованія у ногъ ея?»

«Собравъ послѣднія жизненныя силы, старикъ мгновенно всталъ: «Незнакомецъ, сказалъ онъ: какаго дикаго звѣря ношу я образъ, если ты дѣлаешь мнѣ этотъ вопросъ? Но ты чужой, ты ея не видѣлъ, ты не знаешь, что только подобный тигру могъ бы провиниться противъ нея.» Тутъ онъ расказываетъ несчастіе Надежды; какъ онъ отправился умолять за нее Наталью Петровну; какъ онъ дни и ночи ждалъ у замкнутыхъ воротъ, пока наконецъ увидѣлъ жестокую мать; какъ ему было отказано и какъ онъ скитался, отыскивая Надежду. «И я вспомнилъ князева брата, Дмитрія, его, чью голову тяготитъ вина, и я воскликнулъ—незнакомецъ, трепещи отъ этихъ словъ ненависти: «горе, стократъ горе тебѣ, неистовый Дмитрій, твоя черная зависть виною всему! Пусть будетъ водянымъ цвѣткомъ безъ плодовъ благословеніе, которое я часто призывалъ на кудри твои, когда бывало ты непорочнымъ младенцемъ игралъ на рукахъ моихъ. Скитайся безъ крова, безъ мира, безъ надежды, раздираемый змѣями собственнаго сердца, и пусть твоя цѣль бѣжитъ тебя и, бывъ достигнута, оттолкнетъ тебя изнеможеннаго!» Такъ восклицалъ я. Я ненавидѣлъ, братъ мой; вотъ вина, которая тяготитъ меня; хочу умереть съ миромъ.»

«Въ нѣмомъ изумленіи стоялъ князь Дмитрій; старикъ продолжалъ: «Ты, можетъ быть, до сихъ поръ еще не испыталъ въ жизни ничего, кромѣ радости; если жребій твой измѣнится и душу твою будетъ пожирать ядъ печали или досады, отыщи ту, которую я тщетно искалъ. Много бурь укротила она, много скорбей изцѣлила, ея спокойствіе облегчило много сердецъ, отягченныхъ виною, и я, если бъ могъ пасть къ ногамъ ея, научился бы забывать и прощать обиды, уснулъ бы безмятежно.»

«Онъ умолкъ. Нѣсколько минутъ царствовала могильная тишина. Тогда Дмитрій подошелъ ближе и взялъ старика за руку и сказалъ: «Ступай за мною, я поведу тебя и покажу дорогу.»

«Когда ты найдешь ту, которую ищешь, поклонись ей, въ награду, отъ проводника; скажи: у этаго ручья, на этихъ цвѣтахъ, палъ отъ руки Дмитрія соколъ, который въ гнѣвѣ хотѣлъ похитить голубку брата его. Когда она содрогнется при имени Дмитрія, скажи: о женщина, сила Дмитрія сокрушилась, онъ съ трудомъ помогалъ мнѣ итти, когда самъ, утративъ миръ, велъ меня къ миру.»

«Сказалъ, и, дойдя до Надежды, безмолвно покинулъ старика, бѣжалъ мраченъ какъ тѣнь и исчезъ въ невѣдомой судьбинѣ.»

9-я пѣснь. «Мать Россіи, Государыня Екатерина, имѣла ночлегъ у Натальи Петровны въ ея высокихъ, бѣлыхъ хоромахъ на Волгѣ. Было утро; лѣтнее солнце чудно озаряло долъ и рѣку, и Великая Монархиня стояла лучезарна въ прохладѣ открытаго окна. Близъ нея княгиня, а у слѣдующаго, затвореннаго окна стояли покоритель Крыма, князь Потемкинъ, и старый адмиралъ графъ Бестужевъ.

Императрица, изъявивъ желаніе прогуляться по окрестностямъ, въ бесѣдѣ съ княгинею говоритъ:

«Часто, часто цѣнила Я дорого счастіе тѣхъ, кому дано управлять маленькимъ владѣніемъ, малымъ только кругомъ, который бдительному оку легко измѣрить и обозрѣть. Какое блаженство быть въ состояніи знать обо всѣхъ, отстранять всѣ недостатки и создавать одною волею сердца маленькій цвѣтникъ мира и счастья! Скажите, Потемкинъ — вы такъ изобрѣтательны на средства—скажите мнѣ, какъ бы Екатеринѣ сдѣлать Россію вездѣ такою же свѣтлою и плодоносною, какова она здѣсь на прекрасныхъ берегахъ Волги?»

«При этомъ вопросѣ Потемкинъ низко преклонилъ благородное чело и, снова поднявъ взоръ на Государыню, отвѣчалъ: «Одно средство, одно только я знаю: надобно, чтобы продлилась жизнь нашей обожаемой Государыни.»

«Великая улыбнулась отвѣту, но черезъ мигъ улыбка Ея опять уступила мѣсто важности, и Екатерина сказала со вздохомъ:» Я женщина; у меня сила только женская; но нужно бъ было руки мужа для совершеннаго устроенія этой безгранично-обширной державы, для возведенія Россіи на высоту полной славы. О, если бъ Я пожертвованіемъ собственной моей жизни могла возвратить Тебя изъ могилы, великій Петръ! Графъ Бестужевъ, вы его вѣрный сподвижникъ, благородный остатокъ временъ его, конечно вы бы согласились умереть вмѣстѣ со Мною для такой цѣли?»

«Въ глазахъ стараго воина показались слезы; онъ отвѣчалъ: «Государыня, моей сѣдой головы мало для выкупа и единой минуты жизни Петра; не то—онъ стоялъ бы передъ Вами, онъ сказалъ бы: Дочь моя, высокая Дочь! Твой скипетръ: Я совершилъ свой трудъ, хочу отдохновенія; Петръ не болѣе Тебя любилъ Россію, а въ его любви была вся его сила.»

Съ слезою радости на рѣсницѣ Государыня повторяетъ желаніе отправиться на прогулку. Возвращаясь, Екатерина близъ толпы, стоявшей по обѣ стороны дороги, видитъ женщину; «она была прекрасна, хотя скорбь и наложила свою блѣдность на лицо ея. Она держала за руку двухъ дѣтей, двухъ нѣжныхъ, цвѣтущихъ мальчиковъ, и въ слезѣ на ея окѣ, сіяв-

шемъ какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ, лежала безмолвная мольба.

«Мать Россіи съ умиленіемъ глядѣла на несчастную, съ удивленіемъ смотрѣла на молящую, и остановилась, и устремила на хозяйку взоръ вопросный.

«И княгиня замѣтила взоръ, и дружески сказала женщинѣ: «Скажи, незнакомка, нѣтъ ли у тебя на сердцѣ какой просьбы? Если блѣдность твоего прекраснаго лица происходитъ отъ нужды, Государыня наша милостива.»

«Нѣжно-трепетнымъ голосомъ незнакомка отвѣчала: «О княгиня, несчастная передъ вами не съ просьбою, а съ даромъ: она предлагаетъ вамъ все, что у нея есть — двухъ сыновей. О, могущественная мать Владиміра! изъ состраданія возьмите сыновей княжескихъ.»

Наталья Петровна, поздно замѣтивъ неосторожность и ошибку свою, хотѣла унизить несчастную предъ Государынею; но Екатерина, не довѣряя княгинѣ, которой лицемѣріе ясно обнаружилось въ эти минуты, «склонила звѣздный взоръ къ молящей и сказала: «этотъ материнской даръ не всѣми будетъ отверженъ; хотите ли своихъ обоихъ прелестныхъ сыновей подарить Императрицѣ Екатеринѣ?»

«При этомъ вопросѣ Надежда громко зарыдала, слезы подавили голосъ ея; между-тѣмъ она, опустивъ руки на плеча дѣтей, тихо пододвинула ихъ къ Государынѣ, отвѣчая такимъ образомъ на вопросъ ея.

«Сама будучи матерью, высокая Монархиня съ умиленіемъ приняла отъ матери даръ ея и, кротко поглаживая кудри милыхъ дѣтей, сказала дарительницѣ: «Екатерина не принимаетъ даровъ безвозмездно, Она привыкла платить за все, что получаетъ; поэтому назови мнѣ, дочь моя, какое-нибудь желаніе, чтобы Я не осталась у тебя въ долгу.»

«Въ радостныхъ очахъ Надежды заблистала слеза; ея блѣдныя щеки запылали, и, сложивъ руки, она пала на колѣна предъ Великою и сказала: «Если мнѣ позволено желать и просить—возлюбленная Государыня, возврати несчастной, рыдающей, сирой отца дѣтей ея!»

«Государыня улыбнулась свѣтлою денницей лѣта: «Вы требуете, сказала она, слишкомъ много — отца, созрѣвшаго въ славѣ, за двухъ малолѣтныхъ сыновей княжескихъ. Нѣтъ, моя княгиня, если хотите, чтобъ ваше желанье исполнилось, вы должны увеличить выкупъ, должны и сами себя отдать Екатеринѣ со всѣмъ пламеннымъ сердцемъ вашимъ.» Сказала, и, не дожидаясь отвѣта, подала руку молящей.

«Гордая владѣтельница долго стояла въ онѣмѣніи; князь Потемкинъ, графъ Бестужевъ оба безмолвствовали; только въ народѣ раздался у воротъ радостно-тихій говоръ.

«Мать Россіи, Государыня Екатерина обратилась тогда къ своему дворянству: «Господа, прикажите все приготовить къ Моему отъѣзду; такъ какъ Моя свита увеличилась, Я уже не могу безпокоить долѣе свою хозяйку и съ нетерпѣніемъ ѣду въ Мою Москву.»

Я. Гротъ.

Монбю.
Тавастгусъ.
Таммерфорсъ.
Онкала.
Кюро.
Радельма.
Оминне.
Фискарсъ.

19—31 Іюля, 1841 года.

РАЗБОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

1. Рѣчь *къ Ея Императорскому Высочеству Государынѣ Великой Княжнѣ* Маріи Александровнѣ *наканунѣ бракосочетанія Ея Императорскаго Высочества съ Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ* Александромъ Николаевичемъ, *произнесенная на Нѣмецкомъ языкѣ Придворнымъ Протоіереемъ* В. Бажановымъ (15 *Апрѣля* 1841 *г.*) *Въ* 8; 6 *стран.*

«Ваше Императорское Высочество!

«Настаетъ часъ, въ который Вы должны вступить въ новыя, важнѣйшія отношенія жизни. Весьма естественно, что мысли и чувствованія, которыя доселѣ, при взорѣ на предлежащее Вамъ поприще супружеской жизни, наполняли душу Вашу, становят-

ся теперь непрестанно живѣе, и сильнѣе обладаютъ Вами. Позвольте мнѣ обратить все вниманіе Ваше на тѣ мысли и чувствованія, которыя внушаетъ намъ Св. Вѣра.

«Супружество установлено *Богомъ*, и Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ ввѣрено Церкви какъ Св. *Таинство*; и такъ вступайте въ него съ *благоговѣйнымъ* чувствомъ и съ искреннимъ желаніемъ провождать супружескую жизнь Вашу *по волѣ Божіей* — въ чистотѣ и непорочности, и взирайте на нее, не какъ только на источникъ земныхъ радостей, но преимущественно какъ на подвигъ великихъ и трудныхъ добродѣтелей, служащихъ прочнымъ основаніемъ семейнаго счастія, какъ на такое поприще, на которомъ Вы должны стяжать Себѣ неувядаемый вѣнецъ славы.

«Супружеское состояніе установлено Богомъ *ко благу человѣческаго рода;* и такъ вступайте въ него *безъ смущенія и боязни*, съ радостнымъ упованіемъ на Бога и съ полнымъ убѣжденіемъ, что здѣсь — въ этомъ состояніи, а не гдѣ-либо индѣ — Вамъ можно искать и несомнѣнно найти опредѣленную Вамъ мѣру счастія и благоденствія.

«Намѣреніе всеблагаго Творца въ учрежденіи супружескаго союза выражено въ благостныхъ и утѣшительныхъ словахъ: «*Не добро быти человѣку единому на земли, сотворимъ ему помощника по нему;*» и

такъ вступайте въ сей священный союзъ спокойно, съ тою высокою цѣлію, съ тѣмъ непреложнымъ обѣтомъ, чтобы украшать жизнь Вашего Супруга, живымъ участіемъ умножать и возвышать Его радости, облегчать тягости и труды, и содѣйствовать Ему въ достиженіи вѣчной жизни. — Вотъ настроеніе, въ которомъ долженъ теперь находиться духъ Вашъ! Вотъ мысли и чувствованія, которыя должны доставить Вамъ успокоеніе и радость!

«Но чего желаетъ и надѣется отъ Васъ Отечество, принимая такое живое, радостное участіе въ Вашемъ супружествѣ, и такъ искренно призывая на Васъ благословеніе Божіе? Того, чтобы Вы нравственно-благотворнымъ вліяніемъ Вашимъ, Вашею нѣжною попечительностію, Вашимъ кроткимъ, всегда искреннимъ обращеніемъ постоянно питали и поддерживали прекрасныя, такъ много обѣщающія качества Великаго Князя. Отечество знаетъ благородный характеръ и ко всему прекрасному и святому расположенное сердце Великаго Князя, и въ чувствѣ живой вѣры во святое, такъ благодатно бодрствующее надъ судьбою его Провидѣніе, надежно и спокойно ввѣряетъ сіе драгоцѣнное благо, лучшія надежды свои, Вашему любве-обильному и Богобоязненному сердцу. — Да услышитъ Отецъ небесный искреннія моленія Св. Церкви, въ Таинственномъ Священнодѣйствіи имѣющей низвести на брачный союзъ Вашъ благодать небесную, и да даруетъ Вамъ, до самаго позднаго вече-

ра Вашей жизни, всегда щедрою рукою ревность и силы къ исполненію сихъ справедливыхъ чаяній и надеждъ благословеннаго Отечества!»

Мы почитаемъ себя счастливыми, что могли читателямъ нашимъ доставить еще разъ такое же высокое наслажденіе, какое они чувствовали, получивши въ XXIII Т. Соврем. двѣ рѣчи сего же автора.

2. Начала естественнаго Богопознанія. *Статья философическая, и при ней два приложенія. Въ 12; 84 стран.*

3. *Руководство къ* воспитанію физическому, нравственному и образовательному. *Князя* Д. П. Оболенскаго. *Въ* 8; 326 *стран.*

Обѣ книги принадлежатъ къ разряду тѣхъ назидательныхъ сочиненій, которыя ведутъ къ постиженію истинъ, утверждающихъ наше нравственное благо. Въ *Руководствѣ* не всѣ предметы изысканія правильно размѣщены, но они обсужены надлежащимъ образомъ.

*

4. Описаніе пребыванія Императорской фамиліи въ Крыму, въ Сентябрѣ 1837 года. *Составлено* С. Софоновымъ. *Въ* 8; 82 *стран.*

Въ исторію нашего Отечества авторъ сочиненіемъ своимъ внесъ нѣсколько страницъ восхитительныхъ и трогательныхъ. Перечитывая книжку его, слѣдуешь за каждымъ шагомъ Августѣйшаго Семейства, въ краю, гдѣ сама Природа дышитъ поэзіею и располагаетъ душу къ восторгамъ и созерцательности. Сліяніе красоты края съ умилительными дѣйствіями Высокихъ Лицъ, пребывавшихъ въ немъ, производитъ какое-то обаяніе. Можетъ быть, нѣкоторые изъ читателей нашихъ знаютъ, что Князь Александръ Николаевичь Голицынъ приготовилъ для себя въ Крыму домикъ, мечтая провести тамъ нѣкогда остатокъ дней своихъ. Императорская Фамилія, посѣтивъ Гаспру (названіе этаго мѣста), вотъ какъ почтила отсутствующаго владѣльца. Тамъ есть портретъ его. Государь Императоръ изволилъ написать подъ нимъ: «*Радъ видѣть портретъ, но оригинала здѣсь видѣть никогда не желаю, ибо кого душевно любишь, съ тѣмъ не разстаешься вѣчно: не такъ ли?*»

Николай.
Гаспра, 18 *Сентября,* 1837.

Далѣе слѣдуютъ подписи:

Александра.
«*Согласна.*»
Александръ. 18 *Сентября,* 1837.
Елена. 18 *Сентября.*
Марія.

[illegible] много подробностей, которыя, [illegible] будучи въ [illegible] читателя въ [illegible].

5. [illegible] Собралъ [illegible] М. [illegible] Въ 8, 220 стран.

[illegible]

6. Утро въ [illegible]. Съ [illegible] XIII стол. Въ 8, 65 стран.

7. Вечеръ въ [illegible]. Въ 8; 123 стран.

8. День въ Троицкой Лаврѣ. Въ 8. 164 стран.

Всѣ три брошюры написаны [illegible]. Онѣ содержатъ [illegible] подробностей изъ отечественной исторіи, и которыя любители старины не могутъ [illegible] автору.

9. **Перенесеніе праха Наполеона** *съ острова святой Елены въ Парижскій домъ инвалидовъ. Въ* 8; 58 *стран.*

Здѣсь собраны всѣ подробности, касающіяся событія, такъ недавно занимавшаго Европу. Ежели цѣна брошюры какъ дневной новости теперь уже упала, по крайней мѣрѣ останется въ ней навсегда цѣна хорошаго матеріала для исторіи.

10. **Общій отчетъ**, *представленный Его Императорскому Величеству*, *по* **Министерству Народнаго Просвѣщенія** за 1840 годъ. *Въ* 8; 149 *стран.*

Въ отдѣленіи историческихъ матеріаловъ мы нарочно сберегли эту книжку въ заключеніе статьи нашей. Ежегодно, восемь лѣтъ уже, Россія и Европа принимаютъ эти драгоцѣнныя извѣстія съ любопытствомъ и благодарностію. Въ нихъ запечатлѣны мѣрные и твердые шаги, которыми Отечество наше, при содѣйствіи мудраго Правительства, восходитъ на блестящую степень истинной образованности и, слѣдовательно, прочнаго благосостоянія. Отчетъ состоитъ: I. изъ обозрѣнія общихъ распоряженій, относящихся совокупно ко всѣмъ или къ нѣкоторымъ частямъ Министерства; II. изъ описанія состоянія частей отдѣльно и изложенія мѣръ, принятыхъ къ улучшенію каждой; III. изъ таблицъ и вѣдомостей, показываю-

щихъ подробно: 1. ходъ и успѣхи народнаго просвѣщенія, 2. обороты опредѣленныхъ для того суммъ и 3. движеніе дѣлъ и число рѣшеныхъ и нерѣшеныхъ бумагъ. Въ вѣдомствѣ Министерства находится отдѣльныхъ XXV частей; общее число Учебныхъ Заведеній простирается до 3.230, а число всѣхъ учащихся до 163.450, такъ-что въ этомъ году противъ прошлаго болѣе 1300, между коими число Университетскихъ студентовъ умножилось 275. Мы могли бы не прибавлять ничего къ этимъ краснорѣчивымъ цифрамъ; но насъ увлекаетъ Общій взглядъ Г. Министра на Отчетъ за 1840 г. Пусть читатели наши вполнѣ поймутъ, какою дѣятельностію одушевлено Министерство.

«Съ одной стороны, быстро продолжающееся развитіе началъ, постановленныхъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ руководство Министерству Народнаго Просвѣщенія, съ другой, расширеніе предѣловъ онаго и умноженіе предметовъ, вступившихъ въ вѣдомство Высочайше ввѣреннаго мнѣ управленія, требовали и безпрерывныхъ трудовъ и неутомимаго усердія отъ исполнителей высокихъ Вашихъ видовъ. Я льщусь надеждою, что Ваше Величество, въ теченіе всего времени, равно какъ и въ продолженіе восьмаго года отдѣльно, не изволили замѣтить замедленія въ занятіяхъ или охлажденія усердія въ лицахъ, коимъ соблаговолили поручить разныя вѣтви сего Министерства. Въ отношеніи къ

трудамъ, болѣе или менѣе сложнымъ, или къ предметамъ, на кои была устремлена постоянная дѣятельность Министерства, — восьмой годъ моего управленія, о коемъ подносится нынѣ всеподданнѣйшій Отчетъ Вашему Императорскому Величеству, равняется съ предъидущими годами, но между-тѣмъ онъ различествуетъ отъ нихъ нѣкоторыми особыми чертами, на кои осмѣливаюсь еще разъ обратить милостивое вниманіе Ваше.

«Въ концѣ 1839 года Ваше Величество изволили опредѣлить началомъ непосредственное сліяніе училищной части въ Царствѣ Польскомъ съ учебною частію въ Имперіи. Высочайшій Указъ отъ 20 Ноября того года, вмѣстѣ съ Декретомъ того же числа, провозгласили это сліяніе подъ совокупнымъ наблюденіемъ Намѣстника Царства Польскаго и Министра Народнаго Просвѣщенія въ Имперіи. Въ 1840 году Высочайшая воля начала осуществляться: въ теченіе онаго, независимо отъ административныхъ распоряженій, изданы, съ утвержденія Вашего Величества: 1) Положеніе о Варшавскомъ Учебномъ Округѣ, 2) Положеніе о юридическихъ курсахъ, 3) Уставъ Учебныхъ Заведеній въ Царствѣ Польскомъ, 4) Положеніе объ Институтѣ Сельскаго Хозяйства въ Маримонтѣ, 5) Положеніе о Реальной Гимназіи въ Варшавѣ, а въ началѣ настоящаго года утверждено Вашимъ Величествомъ 6) Положеніе о Частныхъ Учебныхъ Заведеніяхъ и о домашнемъ воспитаніи въ

Царствѣ. Если къ сему ряду постановленій присовокупить еще заготовляемый и въ скоромъ времени долженствующій поступить на Высочайшее усмотрѣніе Уставъ Ценсурный для Царства, то можно считать направленіе учебной части въономъ окончательно сосредоточеннымъ съ учебною частію въ Имперіи, въ отношеніи по крайней мѣрѣ общихъ законодательныхъ началъ. Между-тѣмъ, какъ Ваше Величество изволите усмотрѣть изъ сего всеподданнѣйшаго Отчета, новый Уставъ для Училищъ Царства, соглашенный въ главныхъ чертахъ съ Уставомъ Русскихъ Училищъ, приведенъ въ дѣйствіе и ежедневно распространяется по всему объему Царства.

«Сверхъ сего порученія, Вашему Императорскому Величеству благоугодно было, въ протекшемъ году, включить въ вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенія Академіи Медицинскія, въ Москвѣ и въ Вильнѣ учрежденныя, съ тѣмъ, чтобъ сія послѣдняя была присоединена къ Университету Св. Владиміра. Во всеподданнѣйшемъ Отчетѣ изложены съ нѣкоторою подробностію всѣ распоряженія къ точному исполненію Высочайшей воли. Общій выводъ заключается въ томъ, что безъ всякихъ для юношества стѣснительныхъ мѣръ, въ теченіе сего 1841 года, Медицинскій Факультетъ приметъ свое существованіе въ стѣнахъ Кіевскаго Университета, а между-тѣмъ благонадежные и прилежные изъ студентовъ Виленской Академіи, коимъ слѣдовало

довершить курсъ ученія, находясь, при помощи Правительства, размѣщенными въ разныхъ Русскихъ Университетахъ, имѣютъ предъ собою обширное поприще для трудолюбиваго усердія и вѣрнѣйшее средство сродниться съ духомъ Отечества. Въ слѣдствіе сихъ мѣръ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, постепенно образуются два большіе центра медицинскаго преподаванія, изъ коихъ одинъ изъ Москвы будетъ имѣть дѣйствіе на Сѣверную часть Имперіи, а другой въ Кіевѣ служить источникомъ врачебныхъ знаній для Юга. Вмѣстѣ съ этимъ Ваше Величество, передавая двѣ вышесказанныя Академіи въ мое управленіе, изволили указать необходимость дать этой части медицинскаго ученія въ Россіи стройное, однообразное движеніе, приведя раздробленныя силы къ одному знаменателю, къ знаменателю, согласному съ современнымъ положеніемъ Наукъ въ Европѣ, и съ потребностію въ Русскихъ Врачахъ, могущихъ, въ полномъ смыслѣ слова, оправдать щедрое попеченіе Правительства. Принявъ эту священную волю Вашего Величества къ обдуманному соображенію, я, съ Высочайшаго соизволенія, учредилъ при Министерствѣ, подъ предсѣдательствомъ Лейбъ-Медика Маркуса, временный Комитетъ, въ который стекаются нынѣ разные по сей части возникающіе вопросы, и предварительному разсмотрѣнію и обсужденію коего будутъ подвергнуты и всѣ дальнѣйшіе виды Министерства по предмету Медицинскихъ Наукъ. Можно надѣяться, что извѣстная благонамѣренность и долговременная

опытность Членовъ сего Комитета во многомъ облегчатъ Министерству разрѣшеніе предлежащихъ вопросовъ и вмѣстѣ доставятъ мнѣ *спеціальныя данныя*, безъ коихъ замедлилось бы исполненіе видовъ Вашего Величества и самый успѣхъ порученнаго мнѣ дѣла.

«Ваше Величество изволите усмотрѣть изъ подносимаго Отчета, что въ прочихъ составныхъ частяхъ Министерства продолжалось незамедлительное движеніе къ устройству. Общій духъ юношества, не смотря на нѣсколько, по числу и возрасту учащихся, неизбѣжныхъ уклоненій отъ строгости правилъ, оказывается благонадежнымъ, тихимъ и прилежнымъ. Вообще не могу не упомянуть предъ Вашимъ Величествомъ о замѣчательныхъ успѣхахъ *Среднихъ Заведеній*, остававшихся долго безъ результатовъ, но теперь повсюду принявшихъ, подъ бдительнымъ взглядомъ Вашимъ, особенно по учрежденіи Благородныхъ Пансіоновъ при Гимназіяхъ, новую жизнь, да будетъ мнѣ дозволено сказать, въ размѣрѣ, превышающемъ смѣлыя надежды Начальства. Во всѣхъ Гимназіяхъ, осмотрѣнныхъ мною въ 1840 году, я нашелъ утѣшительный залогъ дальнѣйшихъ успѣховъ какъ въ юношахъ, такъ въ Наставникахъ и въ начальствующихъ лицахъ.

«Благодѣтельный опытъ, начатый по Кіевскому Учебному Округу учрежденіемъ квартиръ для воль-

ныхъ, безпріютныхъ учениковъ, воспріялъ благополучное начало. Существо сего дѣла принадлежитъ, можетъ быть, къ важнѣйшимъ предпріятіямъ Министерства въ протекшемъ году.

«Осмѣливаюсь еще, между прочимъ, повергнуть во вниманіе Вашего Величества продолжающееся развитіе Восточныхъ языковъ по Восточной чертѣ Имперіи, языка отечественнаго въ краяхъ, которые послѣдніе поступили въ составъ Государства. Можно утвердительно сказать, что этотъ вопросъ, возбудившій сначала столь много недоумѣній, разрѣшенъ окончательно согласно съ видами и волею Вашего Величества.

«Обращая безпрерывно творческій взглядъ на ходъ Русскаго образованія въ нѣдрахъ Имперіи, Ваше Величество простираете милостивое покровительство и на тѣхъ, кои и за границею, или прямо или косвенно содѣйствуютъ общимъ успѣхамъ просвѣщенія и тѣмъ участвуютъ въ развитіи умственныхъ силъ въ Отечествѣ нашемъ. Такимъ образомъ въ 1840 году Вы изволили неоднократно награждать иностранныхъ Ученыхъ и поощрять ихъ къ дальнѣйшимъ трудамъ. Въ числѣ ихъ назову только однаго изъ первыхъ Филологовъ Германіи Профессора *Германа* въ Лейпцигѣ, Астронома *Шумахера* въ Альтонѣ, Профессоровъ *Бёка* и *Лихтенштейна* въ Берлинѣ Профессора *Якоби* въ Кенигсбергѣ, Профессора *Либи*

ха въ Гисенѣ и нѣкоторыхъ другихъ. Въ 1840 году я лично убѣдился въ глубокомъ уваженіи, съ коимъ оцѣниваются въ чужихъ краяхъ непрерывныя заботы и попеченіе Вашего Величества о просвѣщеніи Русскомъ.

«Въ заключеніе остается мнѣ изъявить душевное желаніе, чтобы труды, въ подносимомъ Отчетѣ изложенные, удостоились и на сей разъ лестнаго, живительнаго одобренія Вашего Величества, и наконецъ, чтобы непреложныя усилія Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ теченіе многихъ лѣтъ, приблизиться къ цѣли, ему назначенной, могли нѣкогда въ совокупности занять хоть одну скромную страницу въ лѣтописи Вашего славнаго царствованія.»

*

11. *Очерки жизни и избранныя сочиненія* А. П. Сумарокова, *изданныя* Сергѣемъ Глинкою. *Часть I. Въ* 8; XLIX *и* 197 *стран.*

Главная мысль г. Глинки очень полезна для нашего времени. Онъ желаетъ обратить вниманіе современниковъ на писателей предшествовавшаго столѣтія. Это тѣмъ болѣе нужно, что жажда новизны совершенно отвлекаетъ насъ отъ изученія прежнихъ литераторовъ нашихъ. Конечно въ нихъ есть многое, что теперь утратило цѣну. Но исторія всѣхъ отраслей

гражданственности представляетъ подобную постепенность. Отъ недостатка свѣдѣній въ сихъ естественныхъ переходахъ раждается опромѣтчивость сужденій. Если бы г. Глинка, написавшій эту книгу въ видѣ опыта, избралъ планъ болѣе обширный и остался бы вѣренъ своему предначертанію, онъ оказалъ бы великую услугу Русской литературѣ.

12. Кондрашка Булавинъ, *бунтовщикъ, бывшій въ царствованіе Императора Петра I. Двѣ части. Въ 8; 69 и 64 стран.*

Хорошо, что художественная сторона этой книги не выше ея предмета: и такъ нельзя опасаться, чтобы сочиненіе нашло читателей.

*

13. Разсужденіе о видимыхъ небесныхъ тѣлахъ. *Въ 12; 63 стран.*

Для начинающихъ знакомиться съ устроеніемъ вселенной здѣсь хорошимъ языкомъ изложено довольно объясненій.

14. Лекціи Статистики, *читанныя въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ адъюнктомъ* Александромъ Рославскимъ. *Въ 8; 143 стран.*

Въ изданныхъ теперь лекціяхъ заключается одно общее обозрѣніе предмета, т. е. изслѣдованіе вопроса—наука ли статистика? ея изложеніе и краткой статистической очеркъ важнѣйшихъ государствъ Европы. Что касается до специальной части, она должна послѣдовать. Судя по прекрасному началу сочиненія, поставившему науку на высшую противъ прежняго точку, можно ожидать окончанія самаго занимательнаго.

15. Банки и другія кредитныя установленія *въ Россіи и иностранныхъ земляхъ. Въ* 12; 286 *стран.*

16. *Обозрѣніе главныхъ* водяныхъ сообщеній въ Россіи. *Въ* 12; 176 *стран.*

Обѣ книги, какъ части одной науки, могутъ служить для ея составленія хорошимъ пособіемъ, или быть употреблены отдѣльно для справокъ.

17. Москва и окрестности. *Лѣтнія прогулки воспитанниковъ 1-го Московскаго Кадетскаго корпуса. Въ* 16; 127 *стран.*

Попытка юношества. Желаемъ ему успѣховъ на поприщѣ, столько же полезномъ, какъ и прямое его призваніе.

18. Отчетъ Комитета, *Высочайше учрежденнаго въ Москвѣ для разбора и призрѣнія просящихъ милостыни, за 1840 г. Въ 8; 47 стран.*

Комитетъ въ своемъ Отчетѣ изложилъ: 1) мѣры, какія были приняты къ прекращенію нищенства; 2) какъ предполагается предотвратить его; 3) исполненіе упомянутыхъ мѣръ; 4) какими послѣдствіями сопровождались дѣйствія Комитета, и 5) какъ предположено дѣйствовать на будущее время.

19. *Матеріалы для полной и сравнительной* статистики Москвы. *Часть I. Съ 27 гравированными на мѣди планами, фасадами и видами. Въ 8; 312 и 16 стран.*

Сколько предметъ занимателенъ для каждаго изъ Русскихъ, столько же и исполненіе предпріятія удовлетворительно. Въ двенадцати статьяхъ, здѣсь помѣщенныхъ, вы найдете любопытнѣйшія подробности; а когда разсмотрите приложенные планы, фасады и виды, вамъ покажется, что вы жили въ Москвѣ.

20. *Программы Военно-учебныхъ заведеній.* Курсъ втораго артиллерійскаго класса. *Въ 4; 107 стран.*

При разборѣ книгъ, нѣсколько разъ представлялся намъ случай говорить о прекрасныхъ учебныхъ пособіяхъ, которыми Начальство снабжаетъ Военно-учебныя Заведенія. Теперь оно издало Программы всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ во второмъ артиллерійскомъ классѣ. Науки, входящія въ этотъ курсъ, суть слѣдующія: 1) Исторія Русской словесности, 2) Французскій языкъ и Словесность, 3) Нѣмецкій языкъ и Словесность, 4) Новая Исторія, 5) Статистика Россійской Имперіи, 6) Законовѣдѣніе, 7) Механика, 8) Химія, 9) Тактика, 10) Артиллерія и 11) Фортификація. Разсматривая порядокъ преподаванія сихъ наукъ, соразмѣрность ихъ частей и общій характеръ ученія, чувствуешь, что все это гармоническое движеніе устроено съ полнымъ вниманіемъ, опытностію и любовію къ дѣлу.

*

21. *Сказка за Сказкой.* I. Сержантъ Иванъ Ивановичь, *или всѣ заодно. Историческій расказъ* Н. В. Кукольника. *Въ* 8; 75 *стран.*

22. Упырь. *Сочиненіе* Красногорскаго. *Въ* 8; 177 *стран.*

23. Ратиборъ Холмоградскій. *Сочиненіе* Александра Вельтмана. *Въ* 12; 231 *стран.*

Въ теченіе Іюля, Августа и Сентября нынѣшняго года напечатано *шестнадцать* новыхъ сочиненій въ повѣствовательномъ родѣ. Отдѣляемъ отъ этаго числа три, достойныя вниманія публики, потому-что въ нихъ есть литературныя достоинства: движеніе въ расказѣ, занимательность происшествія, краски предметовъ и — важное преимущество — слогъ. Г. Кукольникъ и г. Вельтманъ давно знакомы любителямъ Русской словесности. Что касается до г. Красногорскаго — это или въ первый разъ являющееся лице, или псевдонимъ. Все равно: книга его ничего не теряетъ отъ этаго обстоятельства. Она свидѣтельствуетъ, что обязана существованіемъ своимъ таланту, конечно своенравному въ направленіи дѣятельности, но живому и ярко обрисовывающему положенія и характеры дѣйствующихъ лицъ.

Остается сказать что-нибудь о прочихъ *тринадцати* сочиненіяхъ. Ихъ ни болѣе, ни менѣе, какъ тринадцать: число несчастное! Съ его судьбою связана уже и судьба сочиненій. Каждое изъ нихъ ожидаетъ въ нынѣшнемъ же году смерти. По крайней мѣрѣ поспѣшимъ передать читателямъ ихъ названія:

24. Ночныя шалости молодаго человѣка. *Двѣ части. Въ* 12; 102 *и* 100 *стран.*

25. Сорокъ лѣтъ пьяной жизни, *или слѣдствія пьянства и трезвости. Въ* 16; 58 *стран.*

26. Гулянье подъ Новинскимъ. Н. Л — скаго *Въ* 12; 21 *стран.*

27. Сто двадцать сказокъ и басенъ *фантастическихъ, аллегорическихъ, волшебныхъ, сатирическихъ, расказовъ романическихъ, причудъ людскихъ и всѣхъ богачей. Въ* 10 *частяхъ. Сочиненіе* Ѳедота Кузмичева. 1 *и* 2 *части. Въ* 12; 108 *и* 107 *стран.*

28. Козелъ бунтовщикъ, *или Машина свадьба. Новѣйшая повѣсть. Соч.* Н. Базилевича. *Въ* 12; 36 *стран.*

29. Старичокъ балагуръ. *Въ* 4; 18 *стран.*

30. Губернскій Чиновникъ (*изъ Вечеровъ на Кавказскихъ водахъ*). *Въ* 8; 39 *стран.*

31. Кавказская Сцена. *Соч.* Е. Саблина. *Въ* 12; 24 *стран.*

32. Безпріютный. Повѣсть. *Сочиненіе* И. Угрюмова. *Въ* 12; 65 *стран.*

33. Досуги Русскаго солдата. *Повѣсть, взятая изъ истиннаго происшествія, случившагося во время послѣдней Турецкой кампаніи. Въ* 8; 84 *стран.*

34. Усладовъ. *Сочиненіе* А. М. *Двѣ части. Въ* 8; 118 *и* 108 *стран.*

35. Перстень. *Преданіе города Б., расказанное* Александромъ А. . . о. *Въ* 12; 28 *стран.*

36. Семейство Ильменьевыхъ, *романъ въ двухъ частяхъ. Сочиненіе* Михайла Чернявскаго. *Въ* 12; 89 и 126 *стран.*

*

Сочиненій, написанныхъ стихами, явилось въ это время не много менѣе, какъ и въ повѣствовательномъ родѣ. Между стихотвореніями нельзя не отличить брошюры, исполненной чувства и силы гармоническихъ выраженій, подъ названіемъ:

37. Москвѣ благотворительной. Ѳ. Глинки. *Въ* 4; 2 *стран.*

Прочія, представляя счастливыя мѣста по удачнымъ оборотамъ и пріятнымъ вымысламъ, не выдерживаютъ поэтическаго настроенія и доказываютъ давно извѣстную истину, что «легче написать сотню прекрасныхъ стиховъ въ разныхъ мѣстахъ пьесы, нежели одно четырехстишіе безъ малѣйшаго недостатка.» Мы не желаемъ пропустить названій и посредственныхъ стихотвореній въ надеждѣ увидѣть нѣ-

когда превращеніе первыхъ стихотворческихъ попытокъ въ поэзію мужественную и стройную. Тогда сравненіе младенчествовавшаго искуства съ его зрѣлымъ возрастомъ послужитъ къ выводу важныхъ теоретическихъ истинъ.

38. Досуги уединенія. В. А. *Въ* 8; 105 *и* 26 *стран.*

39. Стихотворенія Льва Ибрагимова. *Въ* 8; 58 *стран.*

40. Стихотворенія Таисіи Соколовой. *Въ* 12; 142 *стран.*

41. Пѣсни Русскія Ивана Ваненко. *Въ* 12; 55 *стран.*

42. Княжна Хабиба, *повѣсть въ стихахъ, взятая изъ Татарскихъ преданій* Александрою Фуксъ. *Въ* 8; 64 *стран.*

43. Отголоски скитальца. *Стихотворенія* М. Демидова. *Въ двухъ отдѣленіяхъ. Въ* 12; 86 *стран.*

44. Мель-Дона, повѣсть въ стихахъ, сочиненіе И. Алексѣева. *Въ* 8; 31 *стран.*

Менѣе всѣхъ замѣчательны нижеслѣдующія двѣ стихотворныя новости:

45. **Стихотворенія Л. І. Мандельштама.** *Въ 8:* VI и 86 *стран.*

46. **Русская повѣсть въ стихахъ,** *взятая изъ преданій XVI столѣтія. Соч.* Я. А.

*

47. *Двенадцать собственноручныхъ* писемъ адмирала Шишкова, и проч. *Въ* 8; 86 *стран.*

Частная переписка, любопытная единственно потому, что принадлежитъ перу покойнаго Президента Россійской Академіи.

48. **Ластовка.** *Сочиненія на Малороссійскомъ языкѣ* гг. Л. Боровиковскаго, Е. Гребенки, Грицька Основьяненка, В. Забѣлы, И. Котляревскаго, Кореницкаго, П. Кулеша, Мартавицкаго, П. Писаревскаго, А. Чужбинскаго, Т. Шевченка, С. Шерепери *и другихъ. Повѣсти и разсказы, нѣкоторыя народныя Малороссійскія пѣсни, поговорки, пословицы, стихотворенія и сказки. Собралъ* Е. Гребенка. *Въ* 16; 382 *стран.*

49. Снипъ, *Украинскій новорочникъ. Экрутивъ* Александръ Корсунъ. *Въ* 8; 228 *стран.*

Смотр. Т. XV Современ., 66 стран. *первой нумераціи.*

*

50. Шельменко деньщикъ, *комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе* Основьяненка. *Въ* 12 ; 179 *стран.*

Въ XVIII Т. Современ. напечатана была повѣсть: Украинскіе Дипломаты, соч. *Основьяненка.* Изъ нея читатели наши знаютъ уже этотъ типъ Малороссіянина въ должности деньщика. Онъ еще живѣе представленъ въ комедіи, гдѣ каждый шагъ его есть комизмъ въ дѣйствіи.

51. Необыкновенный маскарадъ на новый годъ. *Оригинальная комедія въ* 4 *дѣйствіяхъ съ куплетами. Соч.* В. Мирошевскаго. *Сюжетъ заимствованъ изъ повѣсти* Цшокке. *Въ* 12; 165 *стран.*

52. Женихи-чудаки, *или двоихъ провели да однаго вывели. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи.* Н. С. Соколова. *Въ* 12; 114 *стран.*

Заимствованіе сюжета для комедіи изъ иностраннаго писателя (что сдѣлалъ и г. Соколовъ, воспользовавшись комедіею Коцебу) всегда вредитъ успѣху драматическаго сочиненія, которое только и движется сочувствіемъ съ національною жизнію. Безъ нея оно какъ трупъ, напрасно призываемый къ дѣйствію.

53. **Безпокойный покойникъ**, *или обманутый волокита. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Въ* 12; 60 *стран.*

Сочиненіе, отъ котораго можетъ увеличиться нашъ репертуаръ, но литература ничего не пріобрѣтаетъ.

*

54. **Исторія древней Греціи для дѣтей.** *Въ* 8; 314. *стран.*

55. **Повѣсти для дѣтей**, *или расказы добраго отца. Изданы* Н. С. *Въ* 32; 95 *стран.*

Для дѣтей надобно писать занимательно и съ полнымъ убѣжденіемъ въ предлагаемыхъ истинахъ. Простонародныя же шутки и сухія умствованія раждаютъ въ дѣтяхъ отвращеніе отъ книгъ. Вотъ почему означенныя здѣсь книги не достигаютъ своей цѣли.

*

56. **Начертательная Геометрія**, *одобренная Императорскою Академіею Наукъ и съ Высочайшаго соизволенія напечатанная для руководства во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Въ* 8; *XIV, XXII и* 172 *стран. Съ* 17 *чертежами.*

Между учебными пособіями немногія могутъ быть поставлены по прекрасному плану и полнотѣ объема наравнѣ съ приведенною нами Геометріею. Сочиненіе будетъ состоять изъ пяти частей. Изданная нынѣ часть содержитъ теорію науки, или Геометрію собственно начертательную. Въ послѣдующихъ четырехъ частяхъ авторъ предполагаетъ изъяснить разныя приложенія Геометріи, а именно: къ рисованію, къ военной, гражданской и корабельной архитектурѣ, къ артиллерійскому, саперному, піонерному, лѣсному и горному искуству, наконецъ къ малярному, штукатурному, лѣпному, плотничному, столярному, токарному, рѣзному, кузнечному, слѣсарному и машинному мастерству.

57. **Ариѳметика**. *Сочиненіе* Николая Севастьянова, *учителя Математики при Второмъ Кадетскомъ Корпусѣ и Дворянскомъ Полкѣ.* Отдѣлъ I. *Въ* 8; 97 и 5 *стран.*

Чтобы этой учебной книгѣ дать болѣе совершенства, надобно со-временемъ во-первыхъ передвинуть размѣщеніе частей ея, потому-что нѣкоторыя вошли

въ первый отдѣлъ безъ предварительнаго объясненія того, что имъ должно предшествовать; во-вторыхъ, однѣ части нужно сократить, а другія разширить поясненіями.

58. *Подробный учебный* атласъ Россійской Имперіи, *расположенный по пространствамъ, заключающимъ губерніи, сходныя свойствами почвы и промыслами жителей, и проч., составленный по новѣйшимъ свѣдѣніямъ въ* 1841 *году Корпуса Топографовъ прапорщиками* Проскуряковымъ и Семеновымъ. 14 *большихъ листовъ*.

По этой части не было еще руководства, тщательнѣе изданнаго, какъ разсматриваемый нами атласъ. Онъ начинается Генеральною Картою Имперіи, гдѣ показано раздѣленіе ея на пространства (числомъ десять). Далѣе слѣдуютъ самыя пространства: Скандинавское, Алаунское, Низменное, Окское, Карпатское, Степное, Уральское, Царство Польское, Кавказскія земли и Сибирское. Между-тѣмъ раздѣленіе на губерніи остается отмѣченнымъ въ каждомъ пространствѣ.

59. Французско-Русской Словарь, *извлеченный изъ новѣйшихъ источниковъ В. Эртелемъ*. Томъ первый. *Въ* 8; VIII *и* 557 *стран*.

60. *Русско-Нѣмецкій и Нѣмецко-Русскій карманный словарь* Н. Ульянова. Часть I. Словарь Русско-Нѣмецкій. *Въ* 12; 338 *стран.*

Давно мы нуждались въ пособіяхъ этаго рода, составленныхъ не изъ спекуляціи, а съ полнымъ вниманіемъ къ труду и съ уваженіемъ къ публикѣ. Названные нами словари еще не кончены; но ихъ начало такъ отвѣчаетъ хорошо потребности, что мы не сомнѣваемся въ окончаніи столь же удовлетворительномъ.

61. Таблица складовъ *для употребленія въ дѣтскихъ пріютахъ. На одномъ листѣ.*

Принятой въ азбукахъ порядокъ буквъ здѣсь измѣненъ. Ребенокъ, затвердившп выговоръ одной буквы, уже переходитъ къ выговору ея въ складахъ, изъ соединенія которыхъ всегда выходитъ слово, а не безсмысленные звуки. Слова приведены такъ, что ни въ одномъ нѣтъ буквы, которая бы уже не была затвержена прежде. Выучивь эту таблицу, дѣти въ состояніи будутъ перейти къ чтенію книгъ.

62. Нѣмецкая азбука, *или руководство научиться скоро складывать и читать по-Нѣмецки. Въ* 12; 82 *стран.*

Сочинитель внесъ сюда болѣе, нежели обѣщалъ въ заглавіи. Тутъ, сверхъ буквъ и складовъ, помѣщены: разговоры, краткая грамматика, нравоучительныя изрѣченія и анекдоты.

*

63. **О развитіи Русской жизни въ отношеніи къ законодательству.** *Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Ришельевскаго Лицея* 22 *Іюня* 1841 *года, исправляющимъ должность профессора* Михаиломъ Соловьевымъ. *Въ* 4; 39 *стран.*

64. **Рѣчи,** *произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета Іюня* 17 *дня* 1841 *года. Въ* 4; 84 *стран.*

65. **Разсужденіе** *объ интегралахъ алгебраическихъ ирраціональныхъ дифференціаловъ съ одною перемѣнною, сочиненное кандидатомъ Императорскаго Московскаго Университета* Іосифомъ Сомовымъ *для полученія степени магистра. Въ* 4; 166 *стран.*

Академическое краснорѣчіе, во всѣхъ его направленіяхъ, въ продолженіе цѣлаго года безпрерывно обогащаетъ Русскую литературу замѣчательными сочиненіями. Причиною тому цвѣтущее состояніе, до

котораго заботливою попечительностью Правительства доведены наши Университеты. Въ разсужденіяхъ, приведенныхъ нами, частныя изысканія истины отличаются положительными знаніями и тонкими наблюденіями.

*

66. Уголовные законы Царя и Великаго Князя Іоанна IV Васильевича. *Въ* 8; 34 *стран.*

Судебникъ Царя Іоанна Васильевича содержитъ въ себѣ преимущественно постановленія о гражданскомъ управленіи и судопроизводствѣ. Что касается до тогдашнихъ Уголовныхъ законовъ, ихъ надобно было собрать изъ *Губныхъ грамотъ* (напечатанныхъ въ Актахъ Археографической коммисіи) и особенно изъ *Устава о разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ* (сохранявшагося до сихъ поръ въ рукописяхъ). Князь М. Оболенскій оказалъ несомнѣнную услугу Русскому правовѣдѣнію, издавъ этотъ любопытный памятникъ нашей старины.

67. *Общія начала теоріи законодательства* о преступленіяхъ и наказаніяхъ. *Въ двухъ раздѣлахъ. Сочиненіе Императорскаго Московскаго Университета ординарнаго профессора, доктора правъ*, Сергѣя Баршева. *Въ* 8; 107 *и* 250 *стран.*

Авторъ книги: «*О мѣрѣ наказаній*» обнялъ свой предметъ въ новомъ сочиненіи гораздо съ бо̀льшихъ сторонъ, утвердивъ его на основаніи теоретическомъ. Его идеи составляютъ выводъ изъ глубокомысленныхъ изслѣдованій Германскихъ правовѣдцевъ.

68. Юридическія записки, *издаваемыя* Петромъ Рѣдкинымъ, *докторомъ правъ и ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго Университета.* Томъ первый. *Въ* 8; 464 *стран.*

Богатый и прекрасный запасъ матеріаловъ для знатоковъ и любителей юридической литературы.

*

69. Очерки съ произведеній живописи, гравированія, ваянія и зодчества, *съ краткимъ описаніемъ и біографіями художниковъ. Въ* 4; 119 *стран.*

Давно мы нуждались въ подобномъ собраніи. Надобно впрочемъ составить какой нибудь планъ, чтобы легче и съ большою пользою обнять столько предметовъ. Въ тетрадяхъ, нынѣ изданныхъ, мы нашли очень много занимательнаго, но не умѣли опредѣлить для себя будущей дѣятельности издателей.

70. *Собраніе* видовъ города Казани, *рисованныхъ съ натуры* Эдуардомъ Турнерелли. 15 *листовъ*.

Въ XIV т. Совр. (27 стран., *первой нумераціи*) былъ случай намъ говорить о подобномъ предпріятіи. Г. Ивановъ началъ изданіе *Галлереи видовъ города Пскова и его окрестностей, снятыхъ съ натуры*. Его примѣръ не остался безъ подражанія. *Г. Турнерелли* составилъ прекрасную коллекцію видовъ города Казани. Чтобы доставить труду своему окончательное совершенство, онъ литографировалъ картинки въ Лондонѣ. Всѣхъ видовъ числомъ пятнадцать. Можемъ теперь надѣяться, что скоро и по всей Россіи войдутъ въ моду подобныя предпріятія.

71. *Практическое приложеніе теоріи тѣней и воздушной перспективы къ начальнымъ правиламъ рисованія предметовъ въ проэкціяхъ*. Часть I. О тѣлахъ ограниченныхъ плоскостями. *Составлено корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія поручикомъ* П. Лебедевымъ. *Въ листъ;* 13 *стран. Съ семью рисунками*.

Предпріятіе столь же полезное, сколько исполненіе хорошо.

72. Искуство писать такъ же скоро, какъ говорить. *Въ* 8; 8 *стран*.

73. **Живописецъ безъ кисти и безъ красокъ,** *снимающій всякія изображенія, портреты, ландшафты и проч. въ настоящемъ ихъ цвѣтѣ и со всѣми оттѣнками въ нѣсколько минутъ. Въ* 8; 14 *стран.*

Брошюры не стоющія вниманія.

*

74. **Изображенія и описанія морскихъ растеній, собранныхъ въ Тихомъ Океанѣ.** *Изданныя* Александромъ Постельсомъ и Францомъ Рупрехтомъ. *Въ бол. листъ. VI*, 28, *IV и* 22 *стран. съ рисунками.*

Наука естествознанія пріобрѣла въ этомъ собраніи важное для себя пособіе. Имъ воспользуются не только Русскіе ученые, но и иностранцы; потому-что издатели напечатали свое описаніе на Русскомъ и Латинскомъ языкахъ. Число морскихъ растеній, представленныхъ здѣсь, простирается до трехъ сотъ шестидесяти. Всѣ эти породы собраны въ сѣверной части Тихаго Океана у береговъ Русскихъ владѣній въ Азіи и Америкѣ.

*

75. **Горный Словарь,** *составленный* Григоріемъ Спасскимъ. Часть I. А — Н. *Въ* 8; 284 *стран.*

Еще прекрасный трудъ ученаго, посвятившаго цѣлую жизнь наукѣ. Мы увѣрены, что это изданіе, столь необходимое для людей, занимающихся горными науками, принято будетъ съ истинною благодарностію къ автору.

*

Врачебная литература едва ли не болѣе прочихъ отраслей учености пріобрѣла отлично-хорошихъ пособій, каковы:

76. Курсъ акушерской науки и женскихъ болѣзней, *и проч. Учебное руководство, изданное* Герасимомъ Кораблевымъ. *Въ* 8; *V и* 688 *стран.*

77. Начертаніе частной Патологіи и терапіи человѣческихъ болѣзней, *изданное* Петромъ Бутковскимъ. Часть I. *Въ* 8; *X, XXII и* 382 *стран.*

78. *Руководство для* прививанія предохранительной оспы. *Составилъ* Кондратій Грумъ. *Въ* 8; *IV и* 133 *стран. Съ четырьмя таблицами.*

79. Леченіе душевныхъ болѣзней, *въ особенности холодною водою. Составилъ* А. С... Г...въ. *Въ* 12; 46 *стран.*

80. **Краткой отчетъ Общества Русскихъ Врачей въ С. П. бургѣ за 1840 годъ.** *Въ* 8; 51 *стран.*

Менѣе замѣчательны другихъ двѣ нижеслѣдующія брошюры.

81. **Цѣлебныя силы магнита** *въ разныхъ болѣзняхъ, въ особенности съ нервныхъ, объясненныя практическими опытами и наблюденіями врачей. Составилъ* А. С—въ. *Въ* 16; 28 *стран.*

82. **Краткое описаніе медицинскаго вѣсу.** *Соч.* Ѳ. Петрушевскаго. *Въ* 8; 23 *стран.*

※

Книги по части сельскаго хозяйства обыкновенно являются у насъ въ большомъ количествѣ. Между-тѣмъ рѣдко случается, чтобы много было дѣльнаго и прочнаго въ этомъ родѣ. Нынѣшній разъ мы находимъ пріятное исключеніе изъ обыкновеннаго правила. Вотъ названія новыхъ сочиненій, вполнѣ достойныхъ вниманія просвѣщенныхъ владѣльцевъ:

83. **Хозяйственныя записки и выводы** *для руководства прикащику мызы. Въ* 4; *II и* 47 *стран. Съ планомъ.*

84. *Руководство къ* теоретическому и практическому садоводству, *составленное* П. Шварцемъ. *Въ* 8; *XII и* 377 *стран. Съ* 5 *рисунками.*

85. *Краткое понятіе о* пневматическомъ отапливаніи *и о качествахъ воздуха относительно къ здоровью. Составилъ* Николай Аммосовъ. *Въ* 8; 106 *стран.*

86. *Руководство къ* разведенію, улучшенію, кормленію и откормкѣ домашнихъ животныхъ. *Сочиненіе* К. Бергштрессера. *Съ* 14 *литографированными изображеніями домашнихъ животныхъ. Въ* 4; 98 *стран.*

87. Исторія лѣснаго законодательства Россійской имперіи, *съ присоединеніемъ очерка исторіи корабельныхъ лѣсовъ Россіи. Сочиненіе* барона В. Врангеля. *Въ* 8; 153 *стран.*

88. Лѣтопись Бѣлорусскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Книжка первая. *Въ* 8; *II и* 128 *стран. Съ* 3 *рисунками.*

89. Уставъ Московскаго Общества Охотниковъ Конскаго бѣга. *Въ* 12; 129 *стран.*

90. **Отчетъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства за 1840 годъ.** *Въ* 8; 87 *стран.*

91. **Отчетъ о дѣйствіяхъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества за 1840 годъ.** *Въ* 8; 87 *стран.*

Не обошлось впрочемъ и въ этотъ разъ безъ ничтожныхъ издѣлій промышленности (не сельской, а городской, торгашной). Доказательствомъ тому служатъ:

92. **Домашній хозяинъ, художникъ, фабрикантъ, заводчикъ и ремесленникъ,** *или открытые секреты, относящіеся до золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, бриліанщиковъ, живописцевъ, сургучниковъ, водочныхъ мастеровъ, уксусниковъ, бѣлильщиковъ, красильщиковъ, свѣчныхъ мастеровъ* (жаль, что авторъ поскупился въ исчисленіи титуловъ! Ничего бы ему не стоило прибавить: и **домашнихъ слагателей всѣхъ письменныхъ хитростей и издѣлій**) *и до леченія простыми средствами обыкновенныхъ болѣзней, полезные для людей всѣхъ состояній. Въ* 12; 127 *стран.*

93. **Объ откармливаніи скотины,** *какъ-то: коровъ, воловъ, овецъ, свиней, лошадей и проч. по*

новооткрытому способу. Съ употребленіемъ корма вдвое меньше противъ прежняго. Въ 8; 8 стран.

94. *Новый, истинный* способъ довести свое имѣніе до цвѣтущаго состоянія *и получать съ него двойные доходы. Въ 12; 137 стран.*

95. Соловьиной и канареечный охотникъ, *или подарокъ любителямъ птицъ, и проч. Въ 8; 8 стран.*

*

96. Подробное объясненіе 1-го и 2-го государственныхъ займовъ Царства Польскаго. *Изданіе* г. Григоровича, *члена Московскаго Императорскаго Попечительнаго комитета и разныхъ ученыхъ обществъ. Въ 8; 67 стран.*

97. Памятная книжка для бумажника, *о расчетѣ ассигнацій на серебро и серебра на ассигнаціи отъ ½ копѣйки до 100,000 рублей. Въ 16; 32 стран.*

Обѣ книжки вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію.

*

97. **Народныя пѣсни Вологодской и Олонецкой губерній,** *собранныя* **Ѳ. Студитскимъ.** *Въ* 16; 116 *стран.*

Много разъ предпринимаемы были сборники простонародныхъ Русскихъ пѣсень. Между ними нѣтъ однако ни однаго полнаго и вѣрнаго. Причина очевидна: на необъятномъ пространствѣ Россіи, въ каждомъ уголкѣ ея вы услышите или совсѣмъ новыя выраженія радости и грусти, или даже измѣненія въ тѣхъ, кои вамъ удавалось уже слышать. Надобно, чтобы изъ каждаго края туземцы и знатоки народности начали сносить въ общую массу эти частныя сокровища. Когда опытный глазъ пробѣжитъ со всѣмъ вниманіемъ по этимъ отдѣльнымъ сборникамъ, только тогда возможно будетъ общее изданіе Русскихъ пѣсень. Г. Студитскій повидимому раздѣляетъ наше мнѣніе — и вотъ почему онъ собралъ пѣсни только однаго края. Его собраніе очень замѣчательно и по новости представленныхъ имъ сокровищъ и по самому изданію.

98. **Старичекъ-весельчакъ,** *расказывающій давнія Московскія были. Въ* 16; 96 *стран.*

Хотѣлось бы намъ знать, кто будетъ слушать эти Московскія были?

❋

99. *Правила игры въ* Преферансъ, *почерпнутыя изъ иностранныхъ сочиненій и опыта. Въ* 64; *X и* 66 *стран.*

100. Преферансъ. *На листѣ.*

Это последнее отделение новыхъ сочиненій лучшимъ служитъ доказательствомъ цѣлому свѣту, что наши писатели наравнѣ идутъ съ вѣкомъ.

II.

101. Древние и нынѣшние Болгаре, *въ политическомъ, народописномъ, историческомъ и религіозномъ ихъ отношеніи къ Россіянамъ. Историко-критическія изысканія* Юрія Венелина. Томъ II. *Въ* 8; 241 *стран.*

102. Исторія смутнаго времени въ России въ началѣ XVIII вѣка. *Д.* Бутурлина. Часть вторая. *Въ* 8; 296 *и* 126 *стран.*

103. Всеобщая историческая библіотека. Книжка II. *Въ* 8; 147 — 302 *стран.*

104. Образцы Славяно-Русскаго древлеписанія, *издаваемыя профессоромъ* Погодинымъ. Тетрадь II. *Въ* 4; 22 *стрн.*

105. Біографія Россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ *съ* 48 *портретами*. Часть *IV*. *Въ* 8; 373 *стран.*

106. *Собраніе сочиненій* Основьяненка. Жизнь и похожденія Петра Степанова сына Столбикова, *помѣщика въ трехъ намѣстничествахъ. Рукопись XVIII вѣка.* Часть вторая. *Въ* 8; 195 *стран.*

107. *Библіотека романовъ, повѣстей и путешествій, издаваемая книгопродавцемъ* Улитинымъ. *Выпускъ второй.* Томъ VI, *содержащій въ себѣ:* Изгнанникъ, *романъ временъ Іоанна Васильевича Грознаго. Сочинялъ* Д—рій С—овъ. *Въ* 12; 159 *стран.*

*

108. Сочиненія Александра Пушкина. Томы IX, X и XI. *Въ* 8; IV — 480, 380 *и* 353 *стран.*

109. Сто Русскихъ литераторовъ. Томъ II. *Въ* 8; 696 *стран.*

110. Труды Императорской Россійской Академіи. Часть IV. *Въ* 8; 197 *стран.*

111. Энциклопедическій Лексиконъ. Томъ XVII. Дю—Дят. *Въ* 8; *XVI и* 451 *стран.*

112. Украинскій Сборникъ. И. Срезневскаго. Книжка II. *Въ* 8; 46 *стран.*

113. Русская исторія *для первоначальнаго чтенія. Сочиненіе* Николая Полеваго. Часть IV. *Въ* 12; 448 *стран.*

114. *Курсъ чистой математики, составленный* А. Кушакевичемъ и А. Киндеревымъ. Часть IV. Прямолинѣйная и Сферическая тригонометрія, нивеллированіе и съемка плановъ. *Въ* 8; 105 *стран.*

115. *Практическое упражненіе въ* Бухгалтеріи *по дѣламъ внутренней торговли и фабрикаціи, составленное* Николаемъ Емельяновымъ. Часть II. *Въ* 4; 140 *стран.*

*

116. Атласъ музеума Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. *Томъ I,* тетради 2 и 3. *Въ* 8; 12 *и* 10 *стран. Съ рисунками.*

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

1. **Исторія семилѣтней войны** *съ Германіею, съ* 1756 *по* 1763 *годъ. Сочиненіе* Архенгольца, *служившаго капитаномъ въ арміи Фридриха-Великаго. Перевелъ* Алексѣй Мартосъ. *Въ* 3; 371 *стран.*

Выборъ сочиненія очень хорошъ. Сожалѣемъ только, что надъ переводомъ трудился литераторъ, по видимому, не привыкнувшій писать по-Русски.

2. **Шекспиръ.** *Переводъ съ Англійскаго.* Н. Кетчера. Выпускъ 1, 2 и 3. Король Іоаннъ. Ричардъ II. Генрихъ IV. *Въ* 12; 229, 231 *и* 362 *стран.*

Переводчикъ передаетъ намъ великаго поэта прозою, съ необыкновенною отчетливостію и вѣрно. Можно сказать многое противъ прозаическихъ пере-

водовъ поэзіи; но когда дѣло идетъ о цѣломъ поэтическомъ мірѣ, тамъ должны умолкнуть всѣ толки. Переводъ г. Кетчера будетъ *введеніемъ* въ этотъ новый для насъ міръ. Мы должны прежде буквально познакомиться съ Шекспиромъ. Изучивъ его лексикографически, мы перейдемъ къ возсозданію живыхъ его явленій, образовъ и дѣйствій. Надобно только желать, чтобы это благородное предпріятіе увѣнчалось концомъ.

*

3. Пятнадцать дней блаженства, *или дѣдушкины вечера. Соч.* Стефана дела Маделейна. *Переводъ съ Французскаго. Въ* 12; 280 *стран.*

Содержаніе повѣсти и ея изложеніе такъ мало обнаруживаютъ таланта въ авторѣ, что можно бы переводчика и уволить отъ заботы трудиться надъ переводомъ книги.

4. Бернардъ Монратъ, *или перевоспитанный дикарь. Сочиненіе* Жоржъ-Зандъ (г-жи Дюдеванъ). *Переводъ съ Французскаго.* Часть I. *Въ* 8; 123 *стран.*

Переводъ ни сколько не соотвѣтствуетъ достоинству подлинника.

5. **Брильянтъ и Роза**, *мистерія въ трехъ дѣйствіяхъ, съ хорами и куплетами. Перевелъ съ Нѣмецкаго* Ѳ. Миллеръ. *Въ* 16; 140 *стран.*

Для чтенія легкаго, особенно дѣтямъ, книжка эта не лишена занимательности. Переводъ хорошъ.

※

6. *Систематическое руководство къ* **межеванію земель**, *основанное на первыхъ четырехъ правилахъ ариѳметики съ присовокупленіемъ искуства снимать планы, съ* 4 *таблицами чертежей. Сочиненіе* Лакроа. *Переводъ съ Французскаго* 5-*го изданія. Въ* 12; 204 *стран.*

Достоинство книги, столь извѣстной по ея отчетливому и легкому изложенію, пріобрѣтаетъ и для насъ новую цѣну, по тому обстоятельству, что теперь наиболѣе у насъ настоитъ въ ней нужда.

7. **Лекціи о метеорологіи** Л. Ф. Комтца, *профессора физики въ Галле. Перевелъ* М. Спасскій. *Съ литографированными таблицами.* Томъ I и II. *Въ* 8; 615 *и* 338 *стран.*

Сочинитель 1) разсматриваетъ явленія теплоты съ ихъ вліяніями на температуру земли и атмосферы; 2)

предлагаетъ изслѣдованія о вѣтрахъ, 3) о водяныхъ метеорахъ; 4) о законахъ распредѣленія теплоты по земному шару; 5) о перемѣнахъ въ давленіи атмосферы; 6) о явленіяхъ электрическихъ, 7) оптическихъ, 8) о сѣверномъ сіяніи, и 9) о проблемматическихъ явленіяхъ. Его ясный и глубоко-проникающій взглядъ сообщаетъ наукѣ такую занимательность, что невозможно оторваться отъ чтенія книги. Переводчикъ, знающій и, какъ видно по труду, любящій это дѣло, заслужилъ изданіемъ своего перевода благодарность всѣхъ благомыслящихъ людей.

По части врачебныхъ наукъ переведено семь сочиненій. Это большею частію книги, пользующіяся всеобщимъ уваженіемъ въ ученомъ свѣтѣ, такъ что мы не можемъ не радоваться за обогащеніе нашей литературы подобными переводами, тѣмъ болѣе, что каждый изъ переводчиковъ исполнилъ свое дѣло добросовѣстно и успѣшно. Вотъ названіе книгъ:

8. Частная фармакологія, *или наука о лекарствахъ, составленная докторомъ* I. Фр. Зоберигеймомъ *для академическаго и практическаго употребленія. Съ Нѣмецкаго третьяго изданія перевелъ и съ нѣкоторыми дополненіями издалъ* Михаилъ Вейсбергъ. *Часть первая.* Первая тетрадь. *Въ* 8; 192 *стран.*

9. Леченіе головныхъ болей, *мигреня, головной боли, происходящей отъ полнокровія, отъ венерической болѣзни, отъ скорбута и отъ вліянія солнечныхъ лучей. Доктора* Проспера Мартина. *Переводъ съ Нѣмецкаго.* А. С—въ. *Въ* 12; 72 *стран.*

10. *Карманная книжка* весенняго и лѣтняго леченія, *или наставленіе, какъ сохранять здоровье и лечить болѣзни травяными соками, молокомъ, сывороткою, холодною водою и проч , составленная* Д. М. Ц. Ф. Дитрихомъ. *Переводъ съ Нѣмецкаго. Въ* 12; 101 *стран.*

11. Ученіе о глазныхъ болѣзняхъ. *Учебная книга для руководства при преподаваніи и для собственнаго обученія врачей, вступающихъ въ практику. Сочиненіе* Юнкена. *Переводъ съ Нѣмецкаго со втораго умноженнаго изданія. Съ приложеніемъ діагностической таблицы воспаленіе глазъ. Изданъ профессоромъ докторомъ* И. Гильдебрандтомъ. Часть I. *Въ* 8; *XXXVIII и* 545 *стран.*

12. Носографія и Терапія Ю. Л. Шенлейна, *составленная изъ лекцій, преподанныхъ имъ въ Вирцбургѣ, Цирихѣ и Берлинѣ. На Русскомъ языкѣ изданы* Гр. Сокольскимъ. Часть первая *Въ* 8; 388 *стран.*

13. Леченіе водою по методѣ Присница въ Грефенбергѣ, *съ подробнымъ описаніемъ самаго Грефенберга, правилъ тамъ наблюдаемыхъ, чудесныхъ исцѣленій, производимыхъ Присницемъ, и всего, что относится къ леченію водою, особливо по методѣ Присница. Сочиненіе доктора* Бишеля. *Переводъ съ Французскаго. Въ* 8; 299 *стран.*

14. Другъ здравія, *или практическое объясненіе употребленія и дѣйствій свѣжей воды и проч. Издано* Кишмаеромъ, Эртелемъ и Шлеммеромъ. *Переводъ съ Нѣмецкаго. Въ* 8; 84 *стран.*

Только послѣднее изъ этихъ сочиненій, заключающее много сужденій пристрастныхъ и слѣдственно противныхъ истинѣ, уступаетъ въ достоинствѣ первымъ.

*

15. Выборъ невѣсты. *Новоизобрѣтенная забавная игра, которую можно употреблять въ фантахъ и разыгрывать фантами. Съ Нѣмецкаго. Съ* 13 *литографированными картинками.*

Надобно же было отыскать въ иностранной литературѣ такую дивную книгу.

II.

16. **Руководство къ анатоміи человѣческаго тѣла**, *составленное для употребленія при лекціяхъ* I. X. Розенмюллеромъ, *бывшимъ профессоромъ анатоміи въ Лейпцигѣ, переведенное съ пятаго Нѣмецкаго изданія, исправленнаго и дополненнаго* Э. Г. Веберомъ, *профессоромъ въ Лейпцигѣ, Императорскаго Московскаго Университета студентами* С. Гамбургеромъ и Н. Шнаубергомъ, *подъ надзоромъ прозектора анатоміи доктора медицины* И. Зырева. Часть II. *Въ* 8; 531 *стран.*

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

I.

1. Исторія России въ Разсказахъ для дѣтей. *Сочиненіе* Александры Ишимовой. Изданіе второе, *исправленное и пополненное.* Части I, II и III (въ нихъ помѣщены *всѣ* прежнія *шесть* частей). *Въ* 8; 377 366 *и* 426 *стран.*

Мы не удивляемся, что Сочинительница этой Исторіи едва успѣла кончить печатаніе послѣдней части перваго изданія, какъ уже теперь принуждена была напечатать и изданіе второе—не удивляемся потому, что безъ ея книги не можетъ обойтися ни одно семейство Русское, если въ немъ воспитываются дѣти. Но вотъ что насъ удивило: Перечитывая съ новымъ удовольствіемъ ея новое изданіе, мы едва вѣрили глазамъ, находя столько счастливыхъ дополненій къ ея прежнему тексту. Только любя свой

трудъ и думая единственно о пользѣ учащихся, можно такъ тщательно исправлять свои сочиненія. Самое вмѣщеніе прежнихъ шести частей въ три (которыя подлиннѣе и потолще прежнихъ) доставило великую выгоду желающимъ имѣть эту книгу: теперь она продается вмѣсто прежнихъ 30 р. ас. только по 5 р. сер. или 17 р. 50 к. ас. Обративши вниманіе читателей нашихъ на улучшенія преимущественно внѣшнія, мы не можемъ не сказать еще разъ нашего мнѣнія объ этой книгѣ, прочитавъ ее въ новомъ видѣ и всю вдругъ отпечатанную. Она соединяетъ въ себѣ совершенства сочиненія серьёзнаго и сочиненія написаннаго какъ бы для чтенія легкаго. Происшествія собраны изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ со всею заботливостію учености. Но въ планѣ каждаго разсказа, въ формѣ его проявленія, въ гармоніи частей, въ выборѣ подробностей, въ эффектѣ овладѣвающемъ душою по прочтеніи каждаго событія столько мастерства и таланта, что здѣсь исторія похищаетъ занимательность твореній чисто литературныхъ. Нельзя не радоваться, что для образованія молодаго поколѣнія явилось у насъ сочиненіе, какихъ не много и въ литературахъ созрѣвшихъ. Подобнаго рода книга есть на Шведскомъ языкѣ. Это исторія Швеціи, написанная Фрюкселлемъ. Такія сочиненія занимательны въ равной степени для взрослыхъ и для дѣтей. Впрочемъ иначе и быть не должно. Разсказъ холодный или утомительной никакому возрасту не подъ силу. И напротивъ: одушевленное и проникнутое та-

лантомъ сочиненіе, будь оно приноровлено къ понятіямъ дѣтскимъ, непремѣнно овладѣетъ вниманіемъ всѣхъ возрастовъ. Мы были свидѣтелями множества удачныхъ опытовъ, какъ умные воспитатели и воспитательницы въ общественныхъ заведеніяхъ употребляли книгу дѣвицы Ишимовой въ одно и то же время для обученія дѣтей Русской Исторіи, для образованія ихъ слога по-Русски и для занятія дѣтей въ свободные часы легкимъ чтеніемъ. Это лучшая похвала книгѣ.

2. Взглядъ на міръ. *Соч.* П. Куликовскаго. Изданіе второе. *Съ перваго* 1839 *г. съ исправленіями. Въ* 8; 31 *стран.*

3. Жизнь Вилльяма Шекспира, *Англійскаго поэта и актера; съ мнѣніями о немъ и объ его твореніяхъ Русскихъ и иностранныхъ писателей.* Изданіе второе. *Въ* 32; 163 *стран.*

4. Торжество закладки Храма во имя Христа Спасителя. *Соч.* Ѳ. Кузмичева. Изданіе второе. *Въ* 8; 33 *стран.*

5. Русскія Повѣсти Марьи Жуковой (сочинительницы Вечеровъ на Карповкѣ). *Двѣ части.* Изданіе второе. *Въ* 8; 72 *и* 283 *стран.*

Въ какой-то Газетѣ доказано несомнѣнными доводами, что слово *второе изданіе* относится не къ самой книгѣ, а единственно къ заглавному ея листу. И такъ это просто шутка издателя.

6. Дочь Разбойника, *или любовникъ въ бочкѣ. Народное преданіе временъ Бориса Годунова. Соч. Ѳ. К.* Напечатано съ изданія 1839 года. *Въ* 12; 92 *стран.*

7. Гуакъ *или непреоборимая вѣрность. Рыцарская повѣсть.* Изданіе третье. *Въ двухъ частяхъ. Въ* 8; 117 *и* 164 *стран.*

8. Герой нашего времени. *Сочиненіе* М. Лермонтова. Изданіе второе. *Двѣ части. Въ* 12; *VI* — 250 *и* 173 *стран.*

9. Ермакъ, *покоритель Сибири. Исторической романъ.* Изданіе второе. *Двѣ части Въ* 8; 25 *и* 79 *стран.*

10. Спасенная Ниневія пророчествомъ Іоны. *Поэма въ* 4 *пѣсняхъ. Сочиненіе автора сына природы.* Ѳедота Кузмичева. 2-е изданіе. *Въ* 8; 70 *стран.*

11. Сватанье *Малороссійская опера въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе* Основьяненка. Изданіе второе. *Въ* 8; 156 *стран.*

12. Ревизоръ, *комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Соч.* Н. Гоголя. Изданіе второе, *пополненное съ приложеніями. Въ* 8; 230 *стран.*

*

13. Славянская Христоматія, *или избранныя мѣста изъ произведеній древняго отечественнаго нарѣчія.* Третье изданіе. *Въ* 8; *XIV и* 545 *стран.*

14. Постепенныя занятія въ переводахъ *съ Русскаго языка на Нѣмецкій и Французскій. Изданныя докторомъ* Ѳ. Кистеромъ. Четвертое *исправленное* изданіе. *Въ* 12; 194 *стран.*

15. Краткая Всеобщая Географія, *принятая для руководства въ Гимназіяхъ Московскаго учебнаго Округа. Соч.* Штейна. *Переведена съ Нѣмецкаго девятнадцатаго изданія и исправлена по новѣйшимъ извѣстіямъ* Ѳ. Соколовымъ. Изданіе второе. *Въ* 8; 346 *стран.*

16. Краткая Ариѳметика *и проч. Въ двухъ частяхъ. Составлена* Матвѣемъ Максимовымъ. Изданіе второе. *Въ* 12; 153 *стран.*

17. Краткая Ариѳметика *и проч. издана* Михайломъ Меморскимъ. Пятнадцатое изданіе. *Двѣ части. Въ* 12; 184 *стран,*

18. Русская Грамматика для Русскихъ. *Составилъ* Викторъ Половцовъ. Четвертое изданіе. *Въ* 12; 151 *стран.*

19. Карманный Латинско-Русскій Словарь, *составленный* Алексѣемъ Болдыревымъ. Изданіе второе. *Въ* 16; 480 *стран.*

20. Азбука для малолѣтныхъ дѣтей. *Съ молитвами, нравоученіями, правилами о соблюденіи здоровья и стихотвореніями.* Новое изданіе. *Въ* 8; 44 *стран.*

21. Французская азбука. *Составлена* Ѳедоромъ Куртенеромъ. Изданіе четвертое. *Въ* 12; 99 *стран.*

22. Азбука Нѣмецкая новѣйшая. *Соч.* П. Васильева. Седьмое изданіе. *Въ* 8; 104 *стран.*

*

23. О больших ъ военных ъ дѣйствіях ъ, *битвахъ и сраженіяхъ, происходившихъ при вторженіи въ* Россію въ 1812; *генералъ-маіора* Николая Окунева. Изданіе второе. *Въ* 8; *XVI и* 262 *стран.*

24. Полное свѣдѣніе о пользованіи холодною водою *и проч. Издано докторомъ* Фабриціусомъ. *Съ Нѣмецкаго втораго изданія переведено* Михайломъ Ламовскимъ. Второе изданіе. *Двѣ части. Въ* 8; 380 *и* 103 *стран.*

25. Балакирева *полное собраніе анекдотовъ, шута, бывшаго при дворѣ Петра Великаго.* Изданіе третіе. *Въ пяти частяхъ. Въ* 12: 36, 24, 18, 12 *и* 42 *стран.*

II.

26. Всеобщій Французско-Русскій Словарь, *составленный* Иваномъ Татищевымъ. Изданіе третье. Томъ второй. *Въ* 4; 772 *стран.*

27. Исторія Петра Великаго. *Сочиненіе* Веніамина Бергмана. *Перевелъ съ Нѣмецкаго* Егоръ Аладьинъ. Второе, *сжатое* (компактное) изданіе. Томы IV, V и VI. *Въ* 8; 163, 139 *и* 162 *стран.*

28. *Учебная книга Всеобщей Исторіи. Сочиненіе* И. Кайданова. **Исторія трехъ послѣднихъ вѣковъ и первой половины XIX вѣка. Изданіе Заикина.** *Въ* 8; IV — XII *и* 480 *стран.*

29. **Карманный Пѣсенникъ. Изданіе** М. С. **Книжка** V. *Въ* 16; 102 *стран.*

ГЕРМАНСКАЯ ЭПОПЕЯ.

НИБЕЛУНГИ.

Цвѣтущій періодъ Германской народной поэзіи начинается со времени вступленія Гогенштауфеновъ на императорскій престолъ. Крестовые походы и произведенное ими сближеніе Европейскихъ народовъ между собою были одною изъ главныхъ причинъ, возбудившихъ поэтическое стремленіе въ Германіи. Вѣра, любовь и храбрость, которыхъ символами служили крестъ, роза и мечь, были элементами народной жизни и служили основаніемъ нравственности, наукъ и искуствъ. Рыцарскій характеръ вѣка положилъ свой отпечатокъ и на поэтическія произведенія; и неудивительно: большая часть поэтовъ принадлежали къ рыцарскому сословію и при дворахъ воинственныхъ феодаловъ пѣли то, что внушало

имъ сердце, сопровождая пѣніе звуками арфы или скрипки; воспламеняли сердца своихъ ратныхъ товарищей къ подвигамъ любви, благочестія и храбрости. Ни одинъ турниръ, ни одинъ праздникъ не обходился безъ пѣсень трубадура; случалось, что тѣ самые рыцари, которые на ристалищѣ сражалис копьями, въ тотъ же день состязались потомъ въ пѣні балладъ, легендъ или пѣсень собственнаго сочиненія — и шумныя толпы воинственныхъ рыцарей и милыхъ красавицъ безмолвно внимали восторженным пѣснямъ, и кровь ихъ кипѣла, и взоръ огнеметны блисталъ слезами. Когда наступала весна или какой нибудь годовый праздникъ, поэтъ былъ распоряди телемъ народнаго веселья, душею бесѣдъ.

Во время крестовыхъ походовъ господствующим нарѣчіемъ въ Нѣмецкой литературѣ было Швабское Въ Швабіи жили императоры, покровители изящ ныхъ искуствъ, Швабія находилась въ сосѣдств со Провансомъ и съ Италіей — странами, которыя в то время были законодательницами вкуса въ Европѣ самый языкъ Швабскій болѣе другихъ нарѣчій Нѣ мецкихъ способенъ къ поэзіи по своей гибкости, бла гозвучію, богатству, выразительности и живописно сти. И Нижне-Германскіе поэты писали на Шваб скомъ нарѣчіи.

Нѣмецкая литература въ періодъ крестовыхъ по ходовъ особенно богата произведеніями эпическими

въ которыхъ воспѣваются чудесные подвиги героевъ и ихъ любовь къ прекрасному полу. Многія происшествія воспѣты нѣсколько разъ: одинъ и тотъ же сюжетъ встрѣчается расказаннымъ то въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ балладахъ, то въ одной послѣдовательной поэмѣ. Очень многія преданія относятся къ временамъ Аттилы. Могущество этаго *бича Божія* наполнило свѣтъ удивленіемъ къ нему; имя его долго оставалось въ памяти народовъ, особенно Дунайскихъ. Сквозь сумракъ вѣковъ Аттила являлся какимъ-то гигантомъ величественнымъ; происшествія историческія, переходя изъ устъ въ уста, изъ вѣка въ вѣкъ, измѣнялись, подобно призракамъ Фаты-Морганы. До нашего времени сохранилось множество старинныхъ стихотвореній, въ которыхъ воспѣты подвиги героевъ древности; замѣчательнѣйшія изъ нихъ собраны въ такъ называемой *Книгѣ Героевъ* (Heldenbuch). Но выше всѣхъ Нѣмецкихъ поэмъ того времени стоитъ *Пѣснь о Нибелунгахъ*, или *Месть Кримгильды.* Эта поэма по всей справедливости заслуживаетъ названіе эпопеи и безспорно занимаетъ первое мѣсто между памятниками древней Германской литературы. Величіе предмета, единство плана, Гомерическая простота и живость описаній, естественность и занимательность расказа, благозвучіе стиха отличаютъ эту Германскую эпопею. Характеры дѣйствующихъ лицъ являются въ самомъ яркомъ и истинномъ свѣтѣ; читатель невольно сродняется съ героями поэмы, съ ихъ нравами и обычаями.

Пѣснь о Нибелунгахъ, кромѣ общихъ достоинствъ, отличается народностью и современностію: Германцы среднихъ вѣковъ сохранились для потомства въ этой безсмертной эпопеѣ.

По всей вѣроятности основаніемъ эпопеи служили старинныя баллады; но цѣлое созданіе безспорно принадлежитъ одному лицу: невозможно, чтобы изъ рапсодовъ разныхъ авторовъ составилось такое стройное сочиненіе, написанное отъ начала до конца одинаковымъ языкомъ, въ одномъ духѣ, съ одною цѣлію. Поэтъ глубоко знаетъ человѣческое сердце, въ высокой степени обладаетъ способностью живописать и владѣетъ стихомъ лучше всѣхъ своихъ современниковъ. Но имя его неизвѣстно... По языку онъ принадлежитъ къ блестящему періоду Германской литературы въ царствованіе Гогенштауфеновъ. Въ поэмѣ нѣсколько разъ упоминается Вѣна, которая построена въ 1162 году; древнѣйшій списокъ поэмы относится къ концу XII столѣтія. Изъ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ надобно заключить, что авторъ жилъ во второй половинѣ XII столѣтія. Изъ поэтовъ XII столѣтія честь сочиненія Нибелунговъ скорѣе всѣхъ можно приписать *Генриху фонъ Офтердингену* (Heinrich von Ofterdingen), самому плодовитому, умному и ученому поэту своего времени. Впрочемъ этотъ вопросъ еще нельзя считать рѣшеннымъ. Причина неизвѣстности — когда и кто сочинилъ поэму «Нибелунги», заключается въ томъ, что

это превосходное произведеніе было забыто и въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ оставалось неизвѣстнымъ. Въ то время, когда Фридрихъ II усиливалъ вліяніе Французской литературы на Германію, народная Германская эпопея извлечена была изъ мрака неизвѣстности; отыскали нѣсколько экземпляровъ, что дало возможность издать поэму съ варіантами. Въ то же время обратили вниманіе на Эдды и на другіе памятники Нѣмецкой старины. Изученіе ихъ, и въ особенности поэмы Нибелунговъ, сообщило Нѣмецкой литературѣ новое движеніе и особенный характеръ. Творенія Грековъ и Римлянъ перестали считаться единственными образцами прекраснаго; воспрянула любовь къ родному, къ своей старинѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ стали болѣе заботиться и о преданіяхъ и литературныхъ памятникахъ другихъ народовъ: такимъ образомъ взглядъ на міръ сдѣлался возвышеннѣе — начался новый періодъ въ исторіи образованности.

Поэма раздѣляется на тридцать девять неровныхъ главъ или пѣсень; первыя девятнадцать обыкновенно называются первою частію поэмы, а послѣднія двадцать — второю. Вся поэма состоитъ изъ 9666 стиховъ и написана отъ начала до конца одинаковымъ размѣромъ. Стансы состоятъ каждый изъ четырехъ строчекъ, рифмующихъ попарно на-образецъ Александрійскихъ стиховъ; рифмы большею частію

мужескія. Въ срединѣ стиха всегда находится цезура; иногда первая половина онаго стиха рифмуетъ съ первой половиной другаго, также какъ и вторыя половины. Стопы не соблюдаются, и длина стиха не всегда одинакова, но большею частію состоитъ изъ 12 слоговъ. Вотъ для примѣра два первые станса поэмы, съ переводомъ размѣромъ подлинника:

Uns ist in alten Maeren wunders vil geseit
Von helden lobebaeren, von grosser arebeit,
Von vreuden und' hochgeziten, von weinen und von chlagen,
Von chüner rechen striten muget ir nu wunder horen sagen.

Ez wüchs in Burgonden ein vil magedin,
Daz in allen landen nichts schoners mochte sin,
Krimhilt was si geheizen, si wart ein schöne wîp
Darum müsen degene vil verliesen den lîp.

Намъ много говорили о разныхъ чудесахъ,
О витязяхъ могучихъ и славныхъ ихъ дѣлахъ,
О радостяхъ, пирахъ, о горѣ и слезахъ...
Послушайте расказа о страшныхъ бояхъ!

Дѣвица-красавица въ Бургундьи жила,
Она всѣхъ прекраснѣй на свѣтѣ была:
Кримгильда царевна всѣхъ женщинъ милѣй,
Краса ея сгубила сколькихъ богатырей!

По содержанію своему *Месть Кримгильды* — созданіе чисто Германское. Поэтъ пользовался исто-

рическими и религіозными преданіями, сохранявшимися въ памяти народной, служившими основою для многихъ пѣсень, балладъ и сказокъ.

Большая часть героевъ эпопеи дѣйствительно существовали. Впрочемъ главная идея — месть Кримгильды, не принадлежитъ исторіи. Авторъ вообще, кажется, мало хлопоталъ объ исторической вѣрности: онъ дѣлаетъ современниками такихъ людей, которые въ самомъ дѣлѣ жили черезъ нѣсколько вѣковъ одинъ послѣ другаго; напр: Аттила (жилъ въ V ст.) и Ридигеръ (жилъ въ X ст.). Въ самыхъ характерахъ лицъ сохранилось такъ мало историческаго, что совершенно разногласныя объясненія казались равно правдоподобными; такъ одни коментаторы видятъ въ королѣ Гунтерѣ — Гундикара (Gundicar), царствовавшаго въ Бургундіи въ началѣ V столѣтія; другіе думаютъ, что основаніемъ поэмы «Месть Кримгильды» служили извѣстныя войны между Брунгильдой и Фредегондой; въ такомъ случаѣ Зифридъ становится тожественнымъ Сигеберту Австразійскому, а Гунтеръ — Гунтраму Бургундскому. Такая неопредѣлительность и несогласіе эпопеи съ исторіей доказываютъ только, что сочинитель Нибелунговъ пользовался не хрониками, а балладами, въ которыхъ не бываетъ хронологическихъ указаній, и что основныя идеи поэмы принадлежатъ самому сочинителю.

Богатымъ источникомъ для автора служили религіозныя преданія Германскихъ народовъ. Когда Христіанская вѣра распространилась въ Германіи и сдѣлалась господствующею, язычество не уничтожилось, а только измѣнило свой видъ. Сами проповѣдники Христіанскіе отзывались о языческихъ богахъ, какъ о чемъ-то дѣйствительно существующемъ. Вмѣсто того, чтобъ доказывать язычникамъ, что ихъ боги не что иное, какъ созданія фантазіи, проповѣдники старались увѣрить своихъ слушателей, что ихъ боги существа злыя. Причина такаго страннаго направленія проповѣди заключается въ той мысли, что источникъ выдумокъ и языческихъ вѣрованій — дьяволъ, врагъ Божій. А слѣдствіемъ такаго направленія проповѣди было то, что вѣрованія въ языческихъ боговъ удерживались въ Европѣ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Существа, которымъ нѣкогда Германцы покланялись, какъ благотворнымъ божествамъ, превратились въ духовъ злыхъ, или по крайней мѣрѣ опасныхъ для человѣка. Христіане среднихъ вѣковъ отъ всей души вѣрили въ существованіе русалокъ, шишей, домовыхъ, лѣшихъ, водяниковъ и т. п.; въ ихъ воображеніи міръ былъ населенъ разными родами невидимыхъ существъ, которыя могли имѣть на людей вліяніе, быть съ ними во враждѣ или въ дружбѣ: съ такими представленіями соединялась вѣра въ чудесное. Нѣкоторые языческіе миѳы уцѣлѣли даже до нашего времени, хотя въ видѣ очень измѣненномъ; но въ средніе вѣка большая часть

миөовъ сохранялись еще въ свѣжей памяти народовъ и были повсемѣстно извѣстны въ земляхъ Германскихъ, Римскихъ и Славянскихъ. Изъ такихъ-то миөовъ очень многое заимствовалъ творецъ Германской эпопеи. Идеи миөологическія составляютъ рѣзкій контрастъ съ рыцарскимъ и Христіанскимъ колоритомъ цѣлаго сочиненія; тѣмъ неменѣе эти идеи были нечужды Европейцамъ XII столѣтія.

Обыкновенно употребляемое названіе эпопеи der Nieblungen-not, *гибель Ниблунговъ*, служило поводомъ ко многимъ разнороднымъ догадкамъ коментаторовъ. Кого должно разумѣть подъ именемъ Нибелунговъ или Ниффлунговъ? Въ первой части этимъ именемъ называются владѣтели сокровищъ, завоеванныхъ Зифридомъ, и воины, которыхъ Зифридъ приводитъ съ собою изъ страны Нибелунговъ (изъ страны мрака, тумановъ) *. Во второй части Бургунды съ тѣхъ поръ, какъ завладѣли сокровищемъ Нибелунговъ, называются Нибелунгами. Преданія о сокровищахъ Нибелунговъ очень древни. Ихъ таинственное свойство, проклятіе боговъ, надъ ними тяготѣющее, служитъ причиною несчастій, отъ которыхъ гибнутъ герои поэмы; и потому я думаю кстати начать изложеніе содержанія эпопеи расказомъ о сокровищѣ Нибелунговъ. Въ Эддѣ Семунда [1]) расказывается объ этомъ слѣдующимъ образомъ:

* Niflheim значитъ адъ, страна мрака.

«Карло *Регинъ* (Reginn), сынъ *Рейдмара* (Hreitmar), первый хитрецъ и колдунъ, такъ расказывалъ *Сигурду* (Sigurdr) о своихъ родныхъ : *Одинъ*, *Генеръ* (Hainer) и *Локъ* пришли къ водопаду Андвара. Андваръ былъ карликъ и самъ въ видѣ щуки ловилъ рыбу близъ водопада. Братъ нашъ *Выдра* (Otr) также часто приходилъ къ водопаду и, превратившись въ выдру, ловилъ рыбу. Когда онъ спокойно ѣлъ лосося, Локъ убилъ его камнемъ. *Асы* [2]) содрали съ выдры кожу и съ этой добычей зашли къ Рейдмару. Мы ихъ задержали и потребовали съ нихъ пени за смерть брата. Локъ отправился къ Андварскому водопаду, закинулъ въ него сѣти и поймалъ самаго Андвара-щуку. *Локъ* (Андвару): «Выкупи свою голову отъ смерти, поищи *рѣчнаго огня* (золота)!» Андваръ, отдавши всѣ свои богатства Локу, пѣлъ: «Пусть это золото будетъ губительнымъ для обоихъ карловъ! пусть изъ-за него погибнутъ 8 Адалинговъ [3]): чтобъ никому не было пользы отъ моихъ денегъ!» Локъ, отдавши Рейдмару выкупъ, сказалъ: «Вотъ тебѣ золото — богатый окупъ. Сыну твоему и тебѣ нѣтъ избавленія!..»

Это двойное проклятіе Андвара и аса Лока тяготѣетъ надъ сокровищемъ Нибелунговъ. Перваго постигла гибель — Рейдмара. Его старшій сынъ Фафнеръ соннаго поразилъ мечемъ. Братъ Фафнера Регинъ, расказавши это Сигурду, убѣдилъ его убить Фафнера и завладѣть его сокровищами. Убіеніе Фаф-

нера составляетъ одинъ изъ подвиговъ Зифрида, о которыхъ упоминается въ поэмѣ *Нибелунги.* Этотъ намекъ, сходство въ именахъ и въ самыхъ событіяхъ, упоминаемыхъ въ Исландскихъ сагахъ о Сигурдѣ и въ Нѣмецкихъ о Зифридѣ, достаточно доказываютъ, что Сигурдъ и Зифридъ означаютъ одно лице. Зифридъ — Ахиллесъ Германскихъ преданій, былъ любимымъ предметомъ героическихъ расказовъ и пѣсень. Въ поэмѣ *Нибелунги* представлены только событія послѣднихъ лѣтъ его жизни, а о прежнихъ подвигахъ находятся одни намеки и упоминанія: такъ въ 3 пѣсни Хагенъ (Hagen) расказываетъ о Зифридѣ (Sîfrid):

«Рука (этаго) героя поразила отважныхъ Нибелунговъ: Шилбунка и Ниблунка, сыновей богатаго короля. Онъ доказалъ необыкновенными подвигами свою чудесную силу.

«Когда витязь ѣхалъ одинъ безъ всякой дружины, встрѣтилъ онъ при подошвѣ горы, какъ мнѣ сказывали, толпу храбрецовъ; они окружали сокровище Нибелунговъ и были всѣ ему незнакомые; но онъ послѣ узналъ ихъ!

«Сокровища Небелунговъ были туда принесены изъ горной пещеры: Нибелунги хотѣли дѣлить ихъ межъ собой. Увидѣлъ это витязь Зифридъ, и удивился герой!

«Онъ подъѣхалъ къ нимъ такъ близко, что они увидѣли его — удалаго. Одинъ изъ нихъ сказалъ: «Вотъ приближается къ намъ могучій Зифридъ, герой «Нидерлантскій (Niderlant).» Много чудеснаго онъ нашелъ между Нибелунгами.

«Шилбункъ и Ниблункъ хорошо приняли витязя. Съ общаго согласія благородные королевичи просили могучаго раздѣлить между ними сокровище; просили его такъ неотступно, что онъ наконецъ согласился.

«Тогда, какъ говорятъ, онъ увидѣлъ столько драгоцѣнныхъ камней, что ихъ не поднять бы и на сто телегъ; а краснаго золота Нибелунгенскаго было еще больше. Все это должна была раздѣлить между ними рука храбраго Зифрида.

«Въ вознагражденіе за трудъ они дали ему мечь Нибелунгскій. Но они были такъ недовольны усердной услугой героя Зифрида, что онъ не могъ окончить дѣлежа: они были раздражены.

«Съ ними было 12 ихъ храбрыхъ друзей, могучихъ исполиновъ; но что они могли сдѣлать? рука гнѣвнаго Зифрида поразила ихъ всѣхъ; кромѣ того онъ побѣдилъ еще 700 мечниковъ (reeken) Нибелунгскихъ добрымъ мечемъ Бальмункомъ (Balmunc).

«Двухъ могучихъ королей убилъ онъ обоихъ на мѣстѣ. Тогда сталъ грозить ему опасностію (карло) Альбрихъ (Albrîch): онъ надѣялся отомстить за своихъ государей, но скоро почувствовалъ необыкновенную силу Зифрида.

«Могучій карликъ не могъ противостоять ему. Какъ дикіе львы взбѣжали они оба на гору, и Зифридъ отнялъ у Альбриха *шапку-невидимку* (tarn-kappe, hell-kappe). Тогда-то непобѣдимый Зифридъ овладѣлъ сокровищемъ.

«Тѣ, которые смѣли противиться ему, были перебиты. Онъ приказалъ Нибелунгамъ перенести сокровище туда, гдѣ оно хранилось прежде. Сильномогучій Альбрихъ назначенъ сторожемъ,

«И долженъ былъ клясться, что будетъ служить Зифриду какъ вѣрный рабъ, и будетъ исполнять всѣ его приказанія.» Такъ говорилъ *Тронье Хагне* (Tronje Hagne): «такой-то подвигъ онъ совершилъ! Никто изъ витязей не можетъ сравниться съ нимъ.

«Еще я знаю объ немъ, и навѣрное знаю: рука богатырская поразила *дракона* (lintrachen). Зифридъ выкупался въ крови чудовища, и кожа его сдѣлалась роговою: никакимъ оружіемъ не пробить ее; ужъ это испытано!»

Въ Скандинавской Эддѣ два происшествія, о которыхъ раскасываетъ Хагенъ, соединены въ одно: Фафнеръ, братъ Регина, обладатель сокровища и *грознаго шлема* (aegis-hiálm), имѣвшій видъ дракона, убитъ Сигурдомъ на берегу Рейна. Регинъ, пришедъ на мѣсто битвы, пилъ кровь своего убитаго брата и вырѣзалъ изъ него сердце; потомъ самъ пошелъ спать, а Сигурда попросилъ жарить сердце Фафнера. Сигурдъ взялъ сердце Фафнера и варилъ его на угляхъ. Когда порядкомъ поджарилъ и кровь пѣнилась изъ сердца, попробовалъ пальцемъ, готово ль? Обжегъ палецъ и въ-торопяхъ положилъ его въ ротъ. Когда кровь изъ Фафнерова сердца попала ему на языкъ, онъ сталъ понимать птичьи рѣчи и услышалъ, что говорили орлы, сидя на деревьяхъ:

«1-й. Вотъ сидитъ Сигурдъ, весь въ крови, жаритъ сердце Фафнера. Умно сдѣлаетъ, когда съѣстъ это сердце!

«2-й. Тамъ лежитъ Регинъ, думаетъ думу... жаждетъ мстить за брата.

«3-й. Я почелъ бы недогадливымъ вождя полковъ, любимца Валькиріи [4]), если бы онъ, отнявши жизнь у однаго брата, далъ другому улизнуть!..»

Сигурдъ послушался орловъ: убилъ Регина, съѣлъ сердце Фафнера и напился крови обоихъ

братьевъ. Потомъ взялъ сокровища Фафнера; съ тѣхъ поръ проклятіе Андвара отяготѣло надъ нимъ. Въ Германской эпопеѣ представлено, какъ совершился неизбѣжный приговоръ рока, какъ герои, владѣтели сокровища, погибли одинъ за другимъ. Никто изъ нихъ не возбуждаетъ къ себѣ такаго участія въ читателѣ, какъ Зифридъ, идеалъ героя среднихъ вѣковъ. Хотя его собственныя дѣла описываются только въ 15 пѣсняхъ, между тѣмъ какъ вся поэма состоитъ изъ 39, но онъ безспорно главное лице въ поэмѣ; его величественная тѣнь паритъ надъ Нибелунгами до самой ихъ трагической кончины; его имя гремитъ надъ ними, какъ эхо въ горныхъ ущельяхъ; блистательные подвиги богатырей передъ славою Зифрида Зигмунтовича — какъ звѣзды передъ солнцемъ.

Другое первостепенное лице въ эпопеѣ — Кримгильта (Krimhilte *), принцесса Бургундская, жена Зифрида. Она представляется дѣйствующимъ лицемъ во всей поэмѣ, отъ начала ея до конца, и потому въ лучшихъ спискахъ самая поэма названа по ея имени — *Месть Кримгильды.* Жена Зифрида — идеалъ женщины среднихъ вѣковъ. Ея благородство души и пламенная любовь къ Зифриду, неохладѣвшая и послѣ его смерти, возбуждаетъ къ ней любовь и участіе даже и въ тѣхъ сценахъ, гдѣ она является

* Это слово значитъ: *шлемоносная.*

грозною мстительницею. Первая пѣснь эпопеи вся посвящена Кримгильдѣ.

«Въ Бургундіи жила благородная дѣвица; въ цѣломъ свѣтѣ не могло быть прелестнѣе ея. Она называлась Кримгильдой, была прекрасною женщиной— и многіе воины изъ-за нея лишились жизни. Достоинства этой дѣвицы могли бы служить украшеніемъ для всего прекраснаго пола.

«Три короля благородные и богатые были ея защитниками: Гунтеръ и Гернотъ (Gernot), славные начальники, и молодый Гизелеръ (Giselher), отличный витязь: всѣ три братья Кримгильды... Мать ихъ, богатѣйшая королева, называлась Утою...

«Безъ сомнѣнія, никто не будетъ въ силахъ описать вамъ великолѣпіе ихъ двора и обширность ихъ могущества... Сколько благородныхъ рыцарей съ радостію повиновались этимъ государямъ!

«Приснилось скромной и доброй Кримгильдѣ, что она нѣсколько дней кормила дикаго сокола, котораго, въ глазахъ ея, убили два орла; бо̀льшаго несчастія не могло случиться съ нею въ этомъ свѣтѣ.

«Расказала она этотъ сонъ своей матери Утѣ (Uote); та сказала ей: «Соколъ, котораго ты кормила—

«знаменитый мужъ. Да сохранитъ его Господь: ты «можешь скоро лишиться его!»

«Что вы говорите мнѣ о мужѣ, любезнѣйшая «маменька? Я хочу жить безъ любви ко мнѣ витязя: «останусь спокойною во всю мою жизнь, не испытаю «горя ни по комъ!»

«Не спѣши такъ говорить, возразила ей мать: «если суждено тебѣ узнать въ мірѣ сердечную ра«дость—найдешь ее въ любви мужа: ты будешь пре«красною женой; да пошлетъ тебѣ Богъ хорошаго «витязя!»

«Не говорите мнѣ этаго, государыня моя: не съ «одною женщиною случалось, что отъ любви родили«ся бѣды...»

«Благородная дѣвица долго избѣгала любви и жила спокойнѣ... Слава о необыкновенной красотѣ ея распространилась далеко... иностранцы толпами пріѣзжали къ королю Гунтеру; но Кримгильда никого не удостоивала своей любовью. Сынъ Зиглинды (Зиґфридъ) достоинъ былъ прекрасной жены; онъ сказалъ однажды): «Я хочу избрать себѣ женою Кримгильду, благородную дѣвицу Бургундскую: красота ея необыкновенна; я слыхалъ, что эта прелестная царевна можетъ быть достойною женою самаго могущественнаго государя.»

Когда узнали объ этомъ намѣреніи Зифрида его отецъ Зигмундъ и мать Зиглинда, опечалились: они знали гордость Кримгильды, знали Гунтера и его надменныхъ вассаловъ. «Я не женюсь ни на комъ, кромѣ Кримгильды,» говорилъ Зифридъ, и его родители рѣшились наконецъ отпустить его въ Бургундію.

Онъ взялъ съ собою только 12 воиновъ; всѣ они были богато одѣты и вооружены. Наступило время отъѣзда. «Король и его супруга плакали горько. Онъ утѣшалъ ихъ нѣжными словами: «Не плачьте обо «мнѣ! не безпокойтесь на счетъ моей жизни!» Воинамъ сгрустнулось, не одна дѣвица роняла горючія слезы.»

«На седьмое утро храбрые подъѣзжали къ Ворм-су по песчаной дорогѣ. Все ихъ одѣяніе было изъ краснаго (rôteme) золота, ихъ сбруя отличная. Ихъ кони шли гордо — кони Зифридовцовъ.

«Щиты ихъ были новые, блестящіе, широкіе, ихъ шлемы — заглядѣнье! Такъ неустрашимый Зи-фридъ въѣзжалъ въ Гунтерову землю; никогда неви-дано витязей въ такихъ блистательныхъ доспѣхахъ.

«Концы мечей доходили до шпоръ; у отборныхъ витязей копья были острыя; Зифридово долгомѣрно шириной было въ двѣ пядени, удары острія его бы-ли ужасные.

«Уздечки въ рукахъ ихъ блестѣли золотомъ, чапраки были шелковые. Такъ-то пріѣхали они (въ Бургундію)! Народъ сбѣгался смотрѣть на нихъ съ удивленіемъ; многіе Гунтеровцы (der Guthêres man) выходили имъ на-встрѣчу.

«Доблестные витязи, рыцари и оруженосцы принимали какъ слѣдуетъ гостей, пріѣхавшихъ въ землю ихъ государя: взяли ихъ лошадей и щиты.

«Лошадей хотѣли вести въ конюшню; Зифридъ неустрашимый не замедлилъ сказать: оставьте при насъ нашихъ лошадей... скажите мнѣ, гдѣ я могу найти Гунтера, могущественнаго короля Бургундскаго?»

Зифридъ пріѣзжаетъ къ Гунтеру. Ни король, никто изъ его вассаловъ не знаютъ, что за витязи къ нимъ пріѣхали. Ортвинъ (Ortwîn von Metzen) Мецкій сказалъ Гунтеру: «Изъ насъ никто не знаетъ «ихъ, такъ надобно призвать сюда моего дядю Хаге- «на, пусть онъ посмотритъ на нихъ!» Тутъ является на сцену третье главное лице эпопеи—вассалъ и родственникъ Гунтера, мрачный, суровый Хагенъ (Hagene), одинъ изъ тѣхъ грозныхъ, могучихъ и лютыхъ характеровъ, какіе удивляютъ насъ своимъ грубымъ величіемъ въ преданіяхъ о воинственныхъ временахъ рыцарства. Онъ много видѣлъ, много испыталъ. Онъ рѣшитъ запутанныя дѣла своимъ совѣтомъ; его хра-

брость равняется только его преданности къ государю Гунтеру. Характеръ Гунтера шаткій, нетвердый, лукавый и слабый, одинъ изъ труднѣйшихъ характеровъ во всей эпопеѣ, и выдержанъ превосходно съ начала до конца.

Хагенъ, хотя прежде не видалъ Зифрида, однако догадался, что это онъ. Потомъ расказалъ Бургундцамъ о томъ, какъ Зифридъ овладѣлъ сокровищемъ Нибелунговъ.

«Мы должны принять королевича самымъ луч-
«шимъ образомъ, чтобъ не навлечь на себя его не-
«пріязни!» такъ говорилъ Хагенъ.

«Тогда государь сказалъ: «Пусть онъ приходитъ
«къ намъ, добро пожаловать! Онъ благороденъ и храбръ:
«я теперь въ этомъ увѣренъ; и потому онъ долженъ
«быть почитаемъ во всей Бургундіи.» И государь
Гунтеръ вышелъ на-встрѣчу къ Зифриду.

Зифридъ былъ принятъ самымъ лучшимъ образомъ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій Гунтеръ спросилъ у Зифрида о причинѣ его пріѣзда въ Вормсъ.

«Не скрою, отвѣчалъ Зифридъ; расказывали
«мнѣ, что ваши воины самые храбрые въ свѣтѣ; я
«хочу убѣдиться въ этомъ, и за тѣмъ пріѣхалъ сюда.

«Слыхалъ я также и о вашей храбрости, что «нѣтъ короля страшнѣе васъ: такъ сказывали мнѣ «вездѣ, и я хочу убѣдиться въ этомъ.

«Я тоже витязь изъ царскаго рода, и хочу, «чтобы обо мнѣ говорили, что я достоинъ быть по-«велителемъ моихъ людей и моихъ земель; ручаюсь «головой и честью!

«Такъ будьте вы хоть храбрѣе всѣхъ, а я от-«ниму у васъ ваши владѣнія, покорю ваши города и «все царство!»

Король и его придворные были оскорблены такими гордыми словами. Чуть не дошло до битвы; но братъ Гунтера, король *Гернотъ* (Gernot), «витязь умный и великодушный», рѣшился быть примирителемъ: онъ приказалъ своимъ воинамъ не горячиться. Между-тѣмъ и Зифридъ вспомнилъ о красавицѣ-дѣвицѣ. Наконецъ меньшой братъ Гунтера, молодый *Гизелеръ* (Giselher), ласковыми рѣчами совершенно успокоилъ Зифрида. Тогда гостямъ подали вино Гунтера, потомъ отвели имъ лучшія комнаты и старались доставлять всѣ удобства.

«Въ Бургундіи были рады такимъ знаменитымъ гостямъ. Зифриду оказывали такія почести, что сказать нельзя: и по-справедливости онъ достоинъ былъ почестей.»

Король и его придворные увеселяли Зифрида турнирами; но во всемъ, что ни предпринимали, Зифридъ былъ первымъ; никто не могъ равняться съ нимъ въ силахъ. Придворныя дамы спрашивали: кто этотъ могучій гость? «Онъ прекрасенъ собой! Какъ богато одѣтъ!» — Онъ *Франконскій* герой! — получали въ отвѣтъ.

«Когда витязи и мечники на широкомъ дворѣ занимались воинскими играми, часто прекрасная королевна *Кримгильда* смотрѣла на нихъ въ окошечко...

«Ахъ, если бъ онъ зналъ, что на него смотритъ владычица его сердца, какъ бы онъ обрадовался! если бъ глаза его увидѣли ее, это было бы ему пріятнѣе всего на свѣтѣ!..

«Когда-то я увижу своими глазами ту, которой давно принадлежитъ мое сердце?» такъ думалъ Зифридъ. А жилъ онъ при дворѣ Гунтера круглый годъ, не видавши прелестной Кримгильды.

Вдругъ пріѣзжаютъ къ Гунтеру послы отъ королей Саксонскаго Лидигера (Lüdiger) и Датскаго Лидегаста (Lüdegast). Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій послы объявили Гунтеру, что ихъ государи съ сильнымъ войскомъ идутъ на Вормсъ и чрезъ *двенадцать* недѣль будутъ подъ его стѣнами. Гунтеръ призадумался; созвалъ своихъ вассаловъ на совѣтъ. «Мы

«употчиваемъ ихъ нашими мечами! говорилъ Гернотъ; «пусть приходятъ, я радъ.»

«Неустрашимый Хагенъ сказалъ:... «Лидигеръ и Лидегастъ опасные соперники; мы въ такое короткое время не успѣемъ собраться съ силами; поговорите объ этомъ съ Зифридомъ!»

Но Гунтеръ не рѣшился послѣдовать совѣту Хагена, не полагаясь на дружбу Зифрида. Нидерлантскій богатырь замѣтилъ грусть своего хозяина-короля. «Я еще ни въ чемъ вамъ не отказывалъ, говорилъ онъ; я хочу помочь вамъ въ вашемъ горѣ!» Гунтеръ очень обрадовался предложенію Зифрида и расказалъ ему о посольствѣ отъ воинолюбивыхъ королей сѣвера.

«Не заботьтесь объ этомъ! воскликнулъ Зифридъ. «Успокойтесь и позвольте мнѣ предупредить вашихъ «непріятелей. Если у нихъ 30.000 войска, я пойду «на нихъ съ одной тысячей; ужъ въ этомъ положитесь на меня!.. Дайте мнѣ тысячу вашихъ вассаловъ... да пусть пойдутъ со мною Хагенъ, Ортвинъ, «Данквартъ и Синдольдъ, а неустрашимый Фолькеръ «пусть несетъ знамя...»

Когда послы союзныхъ королей воротились домой и расказали своимъ государямъ, что Зифридъ, богатырь Нидерлантскій, находится въ Вормсѣ, Ли-

дигеръ и Лидегастъ призадумались и стали увеличивать свои войска. Гунтеръ остался дома, а Зифридъ съ небольшою дружиною отборныхъ витязей Бургундскихъ перешелъ Рейнъ и вступилъ въ Саксонію. Онъ поручилъ начальство надъ войскомъ Хагену и Герноту, а самъ отправился впередъ отыскивать непріятеля. Онъ скоро встрѣтилъ 40.000 армію и въ передовомъ отрядѣ самаго Лидегаста. Два достойные соперника мещутъ другъ на друга грозные взгляды, пришпорили своихъ борзыхъ коней и полетѣли другъ на друга, какъ два быстрые вихря. Гулъ отъ ударовъ меча Зифридова несся далеко по чистому полю; съ шлема Лидегастова рѣкою лилися яркія молніи; да и Лидегастъ-герой умѣлъ наносить страшные удары! Но прежде-нежели подоспѣли къ нему на помощь его воины, уже Зифридъ побѣдилъ его: сквозь блестящій крѣпкій панцырь онъ нанесъ ему три глубокія раны, и Лидегастъ сталъ просить пощады. Тогда подоспѣли къ нему на помощь его 30 воиновъ, но Зифридъ перебилъ ихъ всѣхъ, кромѣ одного, который бѣжалъ къ своему войску и принесъ туда вѣсть о первой роковой встрѣчѣ съ непріятелемъ. Зифридъ поручилъ своего плѣнника Хагену; потомъ сказалъ Бургундцамъ: «Къ оружію! до вечера намъ «будетъ довольно работы. Если я останусь живъ, «женщины Саксонскія будутъ оплакивать многихъ «воиновъ! Витязи Рейнскіе! за мной!..»

Войско устремилося въ битву; въ облакахъ пыли сверкали широкіе щиты и острые мечи.

«Много щитовъ звенѣло отъ тяжкихъ ударовъ, много острыхъ мечей было изломано: храбрые Саксонцы защищались крѣпко.

«Бургундскіе ратники были ужасны... не одно сѣдло непріятельское обагрилось красною кровью...»

Но витязи Нидерлантскіе, слѣдовавшіе неустрашимо за своимъ славнымъ Зифридомъ, были страшнѣе Бургундовъ. Три раза Зифридъ прорывался сквозь ряды непріятельскіе; высоко подымался мечь его *Бальмункъ* (Balmunc); наконецъ Хагенъ присталъ къ нему. Фолькеръ, Ге́рнотъ, Данквартъ, Синдольдъ, Хинольдъ и Ортвинъ разносили вездѣ смерть въ рядахъ непріятельскихъ. Лидигеръ съ своей стороны удивлялъ всѣхъ своею необыкновенною силою и храбростію; но когда узналъ между своими противниками непобѣдимаго Зифрида, сына Зигмундова, приказалъ своимъ воинамъ остановить битву, и просилъ мира. Миръ заключенъ, но самъ Лидигеръ долженъ былъ отправиться въ Вормсъ заложни́комъ мира. Кромѣ того Бургундцы взяли 500 плѣнныхъ.

Въ Вормсѣ нетерпѣливѣе всѣхъ ждала вѣстей *Кримгильда*: съ нею уже сбывалось предсказаніе ея матери — прилетѣлъ уже къ ней ея ясный соколъ,

она уже любила Зифрида. Какъ только пріѣхали въ Вормсъ гонцы съ вѣстью о побѣдѣ, она тотчасъ *тайно* призвала однаго изъ нихъ къ себѣ и распрашивала у него о битвѣ, обѣщая ему богатую награду, чтобы только расказалъ ей всю правду. Вѣстникъ расказывалъ Кримгильдѣ о подвигахъ разныхъ героевъ; но всѣ они были ничто въ сравненіи съ Зифридомъ: *это было Кримгильдѣ пріятнѣе всего на свѣтѣ.*

«Ея прекрасное лице, нарумяненное любовью, стало какъ роза. Она радовалась, что Зифридъ, герой достойный ея любви, такъ счастливо вышелъ изъ опасности...

«Не одна дѣвица-красавица сидѣла у окошечка и смотрѣла на дорогу, по которой побѣдители возвращались домой.»

Гунтеръ встрѣтилъ ихъ съ радостію, наградилъ ихъ щедро, а съ побѣжденными поступилъ великодушно: всѣмъ далъ свободу. Всѣхъ угощали виномъ и сладкимъ медомъ; весело тогда было въ Вормсѣ!

Зифридъ хотѣлъ уѣхать изъ Бургундіи, но Гунтеръ убѣдительно просилъ его остаться, и Зифридъ остался: ему хотѣлось видѣть прелестную Кримгильду. И въ самомъ дѣлѣ онъ наконецъ ее увидѣлъ!

Въ Троицынъ день при дворѣ Гунтера назначенъ былъ праздникъ и турниръ; болѣе 5000 гостей собралося въ Вормсѣ.

«Между-тѣмъ государь (Гунтеръ) размышлялъ... о любви короля Нидерлантскаго къ Кримгильдѣ...

«Витязь Ортвинъ сказалъ королю Гунтеру: «Если «хотите, чтобъ этотъ праздникъ былъ вполнѣ бли-«стателенъ, пускай явится передъ вашими знамениты-«ми гостями очаровательная красавица Бургундская:

«Что радуетъ человѣка? что дѣлаетъ его сча-«стливымъ? Присутствіе милыхъ дѣвицъ и дамъ...»

«Охотно исполню твой совѣтъ,» сказалъ король. Каждый, кто слышалъ объ этомъ, радовался какъ нельзя больше... нѣкоторые даже готовы бъ были скорѣе отказаться отъ царства, нежели отъ радости видѣть *ее»* (Кримгильду).

Вотъ наконецъ приходитъ въ собраніе королева Ута, окруженная великолѣпною свитою, и съ нею Кримгильда. Весело взволновалися гости...

«Вотъ приближается *она*—неописанная прелесть, свѣжа какъ утренняя роза... Какъ легко теперь на душѣ того, кто такъ долго носилъ *ее* въ своемъ сердцѣ! онъ видитъ *ее* блистательную, онъ пораженъ ея

прелестями. Сколько дорогихъ камней сіяютъ въ ея великолѣпномъ нарядѣ! но блескъ ихъ ничто передъ блескомъ красоты ея. Можно ли желать еще чего-нибудь лучшаго? Зифридъ убѣдился, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ подобной красавицы. Какъ свѣтлый мѣсяцъ, серебрящій облака, превосходитъ всѣ звѣзды своимъ сіяніемъ, такъ Кримгильда превосходитъ красотою всѣхъ своихъ подругъ...»

«Зифридъ чувствовалъ и страданіе и удовольствіе. Онъ думалъ: «Что будетъ изъ того, что я люблю «тебя?.. но мнѣ лучше умереть, нежели не быть съ «тобою!..» Онъ блѣднѣлъ и краснѣлъ.»

А окружающіе, глядя на Зифрида, говорили: «Никогда невидано такаго прекраснаго витязя!» По совѣту Гернота Гунтеръ подводитъ Зифрида къ сестрѣ своей. Что почувствовалъ тогда Зифридъ!

«Вспыхнула Кримгильда, когда увидѣла Зифрида такъ близко отъ себя. «Здравствуйте, любезный госу«дарь и благородный рыцарь!» сказала прелестная. Эти слова наполнили его сердце пламенемъ страсти.

«Онъ вѣжливо поклонился ей, прося ее быть къ нему благосклонною, и вотъ ими обоими овладѣло страстное томленіе любви! ихъ взоры встрѣчались такъ сладостно!..

«Ни восхитительные майскіе дни, ни наступленіе лѣта, ничто никогда не наполняло сердца Зифридова такою неописанною радостію, какую онъ чувствовалъ, когда держалъ въ своей рукѣ *ея* ручку.

«Многіе витязи думали, глядя на него: «Ахъ, «еслибъ мнѣ быть на его мѣстѣ—вести ее подъ ручку, «или хоть лежать у ногъ ея!»

Взоры всѣхъ были обращены на любящуюся чету. Кримгильда пошла въ церковь. Зифридъ съ нетерпѣніемъ ждалъ конца обѣдни, чтобы имѣть удовольствіе провожать свою даму изъ церкви во дворецъ. Идя вмѣстѣ съ нею, онъ имѣлъ случай высказать ей въ немногихъ словахъ всю силу своего чувства: «Вся жизнь моя будетъ посвящена одной вамъ!»

Двенадцать дней они были неразлучны, и дворецъ Гунтера блисталъ торжественнымъ веселіемъ, весь Вормсъ былъ наполненъ шумною радостію. Ортвинъ и Хагенъ особенно отличались. Гунтеръ, по совѣту Гернота, щедро наградилъ воиновъ, участвовавшихъ въ походѣ и одарилъ всѣхъ гостей, а съ королями, своими плѣнниками, заключилъ вѣчный миръ. Лидигеръ и Лидегастъ предлагали Гунтеру столько серебра, сколько могутъ поднять 500 лошадей; но Зифридъ совѣтовалъ Гунтеру не брать съ нихъ ни копѣйки. Гунтеръ послушался этаго совѣта, и плѣнные короли отправились домой, благословляя

великодушіе побѣдителя. Разъѣхались и всѣ гости, бывшіе на турнирѣ, но Зифридъ остался въ Вормсѣ: онъ былъ плѣненъ Кримгильдой.

Скоро представился ему случай оказать Гунтеру важную услугу. Молва о прелестяхъ Исландской Царь-дѣвицы *Брингильды* (Brünnhilde *) воспламенила Гунтера; онъ рѣшился или умереть, или жениться на ней. Зифридъ зналъ, что не легко жениться на Царь-дѣвицѣ и совѣтовалъ королю Бургундскому отказаться отъ этой мысли. Хагенъ также зналъ, какъ трудно жениться на Брингильдѣ, и совѣтовалъ своему королю просить помощи Зифрида.

«Гунтеръ сказалъ: «Зифридъ мой любезный! по-«моги мнѣ сосватать эту красавицу... я тебѣ въ бла-«годарность за это готовъ жертвовать жизнію и че-«стію.»

«Зифридъ Зигмунтовичь сказалъ въ отвѣтъ: «Пусть «будетъ, какъ ты хочешь! Когда ты выдашь за меня «сестру свою, прекрасную Кримгильду, не надобно «мнѣ другаго вознагражденія.»

Гунтеръ далъ клятву исполнить это желаніе Зифрида; потомъ стали разсуждать о самомъ путешествіи. Гунтеръ хотѣлъ взять съ собою 30.000 воиновъ. «Они всѣ могутъ погибнуть», возразилъ Зи-

* Это слово значитъ: броненосная.

фридъ, и совѣтовалъ ѣхать въ-четверомъ: взять съ собой только Хагена и Данкварта. Потомъ онъ сказалъ королю, что, отправляясь въ Исландію, надобно взять самое лучшее платье; а Хагенъ совѣтовалъ просить не Уту, а Кримгильду объ устройствѣ ихъ блистательнаго гардероба. Гунтеръ и Зифридъ были сами у Кримгильды и разговаривали съ нею долго; имъ было пріятно разговаривать съ нею: «Зифридъ носилъ ее въ своемъ сердцѣ; *она* любила его какъ жизнь! они часто мѣнялись взорами, одушевленными восторженною любовью.» Предѣлы статьи не позволяютъ выписать вполнѣ эту сцену, въ которой драматическій талантъ автора выражается во всей красотѣ; у него все естественно, кстати, безъ затѣй и мило. Авторъ любитъ драматическую форму; онъ нигдѣ не распространяется въ описаніяхъ; живописуетъ въ немногихъ словахъ, но яркими красками. Драматическая форма изложенія придаетъ поэмѣ особенную живость и занимательность. Но возвратимся къ содержанію самой поэмы.

Платья для четырехъ искателей приключеній были приготовлены со вкусомъ и великолѣпіемъ. Ладья уже колыхалась на волнахъ Рейна, и друзья-короли пришли къ Кримгильдѣ проститься съ нею.

«Я думаю, что ихъ сердца предчувствовали будущее: они всѣ плакали, плакали неутѣшно; золо-

той поясъ Кримгильды весь былъ смоченъ ея горючими слезами.»

Она сначала уговаривала брата не ѣхать; потомъ просила Зифрида, чтобы онъ берегъ ея брата. Когда четыре героя отчалили отъ берега, дамы и дѣвицы изъ высокихъ оконъ своихъ бѣлокаменныхъ палатъ долго провожали ихъ влажными взорами. Зифридъ правилъ рулемъ, Гунтеръ сидѣлъ въ веслахъ, парусъ вѣялъ, ладья летѣла быстро по теченію Рейна, потомъ и по гладкимъ водамъ свѣтлаго моря. На 12-й день путники уже прибыли въ Изенштейнъ, столицу Брингильды, знакомую только одному Зифриду. Онъ расказывалъ своимъ товарищамъ о могуществѣ Царь-дѣвицы и совѣтовалъ имъ быть осторожными, а самъ рѣшился назваться на этотъ случай вассаломъ Гунтера. Въ такихъ разговорахъ они причалили къ берегу, и вотъ они въ царствѣ чудесъ, на концѣ свѣта!

«Не столько для тебя, какъ для твоей сестры «я жертвую собою: я люблю ее какъ жизнь, какъ «мою душу...» Такъ говорилъ Зифридъ, выходя на берегъ.

Преданіе о Царь-дѣвицѣ Брингильдѣ было распространено по всей Европѣ Германской и Славянской. Чудная Царь-дѣвица служитъ основаніемъ многихъ легендъ, сохранившихся въ Эддѣ и въ народ-

ныхъ сказкахъ. Эти легенды, также какъ и преданія о Сигурдѣ или Зифридѣ, находятся въ связи съ миѳами объ Оденѣ, что доказываетъ ихъ древность и объясняетъ ихъ общеизвѣстность. Царь-дѣвица, земная *валькирія*, прелестная и страшная своею силою, знала любимца Одинова Зифрида прежде его пріѣзда съ Гунтеромъ и любила его; но Зифридъ не на ней хотѣлъ жениться!

«Въ то время (какъ они разговаривали) ихъ ладья подъѣхала къ замку (Изенштейну) такъ близко, что король (Гунтеръ) увидѣлъ много прекрасныхъ дѣвицъ, которыя стояли у оконъ. Ему было досадно, что онъ ихъ не знаетъ.

«Онъ спросилъ у Зифрида, своего товарища: «Знаешь ли ты этихъ дѣвицъ, которыя оттуда сверху «смотрятъ на насъ? Кто бы ни была ихъ царица, «онѣ очень величавы!»

«Тогда сказалъ государь Зифридъ: «Ну, всмо«трися въ этихъ дѣвицъ и потомъ скажи мнѣ, кото«рую бы ты взялъ за себя, если бы могъ?»—Хорошо! сказалъ Гунтеръ, отважный и рѣшительный рыцарь.

«Я вижу одну въ томъ окнѣ, стоитъ она въ «бѣлоснѣжной одеждѣ: какъ она мила! ее избрали «глаза мои предметомъ любви. На ней бы я женил«ся, если бы могъ.»

«Ты выбралъ точно лучшую. Это знаменитая «Брингильда, красавица-дѣвица, къ которой стремит-«ся твое сердце, отвага и воля.» Всѣ ея движенія плѣняли Гунтера.

«Королева приказала своимъ прекраснымъ дѣвицамъ отойти отъ оконъ: «Не должно такъ стоять да смотрѣть на чужихъ.» Онѣ тотчасъ послушались; но знаю я, чѣмъ занялись тогда всѣ эти дамы!..

«Вооруженіе обоихъ героевъ было совершенно сходно: и бѣлоснѣжные кони, и платье, и отличной работы щиты, блиставшіе на рукахъ величавыхъ витязей.

«Ихъ сѣдла были усыпаны дорогими каменьями, вся сбруя сіяла золотомъ. Они величественно подъѣзжали къ дому Брингильды... которая ихъ пристально разсматривала.

«Вмѣстѣ съ ними были Данквартъ и Хагенъ. Слыхали мы, какъ эти два витязя были одѣты въ богатое платье, черное какъ вороново крыло. Щиты ихъ были новые, широкіе, крѣпкіе, хорошіе...

«(Въ замкѣ) увидѣли они 68 башенъ, три большихъ терема и великолѣпную палату, построенную всю изъ дорогаго мрамора, зеленаго какъ трава: тамъ-то была сама Брингильда съ Дворомъ своимъ.

«Ворота замка были отперты, широко растворены. Люди Брингильды выбѣжали на-встрѣчу и приняли гостей, (пріѣхавшихъ) въ землю ихъ государыни. Взяли ихъ лошадей и щиты.

«Тогда одинъ камергеръ (kameraere) сказалъ: «Отдайте намъ мечи и блестящія латы!» — Этому не-«бывать! сказалъ Хагенъ фонъ Тронье: мы сами бу-«демъ носить ихъ.—Тогда Зифридъ началъ объяснять обычай гостепріимства (соблюдаемый въ замкѣ Брингильды).

«Въ этомъ замкѣ, надобно сказать вамъ, никто «изъ гостей не ходитъ съ оружіемъ. Такъ пусть «возьмутъ и ваше; это будетъ хорошо.» Неохотно послушался Хагенъ, Гунтеровъ витязь.

Гостей приняли почтительно и подчивали винами; одинъ изъ придворныхъ доноситъ Брингильдѣ о пріѣхавшихъ иностранцахъ:

«Одинъ изъ нихъ походитъ на Зифрида. Его «должно принять хорошо: таковъ, государыня, мой «совѣтъ. Другой... вѣрно царь обширныхъ земель... «видъ у него такой величественный... Третій высокъ «ростомъ, но мраченъ лицомъ; по сверкающимъ взо-«рамъ его видно, что онъ ужасно суровъ и гордъ. «Самый младшій изъ нихъ любезенъ и милъ... какъ

«прекрасная дѣвица... но видно, что онъ знатокъ «рыцарскаго дѣла!»

«Тогда королева сказала: «Ну, принесите мнѣ «мое платье! и если могучій Зифридъ пришелъ въ «мою землю искать моей любви, не сносить ему «своей головы: я еще не такъ боюсь его, чтобъ ста-«ла его женою.»

Болѣе ста дѣвицъ и слишкомъ 500 мечниковъ окружали Брингильду.

«Когда королева увидѣла Зифрида, ласково привѣтствовала она гостя: «Добро пожаловать, государь «Зифридъ!.. Хотѣлось бы мнѣ знать, что означаетъ «вашъ пріѣздъ?»

«Много мнѣ отъ васъ милости, государыня «Брингильда, что вы привѣтствуете меня, прелестная «царевна, прежде этаго знаменитаго витязя: онъ мой «государь, и я охотно уступаю ему честь вашего при-«вѣта.

«Онъ Рейнскій король. Что еще сказать вамъ? «Мы пріѣхали сюда искать твоей любви: онъ хочетъ «любви (minnen) твоей, во что бы то ни стало!.. Гун-«теромъ называется могущественный государь. Когда «пріобрѣтетъ твою любовь, ничего не останется ему «желать...»

«Она (Брингильда) сказала: «Такъ онъ твой государь, а ты его вассалъ? Хочетъ ли онъ состязаться «со мною въ играхъ? Если онъ превзойдетъ меня, я «буду его женою, если жъ я выиграю, вы всѣ должны проститься съ жизнію!»

«Тогда заговорилъ Хагенъ фонъ Тронейе (Hagene von Troneje): «Государыня, позвольте намъ видѣть ваши могучія игры! и если вы побѣдите моего государя Гунтера, то борьба будетъ жестокая: «онъ вѣрно найдется, какъ пріобрѣсти такую прекрасную королеву.»

«Онъ долженъ бросить камень и скочить въ «слѣдъ за нимъ, а со мной переломить копье. Не «спѣшите: вы можете тутъ потерять и честь и «жизнь; подумайте объ этомъ хорошенько!» Такъ говорила очаровательная дѣвица. Проворный Зифридъ подошелъ къ королю и потихоньку просилъ его согласиться на всѣ предложенія королевы: «Не бойся! я тебѣ помогу своей хитростью.»

«Тогда сказалъ король Гунтеръ: «Величественная «королева, я готовъ исполнить ваше требованіе; «если бъ нужно было, я готовъ бы рѣшиться и на «большее, чтобъ только обладать вами, прекрасная!..»

Тотчасъ же занялись приготовленіями къ играмъ. Брингильда надѣла золотой панцырь сверхъ шелко-

вой кольчуги, которой нельзя пробить никакимъ оружіемъ. Зифридъ сбѣгалъ въ ладью, взялъ тамъ свою *шапку-невидимку* и невидимкой явился на мѣстѣ состязанія, гдѣ 700 вооруженныхъ судей уже ждали начала игры. Вотъ пришла и прекрасная Брингильда въ полномъ вооруженіи, какъ будто хотѣла покорять царства. Четыре человѣка съ трудомъ принесли ей щитъ, которымъ она владѣла съ необыкновенною легкостью. Три сильныхъ камергера съ трудомъ могли нести ея долгомѣрное копье. Хагенъ пе могъ удержаться, чтобъ не выразить своего удивленія и опасенія. Гунтеръ уже раскаевался, что пустился на такое отчаянное предпріятіе. Данквартъ и Хагенъ, разговаривая межъ собой, досадовали, что съ ними нѣтъ ихъ оружія и они могутъ погибнуть беззащитными.

«Знаменитая дѣвица слышала все, что говорили витязи; съ презрительной улыбкой она имъ сказала: «Онъ (Хагенъ) считаетъ себя храбрецомъ! принесите ему его доспѣхи, отдайте витязямъ ихъ «острое оружіе!»

«Когда они получили мечи, по приказанію Царь-дѣвицы, неустрашимый Данквартъ покраснѣлъ отъ радости. «Ну, теперь играйте, какъ угодно! сказалъ отважный рыцарь: Гунтеръ безопасенъ, когда мы вооружены.»

«Сила Брингильды (Brünhilde) оказалась ужасною. Принесли на арену (ring) тяжелый камень, огромный, безобразный, длинный и толстый: двенадцать лучшихъ витязей съ трудомъ могли его двигать.

...«Ахъ, сказалъ Хагенъ; какую невѣсту вы-«бралъ себѣ нашъ король: она годилась бы въ невѣ-«сты злому чорту въ аду!»

«На свои бѣлѣйшія ручки привязала она наручники, взяла свой щитъ и долгомѣрное копье...

«Если бъ Зифридъ не подоспѣлъ на помощь, она отняла бы у Гунтера жизнь. Онъ (Зифридъ) пришелъ невидимкой... и сказалъ королю: «Отдай мнѣ «твой щит : я буду дѣйствовать вмѣсто тебя, а бу-«дутъ видны только твои движенія...»

«Какъ ударила знаменитая дѣва копьемъ своимъ въ щитъ новый, крѣпкій и широкій, который держалъ на рукѣ сынъ Зиглинды, огонь полился изъ стали...

«Ратовье страшнаго копья пробило щитъ, съ броней посыпались яркія молніи. Ударъ опрокинулъ обоихъ богатырей; и если бъ не шапка-невидимка, быть бы имъ мертвыми.

«У Зифрида неустрашимаго изо рта хлынула кровь. Проворно вскочилъ онъ. Какъ взялъ добрый молодецъ то копье, которымъ пробитъ былъ его щитъ, да пустилъ его могучею рукою назадъ:

«Крѣпкая броня облилася огнемъ... Брингильда не могла устоять противъ силы удара. Король Гунтеръ никогда бы не сдѣлалъ этаго!

«Прелестная Брингильда проворно вскочила: «Славный рыцарь Гунтеръ, благодарю за ударъ!» Она думала, что онъ нанесъ ей ударъ своей силою; нѣтъ, она была побѣждена воиномъ гораздо сильнѣйшимъ.

«Вотъ идетъ она, сверкая гнѣвомъ; безъ труда знаменитая дѣвица подняла камень высоко и кинула его могучей рукою далеко. Потомъ прыгнула въ слѣдъ за камнемъ, громко звукнули на ней доспѣхи.

«Камень упалъ за двенадцать сажень; однимъ прыжкомъ дѣвица доскочила до него. Быстрый Зифридъ пошелъ туда, гдѣ лежалъ камень: Гунтеръ взялъ камень, а богатырь бросилъ его.

«Зифридъ былъ могучь и великъ (lanc): камень бросилъ онъ дальше (Брингильды), прыжокъ онъ сдѣлалъ больше. Онъ имѣлъ столько силы, что могъ прыгать, неся на себѣ Гунтера.

Брингильда побѣждена. Своимъ вассаламъ она сказала: «Всѣ вы должны повиноваться теперь королю Гунтеру!» Хагенъ и Данквартъ чрезвычайно радовались такому окончанію дѣла. Всѣ зрители пошли во дворецъ пировать. Зифридъ между-тѣмъ снесъ свою шапку-невидимку въ лодку, потомъ приходитъ въ залу Брингильды и говоритъ Гунтеру: «Чего вы ждете, государь? когда же вы начнете игры?» Брингильда удивилась, слыша эти слова; но Хагенъ объяснилъ ей, что Зифридъ во время состязанія былъ въ ладьѣ и потому не знаетъ о торжествѣ Рейнскаго короля.

«Очень радъ! сказалъ витязь Зифридъ, что на-«шелся человѣкъ, который можетъ быть вашимъ «мужемъ. Теперь вы, знаменитая дѣвица, должны «слѣдовать за нами на берега Рейна!»

Тогда Брингильда приказала всѣмъ своимъ вассаламъ собраться въ Изенштейнъ, чтобъ проститься съ нею. Многочисленность собиравшихся воиновъ возбуждала недовѣрчивость мрачнаго Хагена. Чтобы успокоить своихъ товарищей, Зифридъ рѣшился привести въ замокъ Брингильды тысячу своихъ храбрыхъ воиновъ. Гунтеръ долженъ былъ сказать королевѣ, что онъ послалъ Зифрида. Нидерлантскій герой надѣлъ свою шапку-невидимку и пошелъ на песчаный берегъ, сѣлъ въ ладью и пустился по синему морю. Судно летѣло быстро, какъ бы на крыльяхъ

вѣтра; никого не видно было, кто правитъ судномъ, кто гонитъ его по зыбкимъ волнамъ, а правилъ имъ сильномогучій сынъ Зиглинды!

Зифридъ въ одни сутки проѣхалъ больше ста миль и вышелъ на берегъ въ странѣ Нибелунговъ, гдѣ хранились его несмѣтныя сокровища. Онъ хотѣлъ испытать своихъ людей и притворился странствующимъ рыцаремъ. Великанъ, охранявшій замокъ, храбро сражался съ Зифридомъ, разбилъ его щитъ и пробилъ латы; Зифридъ былъ доволенъ своимъ великаномъ, побѣдилъ и связалъ его; потомъ также побѣдилъ и связалъ Альбриха. Наконецъ онъ открылся имъ, развязалъ ихъ и послалъ Альбриха созвать къ нему ратниковъ Нибелунгскихъ. Послѣ веселаго пира Зифридъ отобралъ 1000 лучшихъ воиновъ, одѣтыхъ великолѣпно, и на другой день пустился къ царству Брингильды. Что за прекрасное войско увидѣла тогда Царь-дѣвица! «Кто это такіе плывутъ тамъ по «морю? Паруса ихъ бѣлѣе снѣга». — Это мои вассалы, — отвѣчалъ Гунтеръ Брингильдѣ. Зифридъ и его дружина были приняты самымъ лучшимъ образомъ.

Братъ Хагена, Данквартъ, по порученію Брингильды, щедрою рукою раздарилъ много богатствъ ея гостямъ. Потомъ стали собираться въ дорогу. Брингильда взяла съ собой богатое приданое и свиту, состоявшую изъ 2,000 воиновъ, 86 дамъ и сотни дѣвицъ; а управленіе государствомъ поручила своему

дядѣ. 1.000 Нибелунговъ также приготовились къ путешествію въ Бургундію. Наконецъ Царь-дѣвица оставила свой родный островъ, и навсегда, навсегда!

Послѣ девяти дней пути, Хагенъ сталъ говорить Гунтеру, что надобно бы послать въ Бургундію кого-нибудь съ вѣстью о ихъ торжественномъ возвращеніи. «Правда, отвѣчалъ Гунтеръ Хагену: поѣзжай ты въ мою землю!..» — Я худой посолъ — возразилъ Хагенъ, и совѣтовалъ королю просить Зифрида отправиться съ вѣстями въ Вормсъ. Никогда не бывало лучшаго посланника! Гунтеръ просилъ Зифрида ради любви его къ Кримгильдѣ, и Зифридъ согласился: «Какъ не спѣшить мнѣ увидѣть обладательницу мое-«го сердца? говорилъ Зифридъ; ради ея повинуюсь «вамъ.» Гунтеръ сказалъ Зифриду, что онъ долженъ говорить королевѣ Утѣ и королевнѣ-*чуду красоты* и племяннику короля Ортвину, чтобы они всѣ знали о торжествѣ Гунтера и приготовились бы достойно принять его новобрачную.

Вотъ Зифридъ съ двадцатью четырьмя рыцарями пріѣзжаетъ въ Вормсъ. «Какъ! безъ короля?» говорили всѣ съ горестію. Гернотъ и Гизелеръ выбѣжали къ нему на-встрѣчу съ распросами о любезномъ братѣ: гдѣ онъ? живъ ли? Зифридъ успокоилъ ихъ, и проворный Гизелеръ тотчасъ поспѣшилъ къ своей сестрѣ и къ матери, сказать имъ, что Зифридъ хочетъ ихъ видѣть. Увидѣвши Зифрида, Кримгильда

сказала ему ласково: «Здравствуйте, государь Зиф-«ридъ, знаменитый витязь! Гдѣ государь мой братъ, «могущественный король?»... Зифридъ обрадовалъ Кримгильду и Уту вѣстями о Гунтерѣ. Кримгильда просила его сѣсть возлѣ нея; ея щечки пылали румянцемъ любви; «ахъ, если бъ она могла поцаловать его, какъ бы это было ей пріятно!»

Придворные Гунтера занялись приготовленіями къ принятію царственной четы. Кримгильда выѣхала верхомъ на-встрѣчу своей невѣсткѣ. Восемдесятъ шесть дамъ и больше пятидесяти дѣвицъ Бургундскихъ провожали ее; всѣ онѣ были прелестны, одѣты со вкусомъ и великолѣпно. Многочисленныя толпы храбрыхъ воиновъ провожали Кримгильду въ лучшихъ доспѣхахъ своихъ, на статныхъ коняхъ. Зифридъ провожалъ Кримгильду, Ортвинъ Уту.

Гунтеръ и Брингильда и ихъ свита вышли на берегъ. Скромная Кримгильда первая привѣтствовала свою невѣстку Брингильду ласковыми словами; послѣ того всѣ дамы начали обниматься и цаловаться. Добрый часъ продолжались привѣтствія. Кримгильда съ Брингильдой были неразлучны, и многіе воины любовались, глядя на нихъ.

«Каждый, кто могъ видѣть милую королевну, хвалилъ прелестную невѣсту Гунтера; но какъ ни

была она восхитительна, а люди умные, видѣвшіе свѣтъ, предпочитали ей Кримгильду.

Для дамъ на берегу были раскинуты шелковыя палатки, и онѣ оттуда смотрѣли на турниръ. Послѣ турнира кавалеры окружили дамъ и весело провели время до вечера.

«Наступилъ вечеръ; воздухъ былъ чистъ, солнце садилось; мужчины и дамы отправились къ замку; жаркіе взоры воиновъ разговаривали съ дамами на сладкомъ языкѣ любви.

Въ замкѣ уже готовъ былъ пиръ на весь міръ. За столомъ возлѣ Гунтера сидѣла прекрасная Брингильда въ коронѣ. Зифридъ напомнилъ Гунтеру о его обѣщаніи, и Гунтеръ не откладывалъ болѣе:

«Любезная сестрица! сказалъ онъ Кримгильдѣ... «я обѣщалъ выдать тебя за этаго витязя; если ты «выйдешь за него, исполнишь мое желаніе...»

«Блистательная дѣвица отвѣчала на это: «Лю«безнѣйшій братецъ! нѣтъ нужды вамъ просить меня: «приказывайте только, я готова вамъ повиноваться и «быть женою избраннаго вами.»

Она бросила сладостный взглядъ на Зифрида. Могъ ли онъ быть когда-нибудь счастливѣе, блажен-

нѣе? Вѣнчальный обрядъ совершенъ, и дворъ раздѣлился на двѣ половины: одни окружали Зифрида, который сидѣлъ съ Кримгильдою, другіе Гунтера съ Брингильдою. Первую чету можно назвать образцовою: женихъ — самый возвышенный идеалъ мущины, невѣста — самый чистый идеалъ женщины. Брингильда, нѣкогда любившая Зифрида, съ завистью смотрѣла на свою счастливую соперницу; наконецъ не могла долѣе скрывать свои чувства и залилась слезами!

«И Рейнскій король, удивленъ, изумленъ,
Спросилъ у невѣсты своей:
«Что съ вами? зачѣмъ взоръ свѣтлыхъ очей
«Потоками слезъ омраченъ?»...

«По твоей сестрѣ я плачу;
«Больно сердцу моему,
«Что она выходитъ за-мужъ
«За вассала твоего...»

Напрасно Гунтеръ старался убѣдить Брингильду, что Зифридъ — могущественный король: невѣста весь вечеръ была грустна и угрюма.

Вотъ наконецъ новобрачные удаляются въ свои покои... Кто можетъ описать восторгъ Зифрида? Но

«Послушайте, что я вамъ раскажу о Брингильдѣ и о королѣ Гунтерѣ!

«Счастливъ я: достигъ желанной цѣли!» Думалъ Гунтеръ, восхищаясь сю.
Но онъ встрѣтилъ не любовь, а злобу; онъ услышалъ горькіе упреки:
«Витязь, прочь! и помни мое слово: не хочу я быть твоей женою,
«Если ты не откроешь тайны о Зифридѣ, Зигмунтовомъ сынѣ!»

Гунтеръ настаивалъ; Брингильда связала его своимъ поясомъ и повѣсила на крюкъ: «Вотъ, теперь не будешь нарушать мой сладкій сонъ!» сказала Брингильда. Напрасны были всѣ мольбы Гунтера, всѣ обѣщанія его оставить ее въ покоѣ: несчастный женихъ первую ночь брака до самаго утра висѣлъ на крюку. Только утромъ могучая Брингильда развязала его; но онъ уже не смѣлъ приближаться къ своей прелестной. На другой день какъ онъ ни старался казаться веселымъ, грустная дума туманила взоръ его.

На другой день Гунтеръ и Брингильда, Зифридъ и Кримгильда были въ соборѣ у обѣдни. Въ честь новобрачныхъ шесть сотъ пажей вдругъ посвящены тогда въ рыцари. Дамы изъ оконъ любовались турниромъ; все дышало весельемъ, только Гунтера ничто не радовало. Зифридъ замѣтилъ это, и Гунтеръ расказалъ ему про свое горе. Могучій Зифридъ сказалъ:

«Хочешь, Гунтеръ, я смирю Брингильду
«И заставлю быть твоей женою?»
Стало легче Гунтеру на сердцѣ,
Какъ услышалъ эту рѣчь Зифрида.
«Да, различны были наши ночи!
«О, сестра твоя Кримгильда, вѣрь мнѣ,
«Для меня дороже самой жизни.
«Будь увѣренъ: я смирю Брингильду,
«Въ эту жъ ночь ты станешь ея мужемъ!
«Невидимкой я войду къ вамъ...
«Безъ причины вдругъ погаснутъ свѣчи:
«Значитъ—я тутъ, вѣрный твой помощникъ.»

Зифридъ далъ Гунтеру слово, что не воспользуется своею побѣдой надъ Брингильдой, и Бургундскій король повѣрилъ ему: онъ видѣлъ, какъ Нидерлантскій герой любитъ сестру его, прелестную Кримгильду.

Цѣлый день прошелъ въ пированьѣ; а Гунтеру этотъ день показался длиннѣе мѣсяца: онъ все думалъ о Зифридовомъ обѣщаніи. Наступила ночь. Государь Зифридъ сидѣлъ беззаботно близъ своей прекрасной жены; бѣлыми руками она жала его богатырскія руки, вдругъ — онъ исчезъ! Она еще говорила съ нимъ, а ужъ его нестало! Пораженная этимъ, Кримгильда говорила:

«Гдѣ Зифридъ мой? Что за чудо? гдѣ онъ?»...
Безъ причины вдругъ погасли свѣчи;
Догадался Гунтеръ, что то значитъ.

Говоритъ онъ слугамъ: «удалитесь!»
И замкомъ онъ запираетъ двери.

Зифридъ исполнилъ свое обѣщаніе. Брингильда сказала тогда своему мужу: «Оставь мнѣ жизнь! за-«будь, что я сдѣлала съ тобою! Никогда больше не «буду противиться твоей благородной любви.»

«Зифридъ оставилъ ихъ и ушелъ. Но онъ ловко снялъ съ пальца королевы золотый перстень, такъ-что она того и не замѣтила.

«Онъ также взялъ и ея поясъ... и подарилъ потомъ перстень и поясъ своей женѣ. Сдѣлалъ ли онъ это изъ тщеславія? не знаю; но послѣ онъ очень жалѣлъ объ этомъ!

Между-тѣмъ что сталось съ Брингильдой? какъ она перемѣнилась! «Вотъ она какъ и всякая слабая женщина»... въ объятіяхъ Гунтера, осыпаемая его поцалуями!

Зифридъ воротился къ своей Кримгильдѣ. Долго не сказывалъ онъ ей о томъ, гдѣ былъ; долго молчалъ онъ, наконецъ отдалъ ей перстень и поясъ... и горе ему, горе и многимъ другимъ!

Послѣ того двѣ недѣли продолжалось пированье въ Вормсѣ; двѣ недѣли короли осыпали своихъ гостей и вассаловъ дорогими подарками, пока не кончился пиръ и не разъѣхались гости.

«Сынъ Зигмунда сказалъ своимъ людямъ: «Станемъ и мы собираться въ дорогу домой!» Его молодая жена, узнавши объ этомъ, обрадовалась.

Бургундскіе короли пришли къ Зифриду и предлагали ему ту часть Бургундіи, которая приходилась на долю Кримгильды; но Зифридъ не принялъ ничего. Кримгильда, слушая его отказъ, сказала: «Возьми по «крайней мѣрѣ ратниковъ Бургундскихъ: они не такіе «ничтожные воины, чтобы нестоило взять ихъ для «свиты!» Зифридъ согласился взять 1000; охотниковъ служить у Кримгильды было много; но Хагенъ и Ортвинъ не согласились ѣхать съ нею. Родственники далеко провожали новобрачныхъ; къ Зигмунду и Зиглиндѣ посланы вѣстники; могли ль они принести имъ вѣсть болѣе радостную? Зиглинда выѣхала на день пути на-встрѣчу своей невѣсткѣ. Наконецъ всѣ пріѣхали въ Сантенъ, столицу Зигмунда. Славно пировали на берегахъ Рейна: но пиры Сантенскіе были превосходнѣе!

Зигмундъ короновалъ своего сына, и Зифридъ началъ царствовать со славою; а его прекрасная жена родила ему сына. Дитя назвали Гунтеромъ, въ честь

его дяди. Скоро послѣ того умерла королева Зиглинда, и въ Сантенъ пришла вѣсть, что Брингильда родила сына, котораго назвали Зифридомъ, въ честь его дяди.

Тогда вездѣ только и говорили о могуществѣ славнаго короля Зифрида, о храбрыхъ дружинахъ его, о владѣніяхъ обширныхъ и богатствахъ несмѣтныхъ. И точно: никогда не бывало витязя, который бы могъ съ нимъ сравниться.

«Между-тѣмъ жена Гунтера все думала: «Кримгильдѣ не-чѣмъ гордиться: ея любезный Зифридъ — «небольше какъ нашъ *вассалъ*!»

Досадно ей было, что Зифридъ не изъявляетъ ея мужу вассальной покорности; хотѣлось ей узнать, что бы это значило? Для этаго она рѣшилась видѣть еще разъ Кримгильду. Но какъ увидѣть ее? Гунтеръ сказалъ: «Это невозможно! они живутъ очень далеко «отъ насъ; я не смѣю ихъ звать сюда!» Гордо возразила на это Брингильда: «Какъ бы далеко ни жилъ «и какъ бы гордъ ни былъ вассалъ короля, а не дол«женъ онъ ослушаться государева приказа!» Слыша это, Гунтеръ расхохотался; однакожъ не открылъ своей женѣ тайны о Зифридѣ. Тогда Брингильда стала плакать и убѣдительнѣйше умолять Гунтера, чтобы онъ доставилъ ей свиданіе съ Зифридомъ и Кримгильдой, и просила такъ долго и такъ неот-

ступно, что король наконецъ сказалъ: «Они будутъ «для меня самые пріятные гости!» Посланы въ Сантенъ послы просить Кримгильду и Зифрида, чтобы пріѣхали въ Вормсъ. Ута, Брингильда и всѣ дамы послали вмѣстѣ съ тѣмъ свои привѣты придворнымъ Кримгильды.

Три недѣли ѣхали послы, пока не прибыли въ замокъ Нибелунгскій: они нашли Зифрида на границѣ Норвежской. Когда сказали Зифриду и Кримгильдѣ, что на дворъ къ нимъ въѣзжаютъ всадники, одѣтые по-Бургундски, Кримгильда съ радостью подбѣжала къ окошку: «Смотри, Зифридъ! Какой величественный видъ! Пріѣхалъ къ намъ могучій *Геръ*; его «прислалъ мой братъ Гунтеръ.» Пословъ встрѣтили съ радостію и привели къ Зифриду, который принялъ ихъ почтительно. Они сказали королю и королевѣ привѣтъ отъ имени Гунтера и Брингильды, Уты, молодаго Гизелера, государя Гернота и ихъ лучшихъ вассаловъ. Послѣ привѣтствій, распросовъ и расказовъ о здоровьѣ, маркграфъ Геръ сказалъ...

«Они просятъ васъ къ торжественному празднику «на берега Рейна; а вы знаете, какъ они рады ви«дѣть васъ у себя!

«Они просятъ мою государыню отправиться вмѣ«стѣ съ вами въ Бургундію, когда пройдетъ зима... «Васъ проситъ объ этомъ королева, ваша маменька,

«также Гернотъ и Гизелеръ. Ахъ, съ тѣхъ поръ, «какъ вы живете такъ далеко отъ нихъ, они каждый «день грустятъ. Моя государыня Брингильда и весь «ея дворъ утѣшаютъ себя надеждою, что вы къ нимъ «пріѣдете; эта мысль приводитъ ихъ въ восторгъ.»

Кримгильда была довольна этимъ приглашеніемъ, и Зифридъ, посовѣтовавшись съ своими вассалами, рѣшился исполнить желаніе своихъ Рейнскихъ родныхъ. Отецъ героя, Зигмундъ, также согласился ѣхать въ Вормсъ. Одиннадцать сотъ лучшихъ воиновъ должны были провожать ихъ. Послы Бургундскіе, щедро осыпанные подарками Зифрида и Кримгильды, весело отправились назадъ съ отвѣтомъ, что дорогіе гости съ радостью пріѣдутъ на турниръ къ весеннему равноденствію.

Пока Зифридъ собирается въ дорогу, чтобы явиться въ Вормсъ во всемъ блескѣ, Геръ пріѣхалъ въ Вормсъ. Увидѣвши его, Гунтеръ вскочилъ съ своего мѣста и торопливо спрашивалъ: «Что Зифридъ?» Онъ любилъ свою сестру и ея мужа. Прекрасная Брингильда съ радостью слушала донесеніе Гера: ея желаніе исполнялось. Она и королева Ута спрашивали у маркграфа: «Все такъ же ли Кримгильда хороша?» Когда посланники стали хвастать подарками, полученными отъ Зифрида, Хагенъ ворчалъ про себя: «Онъ можетъ «давать и помногу и часто, хоть бы жилъ вѣчно: онъ владѣетъ сокровищемъ Нибелунговъ. Эхъ,

«пріѣхалъ бы онъ въ Бургундію!» Придворные Гунтера занялись приготовленіями къ празднику.

XIII глава (aventiure), въ которой описывается, какъ Зифридъ и Кримгильда были приняты въ Вормсѣ, очень замѣчательна въ историческомъ отношеніи: читая эту главу, невольно переноситесь въ періодъ крестовыхъ походовъ; образъ жизни и увеселенія тѣхъ временъ обрисованы самыми живыми красками. Къ сожалѣнію объемъ статьи, и безъ того уже длинной, заставляетъ отказаться отъ удовольствія сообщить читателямъ современное описаніе рыцарскаго быта.

Сынъ Зифрида остался въ Сантенѣ; Зигмундъ поѣхалъ съ сыномъ въ Вормсъ. Гунтеръ хотѣлъ, чтобы Брингильда приняла свою золовку такъ, какъ она приняла ее, когда Брингильда была еще невѣстой. Королева согласилась. Пріемъ былъ блистательный; Вормсъ наполнился шумною радостью; началося веселое пированье, турниры, обѣды, разговоры. Одиннадцать дней все шло хорошо; ничто не нарушало согласія, не омрачало радости. Но скоро женское тщеславіе сдѣлалось источникомъ многихъ бѣдъ!

«Былъ вечеръ; витязи шумно толпились на дворѣ замка, готовые состязаться въ рыцарскихъ играхъ. Много мущинъ и дамъ смотрѣли на нихъ.

«Сидя вмѣстѣ, обѣ королевы разговаривали о своихъ знаменитыхъ мужьяхъ. Кримгильда сказала: «Всѣми этими землями долженъ бы повелѣвать мой «мужъ!»

«Брингильда съ удивленіемъ спросила: «Какъ «такъ? Наши земли принадлежали бы ему, если бъ «изъ всего нашего рода остались въ живыхъ только «ты да онъ; а теперь это невозможно: король Гун- «теръ живъ.»

«Гордая Кримгильда отвѣчала съ жаромъ: «По- «смотри на него! Какая величественная поступь! Онъ «межъ другими воинами какъ свѣтлый мѣсяцъ меж- «ду звѣздочками! Вотъ что меня радуетъ и не безъ «причины!»

Брингильда возразила: «Какъ бы ни былъ кра- «сивъ, благороденъ и храбръ твой Зифридъ, все же «онъ уступаетъ твоему брату Гунтеру!..»

«Кримгильда сказала: «Много достоинствъ укра- «шаютъ моего возлюбленнаго, я не даромъ хвалила «его. Онъ великъ во всѣхъ отношеніяхъ. Будь увѣ- «рена, онъ по крайней мѣрѣ ни въ чемъ не уступаетъ «Гунтеру.»

«Брингильда съ сердцемъ: «Не толкуй моихъ «словъ въ дурную сторону, Кримгильда! Я говорила

«не безъ основанія: я хорошо помню, что они мнѣ «говорили, когда твой братъ пріѣзжалъ къ моему «двору:

«Зифридъ самъ себя назвалъ вассаломъ Гунтера, «и отъ того я считаю его своимъ вассаломъ!»

«Кримгильда въ гнѣвѣ сказала: «Какъ бы мои «братья выдали меня за-мужъ за вассала? Прошу «тебя дружески — перестань! не говори мнѣ такой «небылицы!»

«Нѣтъ, Кримгильда, я не хочу молчать. За что «мы должны *лишиться* службы столькихъ витязей, «которые, подобно Зифриду, вассалы?»

«А вотъ же *лишишься*! Онъ никогда не будетъ «твоимъ вассаломъ; и знай — онъ болѣе уважаемъ, «болѣе славенъ, нежели братъ мой Гунтеръ....»

«Не чванься слишкомъ! посмотримъ, будутъ ли «тебѣ отданы такія почести, какъ мнѣ!» Обѣ королевы дрожали отъ гнѣва.

«Кримгильда сказала: «Пусть будетъ такъ! Ты «поносишь Зифрида именемъ вассала? Такъ вотъ, те- «перь же воины обоихъ королей увидятъ, какъ я «войду въ церковь прежде этой королевы! Не снесу «обиды! докажу тебѣ, что я свободна, что мой мужъ

«превосходитъ твоего!...» Сердца обѣихъ королевъ кипѣли злобою.

Вотъ обѣ королевы идутъ къ обѣднѣ въ церковь; за каждою многочисленная свита штатсъ-дамъ и фрейлинъ въ самыхъ лучшихъ нарядахъ. Рыцари съ удивленіемъ видѣли, что королевы идутъ розно, а не вмѣстѣ, какъ бывало. При входѣ въ церковь Брингильда сказала Кримгильдѣ:

«Назадъ, жена моего вассала! прочь отъ меня!
«Жена вассала не можетъ итти впереди королевы!»

«Въ сильномъ гнѣвѣ Кримгильда воскликнула:
«Лучше бы тебѣ было не говорить мнѣ этаго!.. Какъ
«наложница можетъ быть королевой?»

«Кого зовешь ты наложницей?»

«Зифридъ, мой возлюбленный, а не братъ мой
«воспользовался первою твоею любовью! Что ты
«тогда думала? Ха! Странно избрать своего вассала
«любовникомъ!..»

Брингильда залилась слезами, а Кримгильда съ торжествомъ вошла въ церковь. Когда выходили изъ церкви, Брингильда остановила Кримгильду:

«Не идите дальше! Вы меня назвали налож-«ницей? докажите мнѣ это!» — Лучше бы вамъ не «останавливать меня!.. вотъ доказательства: этотъ зо-«лотой перстень у меня на рукѣ; мнѣ подарилъ его «мой возлюбленный во время свадьбы». Брингильда еще не знала дня ужаснѣе этаго.

«Она сказала: «Этотъ перстень у меня укра-денъ...»

(Кримгильда)«...А этотъ твой поясъ, что теперь «на мнѣ? Да, мой любезный Зифридъ былъ *тво-«имъ*..!»

Брингильда горько заплакала. Приходитъ Гун-теръ: «Что съ тобою?» спросилъ онъ у своей жены.

«...Твоя сестра называетъ меня наложницей Зи-«фрида...» Гунтеръ сказалъ громкимъ голосомъ: «Вретъ она!»

«Кримгильда носитъ мой поясъ, который давно «пропалъ у меня, и мой перстень изъ чистаго золота! «Зачѣмъ я на свѣтъ родилась?.. Государь! отомсти «за меня, или я не хочу быть твоей женою!»

По приказанію Гунтера призвали туда Зифрида. «Что это значитъ?» спрашивалъ удивленный Зифридъ.

«Король Гунтеръ сказалъ: «Я ужасно взбѣшенъ. «Брингильда говоритъ мнѣ, что ты хвастаешь, будто «ты воспользовался ея первою любовью. Твоя жена «Кримгильда говоритъ это. Говорилъ ли ты что-ни- «будь подобное?»

«На то отвѣчаетъ могучій Зифридъ: «Если она «точно говорила, какъ ты мнѣ сказываешь, я заставлю «ее раскаяться въ ея словахъ! Клянусь тебѣ пе- «редъ лицемъ твоихъ вассаловъ, что я не говорилъ «ничего такаго; готовъ присягнуть!»

Зифридъ подтвердилъ свои слова клятвою, и короли примирились. Послѣ того Зифридъ объявилъ на мѣстѣ, что онъ накажетъ свою Кримгильду и запретитъ ей говорить подобные вздоры; совѣтовалъ Гунтеру, чтобы онъ сдѣлалъ такое же запрещеніе и своей Брингильдѣ. Наконецъ королевы разстались обѣ въ досадѣ.

Брингильда плакала неутѣшно. Видя ея горькія слезы, Хагенъ спросилъ у нея, о чемъ она плачетъ? Брингильда расказала ему о причинѣ своихъ слезъ. Тогда Хагенъ воскликнулъ:

«Мужъ Кримгильды поплатится за это, или я распрощусь съ жизнію!»

«Въ тоже время пришли къ королевѣ Гернотъ и Ортвинъ, которые хотѣли смерти Зифрида; а въ слѣдъ за ними и Гизелеръ, благородный сынъ королевы Уты. Выслушавши ихъ разговоры, онъ сказалъ:

«Добрые витязи! къ чему это? Право, Зифридъ «не заслужилъ отъ насъ такой ненависти!.. Женскія «ссоры — пустяки; жизнь воина дороже.»

Хагенъ настаивалъ на томъ, что Зифридъ долженъ умереть. Тогда самъ король сказалъ: «Онъ «долженъ жить! онъ оказывалъ намъ только добро «и помощь.» На это Ортвинъ воскликнулъ: «Клянусь честью, необыкновенная сила не спасетъ его!»

«Хагенъ безпрестанно твердилъ королю: «Когда «Зифридъ лишится жизни, вы будете царствовать «надъ многими землями!» Гунтеръ сталъ задумываться.

Между-тѣмъ турниры продолжались по-прежнему; а вассалы Гунтера роптали. Чтобы положить конецъ ихъ ропоту, король сказалъ:

«Оставьте вашу кровожадную злобу. Зифридъ ро«жденъ для нашей славы и для нашего блага. Кро«мѣ того этотъ необыкновенный человѣкъ такъ ужа«сно силенъ, что вамъ придется плохо, когда онъ «узнаетъ о вашихъ злыхъ умыслахъ.»

«Нѣтъ! сказалъ Хагенъ: будьте спокойны! я «надѣюсь на свою хитрость. Слезы Брингильды падутъ на него, и всегда Хагенъ будетъ врагомъ Зифрида.»

«Наконецъ Гунтеръ сказалъ ему: «Какъ же ты «это сдѣлаешь?» Хагенъ спѣшилъ отвѣчать: «А вотъ «какъ: мы сдѣлаемъ такъ, будто къ намъ пріѣхали «какіе-то посланники объявить намъ войну.

«Тогда вы скажете товарищамъ, что идете на «войну. Зифридъ вѣрно дастъ обѣщаніе помогать «вамъ, и въ этомъ походѣ онъ лишится жизни! Я «вывѣдаю средство къ его погибели у самой жены «безстрашнаго героя.»

И король согласился на черное дѣло!

Вотъ пріѣхали въ Вормсъ 32 человѣка, называя себя послами Лидигера и Лидегаста, и объявили отъ имени ихъ войну. Гунтеръ хорошо съумѣлъ притвориться, будто эта вѣсть его поразила. Зифридъ вызвался итти съ войскомъ на-встрѣчу непріятелю. Гунтеръ съ притворною радостью и благодарностью принялъ предложеніе Зифрида. Стали поспѣшно заниматься приготовленіями къ походу. Хагенъ пришелъ къ Кримгильдѣ проститься съ нею. Кримгильда въ разговорѣ съ Хагеномъ выражала свое удовольствіе, что имѣетъ такаго мужа, какъ Зифридъ; напоминала Хагену, что

была всегда къ нему благосклонна и ничѣмъ его не обидѣла; говорила, какъ она раскаевалась и сожалѣла о томъ, что оскорбила Брингильду. «Со-временемъ можно все вознаградить!» сказалъ Хагенъ. Кримгильда не поняла таинственнаго значенія этихъ словъ. Хагенъ умѣлъ показаться ей такъ искренно привязаннымъ къ Зифриду, что Кримгильда наконецъ сказала ему:

«Ты изъ нашего рода, я тебѣ близкая родственница: полагаюсь на твою честность и вѣрность... и «скажу тебѣ подъ секретомъ, въ какое мѣсто можно «ранить моего мужа...

«Когда теплая кровь текла изъ раны дракона «(Фафнера) и безстрашный герой купался въ этой «крови, липовый листокъ прилипъ къ его спинѣ «между плечь; и въ томъ мѣстѣ можно ранить его. «Этаго боюсь я.»

«Вѣроломный отвѣчалъ: «На его платьѣ вышейте крестъ, который бы мнѣ указывалъ, какое мѣсто «я долженъ защищать, когда буду неразлучно съ «Зифридомъ устремляться въ битву.» Она думала спасти героя, а готовила ему погибель!

Хагенъ клялся Кримгильдѣ вѣрно защищать жизнь Зифрида; а самъ въ тоже время думалъ съ радостію, какъ совершить ужаснѣйшее злодѣяніе.

Скоро послѣ выступленія въ походъ, на-встрѣчу Зифриду пріѣхали новые послы отъ Лидигера и Лидегаста и просили мира. Зифридъ долженъ былъ воротиться. Между-тѣмъ Хагенъ хорошо замѣтилъ, на какомъ мѣстѣ нашитъ таинственный крестъ. Словно какой-нибудь демонъ, Хагенъ не отступалъ отъ короля, подавая ему мрачные совѣты. Гунтеръ торжественно благодарилъ Зифрида; потомъ предложилъ своимъ гостямъ охоту въ окрестныхъ лѣсахъ; это было сдѣлано по совѣту Хагена. Зифридъ согласился ѣхать на охоту: какъ могъ онъ проникнуть замыслы враговъ своихъ? Отправляясь на охоту, Зифридъ зашелъ къ Кримгильдѣ. чтобъ проститься съ нею. Никогда Кримгильда не чувствовала такой тоски.

«Зифридъ поцаловалъ свою возлюбленную въ губки: «Дай Богъ, чтобъ я нашелъ тебя веселой и «здоровой, и чтобъ твои глаза увидѣли меня такимъ «же!...»

«Она думала о томъ, что открыла Хагену тайну, но не смѣла сказать этаго Зифриду. Она проклинала день своего рожденія, плакала, горько плакала бѣдная, прелестнѣйшая королева!

«Она умоляла своего мужа не ѣхать на охоту:

«Мнѣ въ эту ночь снился
«Ужаснѣйшій сонъ:

«Два лютые вепря
«Тебя растерзали
«Близъ липовой рощи;
«Цвѣты обагрились...
«Ахъ! грустно мнѣ, тяжко мнѣ!

«Дрожу я при мысли
«О гнусной измѣнѣ!
«Какъ будто бы кто-то
«Съ враждою смертельной...
«Останься, мой милый,
«Когда меня любишь,
«Останься со мною!»

«Утѣшься: я скоро пріѣду назадъ;
«Не знаю, кто могъ бы тутъ зла мнѣ желать?
«Ко мнѣ благосклонна твоя вся родня:
«И вправду, зачто имъ пенять на меня?»

«Нѣтъ, я боюсь за тебя, Зифридъ:
«Зловѣщій сонъ бѣдою мнѣ грозитъ...
«Мнѣ снилось: на тебя упали двѣ горы!..
«На вѣки я прощаюсь съ тобою:
«Не даромъ грудь сжимается тоскою!»

«Онъ обнялъ ее, прижималъ, цаловалъ.
«И оставилъ ее навсегда, навсегда!

Послѣ этой трогательной сцены слѣдуетъ въ поэмѣ описаніе охоты. Это описаніе занимаетъ 148 стиховъ и дополняетъ картину рыцарскаго препровожденія времени. Въ средніе вѣки Европа была еще

покрыта дремучими лѣсами, которые были наполнены всякаго рода дичью. Охота за дикими звѣрями занимала время, остававшееся рыцарю отъ войны, пировъ и турнировъ. Охотническая удаль прославлялась, подобно воинской. Разумѣется, что на охотѣ, описанной въ поэмѣ Нибелунги, Зифридъ превосходитъ всѣхъ проворствомъ и силою.

Когда охотники собрались въ одно мѣсто, приготовленъ былъ для нихъ обѣдъ. Кушанья были отличныя, недоставало только вина: «Отъ чего это?» спросилъ Зифридъ. Хагенъ, который распоряжалъ хозяйствомъ, извинялся, что послалъ вина въ другое мѣсто, думая, что охотники расположатся тамъ. Въ заключеніе Хагенъ сказалъ: «Я знаю, тутъ недалеко «есть ключь, мы можемъ туда итти напиться!» Зифридъ спѣшилъ встать изъ-за стола; его мучила жажда.

«Когда они хотѣли итти оттуда къ липамъ (гдѣ былъ ключь), сказалъ Тронейе Хагенъ: «Мнѣ много «говорили, что мужа Кримгильды никто не обгонитъ; «хотѣлось бы видѣть мнѣ скорость его бѣга.»

«Тогда сказалъ отважный Зифридъ Нидерлантскій: «Можете попробовать! Пустимся въ-запуски «къ тому ключу. Кто первый прибѣжитъ, тотъ выиграетъ закладъ!»

«Ну, попробуемъ и мы,» сказалъ витязь Хагенъ.

Гунтеръ радовался, видя, что хитрость Хагена удается.

«Могучій Зифридъ прибавилъ: «Мало того, ска-«жу вамъ: всѣ мои доспѣхи понесу съ собою—копье «и щитъ и охотничье платье...»

«Тогда они (Гунтеръ и Хагенъ) раздѣлись и оба стояли въ бѣлыхъ рубашкахъ. Какъ два дикіе леопарда, бѣжали они по травѣ; но удалый Зифридъ прежде нихъ очутился у ключа.

«Во всемъ онъ превосходилъ всѣхъ. Онъ снялъ съ себя мечь и колчанъ, а крѣпкое копье поставилъ къ липѣ и стоялъ при истокѣ ключа, положа щитъ на берегу.

«Доблесть Зифрида была велика: какъ ни мучила его жажда, однако онъ, герой, не сталъ пить, пока не напился король. А тотъ ему зломъ отблагодарилъ за это!

«Ключь былъ холоденъ, чистъ и хорошъ. Гунтеръ наклонился къ струямъ, а напившись, всталъ и отошелъ. То же самое хотѣлъ сдѣлать и храбрый Зифридъ.

«Тогда отплатили ему за его вѣжливость! Хагенъ унесъ мечь и лукъ, потомъ подбѣжалъ и схватилъ копье и присматривался, гдѣ значекъ на платьѣ храбраго.

«Когда Зифридъ пилъ, наклонясь надъ ключемъ, онъ (Хагенъ) поразилъ его сквозь крестъ; изъ раны брызнула кровь, такъ-что обагрила всего Хагена. Никогда никакой витязь не совершалъ такаго злодѣянія!

«...Суровый Хагенъ не бѣжалъ ни передъ кѣмъ въ свѣтѣ, а теперь пустился бѣжать! Когда могучій Зифридъ почувствовалъ смертельную рану свою.

«Гнѣвный вскочилъ онъ... изъ сердца торчалъ конецъ копья. Государь хотѣлъ найти свой мечь или лукъ: тогда получилъ бы Хагенъ достойную награду!

«Когда смертельно-раненый не нашелъ своего меча, схватилъ онъ свой щитъ... и погнался за Хагеномъ; не могъ уйти отъ него вассалъ короля Гунтера!

«Хоть раненый смертельно, Зифридъ ударилъ такъ сильно, что изъ щита посыпались камни и щитъ разбился. Такъ хотѣлъ отомстить за себя Гунтеровъ величественный гость!

«Могучею рукою онъ низвергнулъ Хагена; отъ сильнаго удара гулъ пошелъ по лѣсу; если бъ былъ при немъ мечь его, убилъ бы онъ Хагена...

«Поблѣднѣлъ онъ (Зифридъ), не могъ стоять на ногахъ, оставили его силы и на лицѣ выражалось приближеніе смерти. Съ тѣхъ поръ много плакали объ немъ прекрасныя женщины.

«Упалъ межъ цвѣтами мужъ Кримгильды; кровь струилася изъ его широкой раны. Сталъ онъ бранить тѣхъ, которые согласились вѣроломно умертвить его.

«Такъ говорилъ умирающій: «Вы злые трусы; «къ чему послужили услуги, мною вамъ оказанныя, «когда вы меня убили? я былъ вамъ вѣренъ и вотъ «мнѣ награда! Дурно вы поступили съ вашимъ дру-«гомъ!

«Позоръ падетъ и на вашихъ потомковъ: вашъ «гнѣвъ излился на меня съ чрезмѣрною яростью. Съ «презрѣніемъ вы должны быть исключены изъ числа «добрыхъ витязей.»

«Всѣ рыцари сбѣжались туда, гдѣ лежалъ убитый. Для нѣсколькихъ изъ нихъ этотъ день былъ безрадостнымъ. Бывшіе ему вѣрными оплакивали его. Герой былъ достоинъ, чтобы всѣ его оплакивали.

«Король Бургундскій также оплакивалъ его смерть. Ему сказалъ умирающій: «Напрасно оплаки-«ваетъ преступленіе тотъ, кто его сдѣлалъ: онъ все-«таки достоинъ позора!..»

«Тогда сказалъ угрюмый Хагенъ: «Не знаю, о «чемъ тутъ тужить? кончились всѣ наши опасенія и «непріятности: теперь немногіе посмѣютъ обижать «насъ. Слава мнѣ, что я низложилъ героя!»

«Теперь вамъ легко хвалиться! сказалъ Зиф-«ридъ: если бъ я зналъ вашъ разбойническій обычай, «съумѣлъ бы я сберечь свою жизнь отъ васъ.

«Больше всего я жалѣю о женѣ моей, Крим-«гильдѣ.

«Да сохранитъ Богъ моего сына: его послѣ ста-«нутъ упрекать, что между его родственниками были «убійцы...»

«Слабымъ предсмертнымъ голосомъ прибавилъ умирающій: «Если хотите, государь, быть справедли-«вымъ къ кому-нибудь на свѣтѣ, будьте благосклон-«ны къ моей возлюбленной!

«Пусть пользуется всѣми правами, принадлежа-«щими вашей сестрѣ!..

«Долго будутъ ждать меня мой отецъ и мои вас-
«салы!..

«Придетъ время, когда вы раскаетесь въ томъ,
«что убили меня: повѣрьте послѣднимъ словамъ уби-
«таго вами!»

«Кругомъ цвѣты всѣ были смочены красною кровью. Онъ боролся съ смертью, но не долго боролся...

«Когда увидѣли рыцари, что богатырь умеръ, положили его на щитъ, на щитъ изъ червоннаго золота. И стали совѣтоваться, какъ бы скрыть то, что сдѣлалъ Хагенъ...

«Тогда сказалъ Хагенъ Фонъ-Тронейе: «Я при-
«везу его въ Вормсъ! Я не боюсь: пусть та, которая
«огорчила Брингильду, узнаетъ, что я сдѣлалъ. Пусть
«теперь плачетъ, мнѣ горя мало!»

Хагенъ приказалъ положить трупъ Зифрида у дверей дома, гдѣ была Кримгильда, для того, чтобъ она увидѣла своего убитаго мужа, когда пойдетъ къ заутреннѣ. Зазвонили на колокольнѣ соборной церкви. Встала Кримгильда, приказала подать себѣ огонь и платье. Камергеръ, который приносилъ огонь, видѣлъ убитаго Зифрида, но не узналъ его. Когда Кримгильда хотѣла итти въ церковь, этотъ камер-

геръ сказалъ ей: «Нейдите, государыня, убитый рыцарь лежитъ здѣсь у дверей.» Вскрикнула Кримгильда и съ воплемъ кинулась къ дверямъ: ей тотчасъ пришли въ голову распросы Хагена о томъ, въ какое мѣсто можно ранить Зифрида. Она упала въ обморокъ, но скоро потомъ опомнилась — и весь теремъ огласился ея воплемъ, раздирающимъ душу. Придворныя дамы говорили ей: «Быть можетъ, это чужой!» «Нѣтъ, «нѣтъ! это Зифридъ, мой возлюбленный! Брингильда «хотѣла его смерти, Хагенъ убилъ его!»

Когда увидѣли, что убитый дѣйствительно Зифридъ, всѣ дамы подняли вопль и плачь. Кримгильда приказала призвать къ трупу героя стараго Зигмунда и всѣхъ воиновъ, пріѣхавшихъ съ Зифридомъ въ Бургундію. Зигмунда въ ту ночь мучила безсонница: знать, вѣщее чуяло, что нестало Зифрида! Но когда посолъ Кримгильды, обливаясь слезами, сказалъ Зигмунду, какое горе раздираетъ душу его государыни, Зигмундъ не хотѣлъ ему вѣрить. «Повѣрьте, государь, рыданіямъ Кримгильды и ея жен«щинъ!» сказалъ посолъ. Тогда какъ будто страхъ напалъ на стараго героя: онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Онъ и одиннадцать сотъ воиновъ Зифридовыхъ скоро пришли къ мѣсту плача и стенаній. Какое отчаяніе овладѣло тогда ими!

«Король Зигмундъ подошелъ къ Кримгильдѣ и сказалъ: «Будь проклятъ нашъ пріѣздъ сюда! Но

«кто жъ, среди стольких друзей, могъ убійственною «рукою отнять у васъ мужа, у меня сына?»

«Узнать бы мнѣ этаго убійцу! сказала королева: никогда не прощу ему, не сжалюсь надъ нимъ «и надѣлаю ему столько зла, что всѣ друзья его будутъ содрогаться!»

Вопль и рыданія людей, окружавшихъ трупъ Зифрида, слышны были въ цѣломъ Вормсѣ. Кримгильда была неутѣшна.

Всѣ одиннадцать сотъ воиновъ принялись за оружіе и хотѣли вмѣстѣ съ Зигмундомъ мстить за смерть Зифрида. Но кому мстить? Развѣ Гунтеру и всѣмъ бывшимъ съ нимъ на охотѣ? Кримгильда знала, что въ такомъ случаѣ ея Нибелунгскіе витязи погибнутъ всѣ: на каждаго изъ нихъ будетъ у Гунтера по 30 воиновъ. Она просила, умоляла, приказывала вложить мечи въ ножны и отложить месть до другаго времени: «Когда я узнаю навѣрное, кто убилъ моего мужа, «я отомщу убійцѣ!»

На крикъ людей, оплакивавшихъ Зифрида, сбѣгались толпы горожанъ Вормскихъ, и всѣ они плакали: не видѣли въ Зифридѣ ничего достойнаго хулы и не знали, за что онъ убитъ!

Наступилъ день. По приказанію Кримгильды обмытый и одѣтый трупъ Зифрида въ богатомъ гробѣ отнесли въ соборную церковь. Туда же пришли и Гунтеръ и Хагенъ. Гунтеръ сталъ оплакивать Зифрида. «Напрасно вы такъ говорите! сказала ему Кримгильда: если бъ вы не хотѣли его смерти, онъ былъ «бы живъ!»... Гунтеръ и его соучастники отпирались...

«Кримгильда сказала имъ: «Кто считаетъ себя «невиннымъ, пусть докажетъ свою невинность: пусть «при всемъ народѣ подойдетъ къ гробу!»...

«Вотъ удивительное чудо, а случается и въ наши времена: когда убійца подходитъ къ своей жертвѣ, кровь течетъ изъ ранъ! Такъ было доказано преступленіе Хагена: кровь ручьями хлынула изъ ранъ Зифрида.

«Плачь и вопль удвоились, когда свершилось это чудо. Король Гунтеръ воскликнулъ: «Я вамъ скажу «правду: Хагенъ не совершалъ убійства; разбойники «умертвили Зифрида.»

«Знаю я этихъ разбойниковъ! сказала Кримгильда: Гунтеръ и Хагенъ—вы эти разбойники! Богъ «укрѣпитъ руку друзей *его* (Зифрида) для мести!» Воины Зифридовы нетерпѣливо желали битвы.

Но Кримгильда остановила, удержала ихъ.

Отслужили объдню. Гернотъ, Гизелеръ и весь народъ оплакивали Зифрида. Кримгильда была безутѣшна, и никто никогда въ этомъ мірѣ не могъ утѣшить ее. Королева Ута и весь ея дворъ плакали горько. Кримгильда приказала своимъ камергерамъ раздавать народу золото и серебро и не позволила тотчасъ же хоронить Зифрида: три дня и три ночи она провела при его гробѣ, оплакивая свою невозвратную потерю. Между-тѣмъ камергеры щедрою рукою раздавали народу богатства покойнаго; священники пѣли молебны и служили обѣдни, поэты воспѣвали подвиги героя, друзья его съ-горя ничего не могли ѣсть...

На четвертый день соборная церковь и весь Вормсъ наполнились плачемъ и рыданіемъ. Зифрида понесли въ могилу.

«Кримгильда упала безъ чувствъ... ея отчаянная горесть была чрезмѣрна. Чудо—какъ она не умерла! Ее старались привести въ чувства... Наконецъ она проговорила: «Воины Зифрида! не откажите мнѣ, послѣ «столькихъ страданій, въ одной милости! Доставьте «мнѣ въ моемъ горѣ хоть слабую радость — дайте «мнѣ увидѣть еще разъ, только одинъ разъ, пре«красную голову Зифрида!» Она просила такъ долго и такъ отчаянно, что принуждены были вскрыть гробъ.

«Подвели Кримгильду къ гробу. Она подняла своими бѣлыми руками прекрасную голову Зифрида, покрывала жаркими поцалуями холодное тѣло своего мужа; свѣтлые глаза королевы омрачились потоками горючихъ слезъ... прелестная — казалось, что горе совсѣмъ убило ее: она не могла ни стоять, ни говорить — въ безпамятствѣ была отнесена отъ гроба!

Опустили Зифрида въ темную могилу. Тогда въ Вормсѣ была горесть неописанная; многіе цѣлыхъ три дня ничего не могли ѣсть. Но со временемъ все проходитъ!

Зигмундъ, его воины и Кримгильда съ ними стали собираться въ обратный путь. Тогда родственники Кримгильды, особенно молодой братъ ея Гизелеръ, приступили къ ней съ убѣдительнѣйшими просьбами не оставлять ихъ. Кримгильда долго не соглашалась; наконецъ рѣшилась остаться у брата своего Гизелера съ тѣмъ, чтобъ Хагенъ ей на глаза не показывался. Зигмундъ, узнавши объ этомъ, принялся съ своей стороны убѣждать ее, чтобъ она не оставляла своего сына сиротою и ѣхала бы въ Сантенъ, гдѣ она будетъ царицею, какъ при Зифридѣ, гдѣ власть ея будетъ еще больше прежней; но Кримгильда не любила перемѣнять своихъ намѣреній: она осталась близъ могилы Зифрида; а одиннадцать сотъ его грустныхъ воиновъ вмѣстѣ съ печальнымъ старцемъ Зигмундомъ отправились въ Сантенъ съ клятвою,

что развѣ только для мести за своего государя пріѣдутъ въ другой разъ въ Бургундію. Они не простились ни съ кѣмъ, кромѣ Кримгильды, и не приняли отряда провожатыхъ, которыхъ предлагалъ имъ Гизелеръ. Этотъ отъѣздъ Зигмунда превосходно описанъ въ подлинникѣ, гдѣ онъ составляетъ особенную главу.

Графъ Эквартъ (Eckwart), одинъ изъ 1000 Бургундовъ, которыхъ Зифридъ бралъ съ собою въ Сантенъ, остался при Кримгильдѣ. Она жила въ большомъ домѣ близъ собора и каждый день ходила плакать надъ могилой Зифрида: горесть ея была безутѣшна. Прошло много времени, и Хагенъ сталъ совѣтовать своему королю Гунтеру, чтобы онъ помирился съ сестрой: это можетъ доставить случай овладѣть сокровищемъ Нибелунговъ. Гунтеръ просилъ своихъ родныхъ, бывавшихъ у Кримгильды, чтобы они помирили его съ нею. Кримгильда долго противилась всѣмъ просьбамъ; наконецъ согласилась видѣть Гунтера, принять его у себя. Несчастная, она простила всѣхъ, всѣхъ *кромѣ однаго*. Скоро послѣ того она приказала привезти въ Вормсъ сокровища Нибелунговъ; эти сокровища состояли изъ ста сорока четырехъ двуколыхъ телегъ, тяжело нагруженныхъ золотомъ и драгоцѣнными камнями. Никогда и не слыхивали о такихъ необычайныхъ богатствахъ!

«Но если бъ Кримгильда получила и въ тысячу разъ больше, она охотно бы отказалась отъ всѣхъ этихъ сокровищъ и согласилась бы остаться въ одной рубашкѣ, чтобъ только возвратили ей Зифрида.

Она начала такъ щедро раздавать свои богатства всѣмъ воинамъ, что Хагенъ сталъ совѣтовать Гунгеру отнять у Кримгильды богатства; потому-что она своею щедростью можетъ привлечь на свою сторону многихъ и тогда отомститъ за смерть Зифрида. Король представлялъ Хагену, что онъ далъ Кримгильдѣ клятву не обижать ее ничѣмъ; но Хагенъ бралъ вину на себя, брался самъ и дѣло устроить. И точно, когда короли и всѣ витязи поѣхали на турниръ, одинъ Хагенъ остался дома, и отнялъ у Кримгильды сокровища Нибелунговъ! Посудите, какъ же должна была Кримгильда ненавидѣть вѣроломнаго Хагена, который отнялъ у нея радость ея жизни —Зифрида, и еще былъ такъ наглъ — ограбилъ ее! Короли, воротившись домой, очень разсердились на Хагена; онъ отъ нихъ скрылся, потомъ былъ прощенъ, а сокровище Нибелунговъ все-таки пропало для Кримгильды. Огорченная дерзостію Хагена, она не хотѣла болѣе оставаться у брата своего Гизелера и переѣхала къ матери своей Утѣ въ Лорзскій монастырь. Туда же перевезенъ и трупъ Зифрида. Тамъ безутѣшная королева свободно могла предаваться своей отчаянной печали. Только сердце Брингильды не трогалось страданіями Кримгильды.

Главное мѣсто дѣйствія въ первыхъ XIX главахъ эпопеи находится на берегахъ Рейна; главное мѣсто дѣйствія въ остальныхъ XX — на берегахъ Тиссы (въ Венгріи), гдѣ былъ когда-то укрѣпленный станъ могущественнаго Аттилы. Жена царя Гунновъ, прекрасная Гелька (Helka), умерла, и придворные Аттилы совѣтуютъ ему жениться на вдовѣ Зифрида. «Это не-«возможно, сказалъ могущественный царь: она Хри-«стіанка, а я нехристь; это будетъ чудо, если она «согласится вытти за меня за-мужъ.» Придворные обнадеживали своего государя въ успѣхѣ, представляя его могущество и богатство, и говорили притомъ, что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ женщины, которая была бы такъ достойна любви, какъ прелестная Кримгильда. Наконецъ Аттила рѣшился послать сватовъ въ Бургундію; Пехларнскій маркграфъ Ридигеръ (Rüdiger) предложилъ свои услуги въ этомъ дѣлѣ и, послѣ долгаго разговора съ Аттилою, пустился въ дорогу. Чрезъ Вѣну онъ пріѣхалъ въ свой городъ Пехларнъ, гдѣ его съ радостію встрѣтили жена его Годелинда и ихъ прелестная дочь. Запасшись богатыми одеждами, онъ съ великолѣпной свитой отправился въ Бургундію, и послѣ 12 дней пути пріѣхалъ на берега Рейна.

Завидѣвъ приближающихся иноземцевъ, Гунтеръ и его придворные удивлялись и не знали, что это за люди къ нимъ ѣдутъ. Спросили Хагена. Угрюмый владѣтель Тронейскій пристально смотрѣлъ на незна-

комцевъ: «Да, давно я не видалъ этаго господина; «впрочемъ, если не обманываюсь, онъ, кажется, походитъ на Ридигера...» Гунтеръ удивился и не хотѣлъ вѣрить Хагену: «Зачѣмъ бы Пехларнцамъ ѣхать въ «такую даль — въ мое королевство?» Еще Гунтеръ говорилъ, а уже Хагенъ узналъ пріѣхавшихъ гостей и выбѣжалъ имъ на-встрѣчу.

Ридигеръ и его люди были приняты отличнымъ образомъ. Когда Гунтеръ спросилъ о здоровьѣ царицы Гельки, маркграфъ тотчасъ приступилъ къ дѣлу: расказалъ о смерти Гельки и о желаніи Аттилы жениться на Кримгильдѣ. Гунтеръ былъ очень доволенъ этимъ предложеніемъ и ласково отвѣтилъ: «Быть мо«жетъ, моя сестра и охотно согласится; черезъ три «дня вы получите отвѣтъ. Зачѣмъ сталъ бы я «отказывать Аттилѣ, не освѣдомившись прежде о же«ланіи Кримгильды.»

Пока пословъ Аттилы угощали, Гунтеръ началъ съ своими вассалами совѣщаться о предложеніи царя Гунновъ. Всѣ одобрили это предложеніе, всѣ — кромѣ Хагена: онъ говорилъ:

«Въ умѣ ли вы, государь, что рѣшаетесь на «подобное дѣло?..»

«Съ какой стати отказать? возразилъ король: «я радъ, когда что веселитъ королеву Кримгильду;

«развѣ она не сестра мнѣ? мы должны еще старать-
«ся, чтобы это сватовство состоялось...»

«Нѣтъ! нѣтъ! воскликнулъ Хагенъ: объ этомъ
«нечего и говорить. Если бъ вы знали Аттилу такъ,
«какъ я знаю, призадумались бы: когда Кримгильда
«будетъ его женою — вамъ первому не уйти отъ
«бѣды.»

Король гордо возразилъ: «О, я не боюсь Атти-
лы!..»

«Гизелеръ сказалъ: «Да, господинъ Хагенъ! по-
«ра вамъ быть сколько-нибудь справедливымъ; вы и
«то уже довольно зла причинили моей сестрѣ, такъ
«не противьтесь хоть теперь судьбѣ, которая благо-
«пріятствуетъ Кримгильдѣ. Правду сказать, вы столь-
«ко надѣлали зла моей сестрѣ, сколько не претерпѣ-
«ла ни одна несчастная женщина. Не-даромъ она на
«васъ смотрѣть не можетъ.»

«Угрюмо отвѣчалъ на это Хагенъ: «Что я ска-
«залъ и что *предвижу*, еще скажу вамъ: если Ат-
«тила на ней женится, она будетъ для насъ опасною;
«дѣлайте, что хотите...»

Гернотъ представлялъ, что нечего опасаться
Аттилы, котораго владѣнія такъ далеки отъ Вормса:
«а мы туда не поѣдемъ!»

«Ну, въ этомъ меня никто не увѣритъ! отвѣ-«чалъ Хагенъ: настанетъ время, когда Кримгильда «будетъ царицей у Гунновъ; тогда она погубитъ «насъ непремѣнно. Такъ лучше откажитесь отъ этаго «брака!»

«Гизелеръ, благородный сынъ Уты, не могъ долѣе удерживать своего гнѣва: «Развѣ намъ всѣмъ «стать измѣнниками? Я радуюсь, когда Кримгиль-«дѣ оказываютъ почести; и право, я и думать не «хочу о вашихъ словахъ!..»

Хагенъ сердился; но такъ-какъ никто не раздѣлялъ его мнѣнія, то и рѣшили: извѣстить Кримгильду о предложеніи Аттилы, и маркграфъ Геръ отправился въ Лорзскую обитель.

Но напрасны были всѣ представленія Гера, Гернота и Гизелера: Кримгильда не соглашалась выттн за Аттилу; впрочемъ она позволила Ридигеру быть у нея на другой день утромъ; рыдая и заливаясь слезами, она разсталась съ своими родственниками.

На другой день послѣ обѣдни Ридигеръ пришелъ къ Кримгильдѣ, все еще прекрасной. Она была одѣта въ самое простое платье, омоченное горючими слезами; она привѣтливо встрѣтила Ридигера.

Умный посолъ самыми привлекательными красками изобразилъ Кримгильдѣ любовь Аттилы и его пламенное желаніе вступить въ бракъ съ прекрасной вдовою Нидерлантскаго героя. Печальная Кримгильда заговорила о своей безутѣшной горести.

Ридигеръ: «Какое лучшее утѣшеніе въ горести, «какъ не восторги нѣжной любви? Кто любитъ и «любимъ, тотъ счастливъ. Если вы благоволите «любить моего государя — двенадцать могущественныхъ «ныхъ и славныхъ королей будутъ вашими вассалами, «вы будете царствовать надъ тридцатью царствами... «и повелѣвать многими храбрыми витязями... отлич«ными воинами... при дворѣ вашемъ будетъ много «знатныхъ дамъ и прелестнѣйшихъ дѣвицъ, восхища«ющихъ сердца богатырскія...»

Такъ посолъ Аттилы уговаривалъ Кримгильду; она сказала: «Приходите завтра ко мнѣ, завтра полу«чите отвѣтъ.»

Когда послы ушли, Кримгильда пригласила къ себѣ мать свою Уту и брата Гизелера. Гизелеръ говорилъ:

«Я думаю, сестрица, что Аттила можетъ тебя «утѣшить. Если ты выйдешь за него за-мужъ — «я одобряю этотъ бракъ, не смотря на сопротивленіе «*кое кого...*»

Ута съ своей стороны убѣдительно уговаривала Кримгильду не предаваться болѣе черной горести и вытти за-мужъ за самаго могущественнаго въ мірѣ государя. «Какъ я, Христіанка, соглашусь быть «женою язычника?» наконецъ возразила Кримгильда. На этой мысли остановилась она. Во всю ночь съ вечера до утра прелестная королева не смыкала очей; свѣтлые глаза ея были омрачены слезами, когда она встала, чтобъ итти къ заутренѣ.

Короли опять уговаривали Кримгильду вытти за Аттилу; напрасно! Ридигеръ пришелъ къ ней — и встрѣтилъ новое сопротивленіе. Всѣ убѣжденія его были напрасны, пока онъ *тайно* не сказалъ королевѣ, что Зифридъ будетъ *отомщенъ*.

«Осушите ваши слезы и знайте, что если бы «между Гуннами у васъ и не было другихъ вассаловъ, кромѣ меня и моихъ родныхъ — мы жестоко «отомстили бы тому, кто огорчилъ васъ.»

«Хорошо! сказала Кримгильда съ живостію: «дайте мнѣ клятву быть моимъ первымъ мстите-«лемъ....» Маркграфъ отвѣчалъ: «Охотно, государы-«ня!»

Ридигеръ и всѣ его воины поклялись повиноваться королевѣ во всемъ и служить ей вѣрно.

Кримгильда съ тайною радостію мечтала о томъ, что, выйдя за-мужъ за Аттилу, получитъ возможность отомстить за смерть своего возлюбленнаго Зифрида. Она сказала Ридигеру:

«Если бъ вашъ государь не былъ язычникъ, я «бы охотно согласилась выйти за него...» Маркграфъ воскликнулъ:... «Пусть васъ не тревожитъ эта мысль: «при дворѣ Аттилы столько Христіанъ, что вамъ ни«когда не будетъ скучно. А какъ знать? быть мо«жетъ, вамъ суждено обратить его въ христіанство!..»

Братья Кримгильды снова стали просить ее согласиться на бракъ съ повелителемъ Дунайскихъ земель. Наконецъ Кримгильда дала торжественное обѣщаніе—быть женою Аттилы.

Ея фрейлины и дамы стали собираться въ дорогу. Кримгильда пожелала дать царскіе подарки посламъ своего будущаго мужа и раздать значительную сумму денегъ духовенству и народу, чтобъ помнили Зифрида и молились о спасеніи души его. Хагенъ хотѣлъ воспрепятствовать исполненію этаго желанія; но его намѣреніе очень не понравилось королямъ. Гернотъ самъ вынулъ изъ кладовыхъ столько золота, сколько назначила Кримгильда. Собираясь во второй разъ оставить свою родину, прекрасная королева, также какъ и прежде, хотѣла взять съ собою тѣхъ изъ своихъ вассаловъ, которые охотно по-

слѣдуютъ за нею. Маркграфъ Экквартъ, служившій Кримгильдѣ и въ Сантенѣ и Вормсѣ, вызвался слѣдовать за нею съ 500 воиновъ. «Мы будемъ неразлучны до смерти!» говорилъ онъ. Кримгильда поклонилась ему: такая вѣрность тронула ее. Послѣ трогательнаго прощанья царская невѣста, окруженная великолѣпною свитой, отправилась въ путь. Гернотъ и Гизелеръ провожали ее съ 1000 своихъ отборныхъ воиновъ, въ числѣ которыхъ были: Ортвинъ, Геръ и Румольдъ. Къ Аттилѣ впередъ послали гонцовъ съ пріятной вѣстію объ удачномъ окончаніи сватовства.

Доѣхавши до береговъ Дуная, Бургундскіе короли простились съ своею сестрою. Гизелеръ говорилъ ей: «Если понадобится, чтобы я къ тебѣ пріѣ«халъ, или если приключится тебѣ какое несчастіе, «извѣсти меня, я поспѣшу въ царство Аттилы.»

Путешественники скоро пріѣхали въ городъ Пассау, гдѣ была резиденція епископа *Пильгерима*. Вся Баварія пришла въ волненіе при вѣсти, что племянница епископа ѣдетъ черезъ Пассау къ своему жениху Аттилѣ. Обрадованный Пильгеримъ провожалъ Кримгильду до Пехларна. Годелинда со всѣмъ своимъ дворомъ встрѣтила свою будущую царицу далеко отъ Пехларна. Путешествіе прекрасной королевы по владѣніямъ Рюдигера представляло безпрерывную цѣпь торжествъ и увеселеній.

Угощеніе было великолѣпное. Народъ вездѣ съ радостью выбѣгалъ толпами на-встрѣчу прекрасной королевѣ. Люди, составлявшіе ея свиту, жалѣли только объ одномъ, что время проходитъ такъ быстро: они хотѣли бы долѣе пробыть на плѣнительныхъ берегахъ Дуная, гдѣ веселость встрѣчала ихъ на каждомъ шагу. Между-тѣмъ всѣ, кто ни приближался къ Кримгильдѣ, не могли нахвалиться щедростью ея и дорогими подарками, отъ нея полученными. Маркграфиня Готелинда и особенно дочь ея, молодая Дитлинда, почувствовали сильную любовь и привязанность къ своей будущей повелительницѣ. Онѣ, также какъ и Пильгеримъ, провожали Кримгильду до Австрійской границы. Въ Австріи встрѣтили невѣсту Гунны, посланные Аттилою для ея пріема.

Слыша вѣсти о путешествіи Кримгильды, Аттила самъ отправился ей на-встрѣчу, сопровождаемый своими вассалами—королями и ихъ многочисленными свитами. Нигдѣ нельзя было видѣть такаго стеченія самыхъ разнообразныхъ народовъ: Христіанъ и язычниковъ, осѣдлыхъ и кочевыхъ, Германцовъ, Славянъ и Турокъ.

Когда Аттила подъѣхалъ къ своей невѣстѣ, она сошла съ лошади; повелитель Гунновъ также спрыгнулъ съ сѣдла и ловко и величественно подошелъ къ Кримгильдѣ. Она привѣтствовала его, брата его *Бледу*, короля *Дитриха* и всѣхъ тринадцать героевъ Аттилы.

Ахъ, какъ она была восхитительно прелестна въ эти минуты! Многіе, глядя на нее, находили, что она лучше Гельки.

Храбрые витязи веселили дамъ турниромъ. Между-тѣмъ на чистомъ полѣ забѣлѣлись богато убранные шатры. Кавалеры провожали своихъ дамъ къ палаткѣ Кримгильды.

«Не знаю, что говорилъ ей Аттила, сидя съ нею на прекрасномъ мѣстѣ, которое приготовилъ для нихъ Ридигеръ, но онъ страстно жалъ бѣлыя ручки Кримгильды.

Турниръ оконченъ и началось пированье. На другой день всѣ отправились въ Вѣну, гдѣ совершилось бракосочетаніе. Стеченіе народа въ Вѣнѣ было такъ велико, что всѣ не могли помѣститься въ городѣ, и многіе должны были расположиться на полѣ. Аттила былъ безотлучно возлѣ своей милой молодой жены. Онъ и всѣ его герои отдыхали послѣ подвиговъ военныхъ.

«Увеселенія продолжались семнадцать дней. „Да, ни у однаго государя не бывало подобнаго пированья, по крайней мѣрѣ я не знаю.

Всѣ, бывшіе на праздникѣ, осыпаны дорогими подарками. Кримгильда, Аттила, Дитрихъ, Ридигеръ

и всѣ могущественные вассалы непобѣдимаго старались превзойти другъ друга въ щедрости; давали безъ-счету!

На 18-й день утромъ всѣ отправились изъ Вѣны на востокъ въ землю Гунновъ. Ночевали *въ Гуненбургѣ*, потомъ сѣли на сплоченныя суда и пріѣхали въ *Эцеленбургъ* (городъ Аттилы). Тамъ молодую радостно встрѣтили всѣ дамы, составлявшія дворъ покойной царицы.

«Кто можетъ описать, сколько Аттила чувствовалъ себя счастливымъ, находясь возлѣ Кримгильды! Никогда въ землѣ Гунновъ не бывало такой милой, любезной царицы... Въ послѣдствіи она пріобрѣла себѣ множество приверженцовъ между родственниками, союзниками и вассалами короля и повелѣвала ими совершенно самовластно. Гелька никогда не имѣла такой власти, какою пользовалась прелестная Кримгильда до самой своей смерти.

Всѣ любили Аттилу и Кримгильду; всѣ жили весело. Между-тѣмъ время текло, и у нихъ родился сынъ. По настоянію царицы, его крестили и назвали *Ортлибомъ* (Ortlieb.)

Когда Кримгильда убѣдилась, что всѣ подданные Аттилы готовы исполнять ея приказанія, она стала думать о томъ, какъ бы отомстить за смерть Зифрида.

«Когда бъ только заманить Хагена въ мои владѣнія, «я бы отомстила ему!» Ей часто снилось, будто братъ ея Гизелеръ ведетъ ее подъ руку и безпрестанно цалуетъ. Она стала задумываться, и часто проливала слезы тайкомъ. Долговременная и скрытная грусть питала жажду мести, и Кримгильда рѣшилась употребить всѣ возможныя средства, чтобы отомстить Хагену, и нетерпѣливо ждала минуты, когда исполнится ея пламенное и единственное желаніе. Въ одну ночь Кримгильда съ нѣжностію сказала царю:

«Милый мой государь! прошу у васъ благосклон-«ности къ моимъ друзьямъ...» Царь отвѣчалъ: «Я «охотно желалъ бы выказать мое расположеніе къ «этимъ витязямъ. (Аттила былъ въ хорошемъ распо-«ложеніи духа.) Твои друзья достойны всякой по-«хвалы!..»

«Царица продолжала: «Милый мой государь! вѣдь «вы знаете, что у меня есть знаменитые родственни-«ки? Мнѣ иногда бываетъ грустно, что я такъ давно «ихъ не видала! И люди зовутъ меня иногда инозем-«ной сироткой.»

Аттила: «Любезная жена моя! если бъ твоимъ «роднымъ дорога сюда не показалась слишкомъ дале-«кою, я бы охотно пригласилъ ихъ въ мои владѣнія.» Ахъ, какъ этотъ отвѣтъ царя обрадовалъ Кримгильду!

«Она сказала: «Когда вы хотите исполнить мое «желаніе, пошлите немедленно на берега Рейна въ «городъ Вормсъ. Извѣстимъ друзей нашихъ о нашемъ «желаніи, и они пріѣдутъ къ намъ.»

Аттила. «Пусть будетъ такъ, какъ ты хочешь. «При свиданіи съ своими родными ты будешь радо«ваться не больше меня: я давно уже хотѣлъ видѣть«ся съ знаменитыми сыновьями Уты; мнѣ досадно, «что я до сихъ поръ незнакомъ съ ними...»

Аттила тотчасъ же призвалъ къ себѣ двухъ бардо́въ Вербеля (Werbel) и Свеммеля (Swemmel), воспѣвавшихъ торжества бракосочетанія Аттилы съ Кримгильдой. Имъ повелитель Гунновъ поручилъ немедленно отправиться въ Вормсъ и пригласить Бургундскихъ королей на турниръ въ Эцеленбургъ. Кримгильда потомъ призвала пословъ къ себѣ и наединѣ наказывала имъ, чтобъ они привѣтствовали отъ ея имени всѣхъ ея родныхъ и увѣряли бы ихъ притомъ, что никто не замѣчалъ въ ней никакой тоски, или тайной горести. Сказавши посламъ, что они должны говорить Герноту, Гизелеру и Утѣ, Кримгильда прибавила: «Послушайте! если неустрашимый «Хагенъ захочетъ остаться на берегахъ Рейна, вы «скажите ему, что *только онъ* можетъ привести сюда «Бу́ргундовъ: онъ въ молодости еще узналъ дорогу «въ землю Гунновъ.»

Когда Гуннскіе барды объявили королямъ о желаніи Аттилы и Кримгильды, Гунтеръ созвалъ своихъ вассаловъ на совѣтъ по этому дѣлу. Хагенъ тайно сказалъ Гунтеру:

Хагенъ (Гунтеру). «Вы сами себѣ врагъ. Развѣ «забыли вы, что мы сдѣлали? *Мы* всегда должны «опасаться гнѣва Кримгильды: развѣ не я убилъ ея «мужа? такъ какъ же теперь намъ явиться въ царствѣ Гунновъ?»

Гунтеръ. «Моя сестра больше не сердится: она «дала мнѣ поцалуй мира... развѣ, можетъ быть, на «однаго васъ, Хагенъ, она еще сердита.»

Хагенъ... «Увѣряю васъ, если вы увидите Кримгильду, потеряете честь и жизнь: жена царя Аттилы все думаетъ о мести.»

Гернотъ. «Что вы, Хагенъ, имѣете причину бояться за свою жизнь, когда пріѣдете къ Гуннамъ, такъ и намъ туда не ѣхать и не видѣться съ «нашей сестрою? Это было бы странно!»

Гизелеръ. «Вы, господинъ Хагенъ, чувствуете себя не совсѣмъ правымъ, такъ останьтесь дома и не «мѣшайте ѣхать къ моей сестрѣ тѣмъ, кто полагается «на свою невинность!»

Хагенъ (съ бѣшенствомъ). «Нѣтъ, я поѣду съ ва-«ми! я не хочу, чтобы кто-нибудь сказалъ про меня, «что при вашемъ дворѣ есть люди достойнѣе меня «явиться при дворѣ Аттилы.»

Тутъ Румольдъ (Rumold) началъ уговаривать королей, чтобы они не ѣхали къ Аттилѣ: зачѣмъ? у нихъ всего довольно дома; зачѣмъ оставлять своихъ милыхъ женъ? Но государи оставались при прежнемъ рѣшеніи: ѣхать! Тогда Хагенъ сказалъ:

«Государи, не толкуйте моихъ словъ въ дурную «сторону; положитесь на мою всегдашнюю къ вамъ «вѣрность. Что бы ни случилось, для отвращенія опас-«ности, возьмите съ собой оружіе, отправляясь къ Гун-«намъ. Ужъ если вамъ непремѣнно хочется ѣхать, со-«берите вашихъ вассаловъ, я выберу изъ нихъ тысячу «лучшихъ воиновъ; тогда намъ будетъ нечего бояться «козней Кримгильды.»

Гунтеръ. «Хорошо! охотно послѣдую этому совѣту.»

По порученію Хагена братъ его Данквартъ приготовилъ къ походу 80 храбрыхъ рыцарей. Безстрашный Фолькеръ (Folker) съ тридцатью своими рыцарями, одѣтыми по-царски, также собрался въ дорогу.

«Кто такой былъ Фолькеръ? я скажу вамъ сейчасъ. Онъ былъ знатнаго рода; повелѣвалъ многими воинственными Бургундами, и за свое искуство и знаніе музыки прозванъ *Скрипачемъ* (Videlaer).

Собралось 3,000 вассаловъ короля Бургундскаго: Хагенъ выбралъ изъ нихъ тысячу лучшихъ воиновъ.

Между-тѣмъ пословъ Аттилы угощали великолѣпно, осыпали подарками, и старались задержать ихъ какъ можно долѣе въ Бургундіи, чтобы въ слѣдъ за ними пріѣхать къ Аттилѣ: таковъ былъ совѣтъ Хагена, чтобы Кримгильда не имѣла времени собраться съ силами для исполненія своихъ замысловъ.

Когда два барда воротились въ столицу Гуннскаго царства, Аттила очень обрадовался при вѣсти о томъ, что Бургундскіе гости скоро къ нему пріѣдутъ; а радость королевы была чрезмѣрна. Она спрашивала у бардовъ:

«Кто изъ моихъ родственниковъ пріѣдетъ сюда?..
«Что говорилъ Хагенъ на ваше предложеніе?»

«...Другіе охотно согласились ѣхать сюда; но «мрачный Хагенъ противился этому, какъ своей смер«ти. Всѣ три ваши благородные брата пріѣдутъ не«премѣнно. Я не помню и половины тѣхъ, кто еще

«будетъ съ ними; но знаю, что удалый Фолькеръ «обѣщалъ...»

Кримгильда. «Право, меня совсѣмъ не интере-«суетъ то, будетъ ли здѣсь скрипачь-витязь, или «нѣтъ? Хагена мнѣ хочется! объ немъ-то, храбромъ, «я думаю. Ахъ, если бъ онъ пріѣхалъ! какое тор-«жество для меня!»

Когда Бургундскіе короли уже совсѣмъ собра-лись въ дорогу, Ута сказала имъ:

«Добрые, храбрые мои витязи! останьтесь дома. «Я сегодня ночью видѣла страшный сонъ: будто всѣ «птицы нашей земли пали мертвыми.»

Хагенъ (угрюмо). «Кто вѣритъ снамъ, не знаетъ «путей къ славѣ! Поѣдемъ...»

Чтобъ доказать Герноту и Гизелеру, что онъ ничего не боится, Хагенъ не только рѣшился ѣхать къ Аттилѣ, но еще подстрекалъ другихъ къ этому путешествію.

Свита Бургундскихъ королей состояла изъ 10,600 отборныхъ воиновъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы и богато одѣтыхъ. Когда они уѣхали, много слезъ было пролито и въ горахъ и въ долинахъ Бургундскихъ: какое-то тягостное предчувствіе томило

всѣхъ, кого поѣздка на Кримгильдинъ турниръ разлучала съ близкими сердцу. Гунтеръ поручилъ управленіе своимъ королевствомъ Румольду; фельдмаршаломъ походныхъ войскъ избранъ Данквартъ; а путеводителемъ и начальникомъ передоваго отряда былъ Хагенъ.

На двенадцатый день пути Бургунды пріѣхали на берега Дуная. Рѣка была въ разливѣ и нигдѣ не виднѣлося никакаго судна. Въ раздумьѣ стояли Нибелунги (т. е. Бургунды): какъ переправиться на другой берегъ? Широкой полосой катились быстрыя волны Дуная. Наконецъ Хагенъ отправился вдоль берега одинъ искать перевозчика. Онъ ѣдетъ да ѣдетъ, вдругъ слышитъ — что-то плещетъ водой; прислушивается и видитъ —

«Въ прелестномъ ручьѣ бѣлыя женщины прохлаждаются, моются, какъ лебедки. Хагенъ изъ-подтишка любуется ими и подходитъ поближе. Когда онѣ замѣтили его, вдругъ исчезли, и радовались, что онъ ихъ не видитъ; но Хагенъ взялъ ихъ платья... Одна изъ русалокъ (merwip, Ундина) такъ проговорила къ витязю: «Благородный, могучій Ха-«генъ! если отдашь наши платья, мы тебѣ скажемъ, «чѣмъ окончится ваше путешествіе къ Хьюнамъ.» Какъ легкія птички онѣ передъ нимъ скользили по струйкамъ; онѣ казались ему какими-то высшими, добрыми существами, и онъ готовъ былъ вѣрить ихъ сло

вамъ. Онъ спросилъ ихъ и получилъ въ отвѣтъ: «Поѣз-«жайте съ-Богомъ въ землю Аттилы! клянусь, что ни-«когда ни въ какомъ царствѣ не было рыцарямъ столь-«ко чести, сколько будетъ вамъ; увѣряю!» Отъ этихъ словъ запрыгало съ радости сердце Хагена и онъ отдалъ имъ ихъ платья... Но когда онѣ надѣли свои чудесные покровы, тогда только сказали ему правду о путешествіи въ землю Аттилы. Другая русалка, по имени Зиглинда, такъ проговорила: «Предостере-«гаю тебя, Хагне, сынъ Альдріана: чтобъ получить «платье, тетка моя солгала тебѣ: какъ пріѣдешь къ «Хьюнамъ, обманешься въ своихъ ожиданіяхъ. Лучше «воротись назадъ! еще время. На смертный пиръ васъ «пригласили въ землю Аттилы...»

Хагенъ. «Вы безъ нужды лжете: какъ можетъ «статься, чтобъ мы всѣ погибли для удовлетворенія «мести *одной?*»

Одна изъ русалокъ. «А сбудется такъ: никто изъ «васъ не останется живъ, кромѣ королевскаго духов-«ника; это мы очень хорошо знаемъ; одинъ онъ живъ «и здоровъ воротится домой.»

Хагенъ (сердито). «Недобрыя вѣсти принесу я «своимъ государямъ, если скажу имъ, что мы всѣ по-«гибнемъ... Скажи мнѣ лучше, какъ намъ перепра-«виться черезъ Дунай?...»

Русалка. «Когда ты не хочешь слѣдовать добро-«му совѣту, поѣзжай вдоль берега до первой гостин-«ницы: тамъ есть перевощикъ, а больше нигдѣ...» Задумчиво поѣхалъ Хагенъ.

Русалка. «Хагенъ, спросите еще! вы слишкомъ «торопитесь. Послушайте, я вамъ скажу, какъ вамъ «переправиться на тотъ берегъ. Маркграфъ этихъ зе-«мель называется *Эльзе* (Else). Братъ его *Гельфрате* «(Gelfrate), государь Баварскій. Много вамъ будетъ «стоить труда переходъ черезъ его владѣнія. Смотрите, «будьте осторожны, особенно съ перевощикомъ: онъ «такой злой, что погубитъ васъ, если вы станете об-«ходиться съ нимъ нехорошо... заплатите ему... А «если онъ не скоро къ вамъ пріѣдетъ... назовитесь «Амельрихомъ (Amelrich)...»

Хагенъ, молча, поклонился русалкамъ и задумчиво поѣхалъ вдоль берега. Онъ послѣдовалъ доброму совѣту. Но когда перевощикъ, переѣхавши черезъ Дунай, увидѣлъ, что человѣкъ, который призвалъ его къ себѣ — не братъ его Амельрихъ, разсердился и сталъ бить Хагена весломъ. Хагенъ отрубилъ ему голову, самъ сѣлъ въ судно и пріѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ дожидались его товарищи. Гунтеръ и другіе воины спрашивали у Хагена, что значитъ свѣжая кровь на доскахъ судна? Хагенъ отвѣчалъ: «Я на-«шелъ этотъ корабль привязаннымъ къ ивѣ и взялъ «его.» Смѣтливый и на все искусный Хагенъ взялся

быть перевощикомъ; дѣло у него пошло быстро: въ тотъ же день все войско счастливо переправилось черезъ бурливый Дунай. Когда уже всѣ были на другомъ берегу —

«Удалый, добрый молодецъ вспомнилъ предсказаніе... Увидѣвъ королевскаго духовника, Хагенъ бросилъ его черезъ бортъ въ воду.

Напрасно многіе сердито кричали на Хагена, напрасно Гернотъ гнѣвался, Хагенъ не позволялъ священнику выйти на берегъ; и бѣдный духовникъ королевскій, выбившись совсѣмъ изъ мочи, поворотилъ назадъ и поплылъ къ другому берегу Дуная. Онъ ужъ не имѣлъ силъ держаться на водѣ; но будто какая невидимая сила его поддерживала и благополучно перенесла черезъ бурныя волны на лѣвый берегъ Дуная.

«Когда Хагенъ увидѣлъ это, понялъ, что предсказаніе русалокъ сбывается, и подумалъ: вотъ храбрые, которые скоро всѣ погибнутъ.

Потомъ Хагенъ разбилъ корабль и побросалъ обломки въ воду.

«Къ чему это, братецъ? спросилъ Данквартъ: «какъ мы опять переправимся, когда придется намъ «ѣхать назадъ изъ земли Хьюновъ на берега Рейна?.»

Фонъ Тронье Хагене сказалъ звучнымъ голосомъ: «Я поступилъ, какъ слѣдовало. Чтобъ между «нами не было такаго, который бы оставилъ насъ «въ минуту опасности; пропади онъ лучше здѣсь въ «волнахъ!»

Когда войско опять собралось въ походъ, Фолькеръ вызвался быть въ авангардѣ. Тогда Хагенъ сказалъ:

«Товарищи-витязи! будьте осторожны!.. Я вамъ «скажу странную новость: никому изъ насъ больше «не видать Бургундіи! это предсказали мнѣ сегодня «утромъ двѣ Дунайскія русалки. Скажу я вамъ, что «намъ дѣлать. Возьмите каждый свое оружіе и будь-«те осторожны: у насъ сильные враги; мы идемъ на-«встрѣчу опасности. Я хотѣлъ сдѣлать ложнымъ «предсказаніе мудрыхъ русалокъ... Я хотѣлъ утопить «королевскаго духовника, потому-что русалки пред-«сказали мнѣ, что только онъ одинъ воротится на «берега Рейна...»

Слыша эти слова, поблѣднѣлъ не одинъ герой, бывшій до того времени безстрашнымъ.

Послѣ того Хагенъ расказалъ своимъ товарищамъ, какъ онъ убилъ перевощика, и совѣтовалъ всѣмъ приготовиться отражать нападенія Эльза и Гельфрата — двухъ отважныхъ государей. «Станемъ

«итти тихо, чтобъ не подумали, будто мы ихъ боимся!» «Добрый совѣтъ! сказалъ Гизелеръ: сдѣлаемъ «такъ!»

Фолькеръ начальствовалъ авангардомъ; а фельдмаршалъ Данквартъ и братъ его суровый Хагенъ остались въ аріергардѣ. Ночью Гельфратъ и Эльзе напали на аріергардъ. При тихомъ, мирномъ свѣтѣ луны завязалась кровопролитная битва. Хагенъ схватился съ Гельфратомъ и встрѣтилъ въ маркграфѣ достойнаго соперника. Уже суровый витязь Бургундскій изнемогалъ подъ тяжкими ударами могучей руки, какъ фельдмаршалъ Данквартъ подоспѣлъ на помощь къ брату: Гельфратъ палъ отъ меча Данквартова. Эльзе былъ раненъ и бѣжалъ. 100 Баварцевъ убито въ сраженіи и только 4 Бургунда. Не раньше какъ на другой день утромъ короли и вся армія узнали о ночномъ сраженіи.

Изъ Баваріи Бургунды пришли во владѣнія архіепископа Пассаускаго Пильгрима, который встрѣтилъ ихъ съ радостію и угощалъ радушно. Но какъ обрадовался великодушный Ридигеръ, когда узналъ, что къ нему пріѣхали знаменитые гости — братья царицы Кримгильды.

Въ подлинникѣ 328 стиховъ заняты описаніемъ пребыванія Нибелунговъ (т. е. Бургундовъ) во владѣніяхъ маркграфа Пехларнскаго: какъ онъ ихъ встрѣ-

тилъ; какъ угощалъ пышными пирами, на которыхъ душою веселья былъ сильномогучій Фолькеръ; какъ дочь маркграфа, прелестная Дителинда, вышла замужъ за молодаго доблестнаго Гизелера; какъ Ридигеръ осыпалъ своихъ дорогихъ гостей богатыми подарками и блистательно праздновалъ свадьбу своей дочери. Наконецъ онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ Бургундами ко двору царя Аттилы; трогательно было прощаніе Ридигера и Гизелера съ ихъ женами — сердца стѣснялись горестью печальнаго предчувствія, и много было горячихъ слезъ, и жаркихъ поцалуевъ, и пламенныхъ объятій!

Обрадовалась Кримгильда при вѣсти, что ея родные уже пріѣхали во владѣнія ея мужа: она рѣшилась, во что бы то ни стало, непремѣнно во время турнира отомстить Хагену за смерть незабвеннаго Зифрида.

Когда Дитрихъ король Амелюнгскій (фамилія Остготскихъ королей была — Амелюнгъ, Amelung), узналъ о пріѣздѣ королей Бургундскихъ, выѣхалъ къ нимъ на-встрѣчу.

«Добро пожаловать, господа Гунтеръ и Гизелеръ,
«Гернотъ и Хагенъ и вы, Фолькеръ и Данквартъ
«(такъ говорилъ Дитрихъ): развѣ вы не знаете, что
«Кримгильда до сихъ поръ горько оплакиваетъ героя
«Нибелунгскихъ странъ?»

Хагенъ. «Можетъ плакать, сколько ей угодно! ужъ «годы прошли послѣ его смерти. Теперь она должна «любить царя Хьюновъ. Зифридъ не придетъ больше: «онъ ужъ давно въ сырой землѣ.»

Дитрихъ. «Зачѣмъ намъ толковать о смерти Зи-«фрида? Но пока жива царица Кримгильда, не обойтись «безъ бѣды. Берегись ты, подпора Нибелунговъ!

Гунтеръ. «Мнѣ чего беречься? Аттила присылалъ «къ намъ пословъ — чего жъ еще больше! Звалъ «насъ къ себѣ; и сестра моя Кримгильда также при-«слала къ намъ много ласковыхъ словъ.»

Хагенъ совѣтовалъ Гунтеру пообстоятельнѣе узнать отъ Дитриха о намѣреніяхъ Кримгильды. На вопросъ короля Дитрихъ отвѣчалъ новыми увѣреніями, что Кримгильда каждый день оплакиваетъ Зифрида и призываетъ проклятія на его убійцъ.

«То, что мы предприняли, неизбѣжно, ска-«залъ отважный Фолькеръ-Скрыпачь: намъ остается «ѣхать ко двору, а тамъ посмотримъ, что будетъ?..»

Когда Бургунды пріѣхали въ столицу Аттилы, всѣ придворные съ особеннымъ любопытствомъ смотрѣли на Хагена; всѣ говорили: «Вотъ тотъ, что убилъ «Зифрида Нидерлантскаго, самаго сильнаго изъ силь-«ныхъ, мужа королевы Кримгильды!»

«Витязь (Хагенъ) былъ высокъ ростомъ, крѣпокъ, широкъ въ плечахъ; волоса ужъ были съ просѣдью, но онъ былъ еще легокъ, проворенъ; походка его была величава, а взглядъ грозенъ.»

Бургундовъ размѣстили по разнымъ квартирамъ: нарочно, чтобы раздѣлить ихъ.

«Прелестная Кримгильда приняла Нибелунговъ... поцаловалась только съ Гизелеромъ, только ему дала руку.

Хагенъ. «Послѣ такой встрѣчи есть о чемъ при-
«задуматься: привѣтствуютъ только однаго короля...
«напрасно мы пріѣхали на этотъ праздникъ!»

Кримгильда. «Пусть васъ привѣтствуетъ, кто
«васъ охотно видитъ... Что вы мнѣ принесли изъ-за
«Рейна?»

Хагенъ. «Что это значитъ? вамъ витязи должны
«приносить подарки? Я думалъ, что вы не нуждаетесь
«въ моихъ подаркахъ...»

Кримгильда. «По крайней мѣрѣ вы дали бы мнѣ
«отчетъ, куда вы дѣвали сокровища Нибелунговъ?
«Они вѣдь моя собственность: вамъ это хорошо извѣ-
«стно. Эти сокровища вы должны бы привезти мнѣ
«сюда.»

Хагенъ. «Государыня Кримгильда! ужъ я давно «не храню этихъ богатствъ: государи мои приказали «бросить ихъ въ Рейнъ; тамъ пролежатъ они до страш-«наго суда!»

Кримгильда. «Я объ нихъ вспоминала... также «какъ и о томъ, кто владѣлъ ими... и это наводило на «меня много грусти... теперь бы вамъ немного оста-«лось принести...»

Хагенъ. «Я приношу вамъ чорта! Не довольно ли «съ меня нести этотъ щитъ, мою крѣпкую броню, мой «блестящій шлемъ и мой острый мечь? Но все это не «для васъ!»

Кримгильда. «Клянусь жизнію, я говорила не съ «тѣмъ, чтобы получать мнѣ золото: у меня его до-«вольно! но одно убійство и два похищенія, которыя «я, бѣдная королева, должна оплакивать... о, въ «этомъ хотѣлось бы мнѣ получить удовлетвореніе!»

«Она съ презрѣніемъ отворотилась отъ Хагена.

Послѣ того Кримгильда предложила витязямъ снять вооруженія; но Хагенъ объявилъ, что онъ этаго не сдѣлаетъ; Гунтеръ тоже не думалъ оставаться безъ латъ и меча. Досада и огорченіе Кримгильды были чрезмѣрны.

Отъ царицы короли Бургундскіе пошли къ Аттилѣ; а Хагенъ вмѣстѣ съ Фолькеромъ, своимъ братомъ по оружію, вышли на дворъ и сѣли на скамейкѣ противъ оконъ Кримгильдиной залы. Ихъ воинственный видъ и богатое вооруженіе возбуждали вниманіе всѣхъ, кто ихъ видѣлъ. И Кримгильда увидѣла ихъ изъ своего окна, и вся наполнилась пожирающею горестью. Она печально сказала окружавшимъ ее:

«Вѣрные мои слуги! Хагенъ причиною моей горести!..»

1000 Хьюновъ поклялись отомстить за нее Хагену. Въ сопровожденіи 1000 вооруженныхъ своихъ мстителей Кримгильда сходитъ съ крыльца на дворъ. Видя это, Фолькеръ сказалъ Хагену:

«Посмотри! къ намъ идетъ та, которая коварно «пригласила насъ въ свое королевство; никогда не «случалось мнѣ видѣть вокругъ дамы столько воиновъ «съ мечами въ рукахъ, съ желаніемъ битвы во взо«рѣ!.. Должно быть, Кримгильда замышляетъ что«нибудь противъ тебя!..»

Хагенъ... «Хорошо знаю я, что для меня несутъ «они сверкающее оружіе! Впрочемъ, другъ Фолькеръ, «почему бы мнѣ не проложить между ними себѣ доро«ги для возвращенія на берега Рейна?.. Хочешь ли по«могать мнѣ, когда они нападутъ на меня?..»

Фолькеръ обѣщалъ Хагену не оставлять его ни въ какой опасности; потомъ сказалъ:

«Ну, вотъ она! встанемъ; она дама, королева, «отдадимъ ей честь; пусть-себѣ проходитъ съ своею «свитой!»

Хагенъ. «Нѣтъ! Хьюны подумаютъ, что мы ихъ «испугались. Нѣтъ, я не встану ни передъ кѣмъ изъ «нихъ!..» Окончаніе обѣщано. Редак.

Примѣчанія.

1. Слово Эдда на Скандинавскомъ языкѣ означаетъ — поэзія. Подъ этимъ именемъ извѣстны два сборника религіозныхъ преданій Норманскихъ: первый, состоящій изъ нѣсколькихъ стихотвореній, приписывается Сэмунду и называется эддой Сэмундовой или Старой; другой новѣйшій сборникъ, въ прозѣ, приписываютъ Снорро и называютъ Снорроновой или Новой Эддой.

2. Асами въ Эддѣ называются боги (As).

3. Знатнѣйшіе Германцы — конунги и герцоги назывались адалингами или эделингами, т. е. именитыми.

4. Слово Валькирія значитъ избирательница. По Скандинавской миѳологіи это были существа ниже асовъ, но, подобно имъ, жительницы неба. Онѣ необыкновенно сильны и восхитительно прелестны. Обязанность ихъ состояла въ томъ, чтобъ между павшими въ битвѣ выбирать храбрѣйшихъ и препровождать ихъ въ вальгаллу (домъ избранныхъ) бога войны Одина.

АСТРОНОМІЯ.

О ПЕРЕМѢННЫХЪ ЗВѢЗДАХЪ.

Кто изъ насъ не любовался въ тихій весенній или осенній вечеръ прекрасными звѣздами, горящими различными огнями на сводѣ небесномъ? Но, можетъ быть, нѣкоторымъ мало извѣстно, что многія изъ звѣздъ по временамъ тускнѣютъ, а иныя и совсѣмъ на-время померкаютъ, чтобы въ-послѣдствіи опять явиться въ прежнемъ своемъ блескѣ. Пусть наши читатели достанутъ себѣ хотя небольшія небесныя карты и найдутъ съ ихъ помощію созвѣздія Кита, Орла, Персея, Пеѳея, Лебедя и другія; особенно легко будетъ найти Удивительную-звѣзду въ Китѣ (Mira, Mirabilis o Ceti) помощію самой посредственной трубы или даже простыми глазами; тогда можно будетъ преслѣдовать за ея свѣтоизмѣненіями, которыя доставятъ случай къ наблюденіямъ удобнымъ и занимательнымъ. Отъ чего зависятъ чудныя эти свѣтоизмѣненія? Объ этомъ мы скажемъ нѣсколько словъ въ-

послѣдствіи; а сперва представимъ нашимъ читателямъ факты, въ справедливости которыхъ они сами могутъ легко удостовѣриться.

Перемѣнными звѣздами называются тѣ, которыхъ свѣтъ не остается постоянно тѣмъ же, но подлежитъ болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ; иногда сіяютъ онѣ съ большою яркостію, а иногда такъ слабо, что не бываетъ никакаго сравненія съ прежнимъ ихъ блескомъ; при всѣхъ этихъ видоизмѣненіяхъ онѣ неподвижно остаются на однѣхъ и тѣхъ же мѣстахъ неба. Перемѣнныя звѣзды принадлежатъ къ весьма любопытнымъ, но мало изслѣдованнымъ предметамъ Астрономіи, и потому тѣмъ драгоцѣннѣе должны быть для насъ послѣдніе труды Аргеландера. Этотъ знаменитый астрономъ, прославившій Абовскую и Гельсингфорскую обсерваторіи, находится теперь въ Бонѣ, гдѣ тоже щедротами Прусскаго правительства воздвигается хорошая обсерваторія; въ ожиданіи ея окончанія Аргеландеръ безъ всякихъ почти средствъ совершилъ двѣ очень важныя работы: 1-е) полный каталогъ всѣхъ видимыхъ простыми глазами звѣздъ, въ которомъ точнѣйшимъ образомъ показаны *величины* этихъ звѣздъ, или различныя степени ихъ свѣта; и 2-е) опредѣленіе періодовъ свѣтоизмѣненія нѣкоторыхъ изъ перемѣнныхъ звѣздъ; этотъ послѣдній трудъ соединяется съ первымъ и служитъ ему дополненіемъ. Мы здѣсь намѣрены представить нашимъ читателямъ результаты этаго труда и вмѣстѣ

съ тѣмъ сообщить замѣчанія о томъ, что уже было сдѣлано другими астрономами.

Вѣроятно, что къ перемѣннымъ звѣздамъ принадлежитъ большая часть неподвижныхъ звѣздъ; та, которая по чрезвычайнымъ своимъ свѣтоизмѣненіямъ прежде всѣхъ обратила на себя вниманіе, находится въ созвѣздіи Кита (o Ceti), и которую еще Гевелій назвалъ *Удивительною* (Mira, Mirabilis); это имя—Mira сохраняетъ она и понынѣ во всѣхъ астрономическихъ сочиненіяхъ. Въ первый разъ кажется упоминаетъ объ этой звѣздѣ Кеплеръ (*); онъ говоритъ, что Давидъ Фабрицій, астрономъ XVI-го вѣка, доставилъ Тиго-де-Брагу наблюденія надъ разстояніями планеты Меркурія отъ такой звѣзды Кита, которую послѣ нельзя уже было отыскать. Безъ сомнѣнія это была *Удивительная-звѣзда*—Mira, которая, окончивши періодъ своей лучезарности, на-время померкла. Въ самомъ дѣлѣ она бываетъ видима только въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ, и 7-мь мѣсяцевъ остается невидима, по прошествіи которыхъ опять начинаетъ появляться.

Въ своемъ наибольшемъ блескѣ достигаетъ эта звѣзда 3-й или 4-й величины, и весьма рѣдко бываетъ значительно болѣе 2-й; Шведскій астрономъ Варгентинъ увѣряетъ однако, что онъ видѣлъ ее въ Октябрѣ и Ноябрѣ 1779 года сіявшею столь же

* Paralipom. ad Vittel.; Astronomiae pars Optica, Francf., 1604, pag. 446.

ярко, какъ Альдебаранъ (a Tauri), одна изъ блестящихъ звѣздъ 1-й величины; В. Гершель и Боде наблюдали ее въ то же самое время, и говорятъ по крайней мѣрѣ, что они нашли ее ярче, нежели звѣзды 2-й величины α и β Кита.

Сомнительно, чтобы одинакія напряженія свѣта нашей звѣзды постоянно возвращались черезъ опредѣленные періоды времени; впрочемъ объ этомъ мы еще ничего положительнаго не знаемъ. Давно уже замѣчено, что *Mira* бываетъ очень худо видна, когда время ея появленія случается въ Апрѣлѣ, Маѣ, Іюнѣ и Іюлѣ мѣсяцахъ; но это естественно и ничего чрезвычайнаго не представляетъ; ибо тогда бываетъ звѣзда близко къ солнцу и теряется въ свѣтѣ вечерней и утренней зари. Посему не удивительно, что случалось ее не видать въ продолженіи многихъ лѣтъ, напр. между 1763 и 1766, также между 1773 и 1776 и проч.; по этому также видалъ ее Боде необыкновенно слабою отъ 1803 до 1806 года; подобныя обстоятельства должны происходить почти черезъ каждые 7 или 8 лѣтъ.

Извѣстно, что неподвижныя звѣзды сіяютъ разноцвѣтными огнями; немного нужно наблюдательности, чтобъ усмотрѣть, напримѣръ, красноватый цвѣтъ Альдебарана, бѣлый цвѣтъ Сиріуса и т. п. Наша звѣзда, столь удивительная по своимъ свѣтоизмѣненіямъ, не менѣе замѣчательна и по ея цвѣту. Въ

старинное время, когда она бывала особенно блестящею, видѣлъ ее Гевелій бѣлаго цвѣта, напротивъ Боде и Воргентинъ находили ее красноватою черезъ Доллондовы трубы. Этотъ цвѣтъ она сохранила и понынѣ; даже въ то время, когда Mira бываетъ едва замѣтною, Струве могъ еще отличать красной цвѣтъ ея. Превосходная труба, которою Струве пользовался, и особенно великая его опытность удостовѣряютъ несомнѣнно, что эта звѣзда въ наше время имѣетъ явственный красноватый отливъ; была ли и прежде она такъ же окрашена, или цвѣтъ изъ бѣлаго перемѣнился въ красный, это трудно рѣшить. Здѣсь мы должны замѣтить, что не всѣ люди одинаково способны воспринимать слабые отливы цвѣтовъ; есть многіе отличные наблюдатели, которые видятъ звѣзды въ одинакомъ цвѣтѣ; сверхъ того при наблюденіяхъ подобнаго рода много зависитъ отъ трубъ, въ которыя смотрятъ, высоты звѣзды надъ горизонтомъ и спокойствія воздуха; если свѣтило стоитъ очень низко и его изображенія дурны отъ трепетанія воздуха, если трубы не хороши (не ахроматическія), то и самые бѣлые предметы покажутся окрашенными; въ этомъ отношеніи особенно погрѣшали старинныя трубы. Впрочемъ нѣтъ никакой невозможности, чтобъ самый цвѣтъ не измѣнялся; извѣстно, что въ древности не только поэты, но также Птоломей и Сенека называли Сиріусъ краснымъ, Rubra Canicula, а теперь онъ совершенно бѣлъ.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи, кромѣ Боде, занимался еще звѣздою Mira ceti профессоръ Вурмъ; въ особенности же важны новѣйшіе труды Аргеландера. Въ прошломъ 1840-мъ году окончилъ онъ какъ надъ этою звѣздою, такъ и надъ многими другими перемѣнными звѣздами отличный рядъ наблюденій; онъ ихъ уже вычислилъ, и вывелъ замѣчательные результаты.

Іюля 23-го 1840-го года, по новому стилю, была Mira совершенно не видна; даже 29-го Іюля черезъ полтора часа по полуночи Аргеландеръ не могъ еще замѣтить этой звѣзды ни просто глазами, ни лорньетомъ; въ трубѣ кометоискателя она едва представлялась маленькою звѣздочкою 6-й или 7-й величины; 6-го Августа она начала быть видима простыми глазами, 13-го была уже весьма явственна, и съ этаго времени блескъ ея увеличивался болѣе и болѣе; между 30-мъ Сентября и 7 Октября онъ сдѣлался самымъ яркимъ, и тогда можно было сравнить звѣзду Mira съ звѣздою 3-й величины α Рыбъ; потомъ она начала мало по малу тускнѣть. Въ 8-мь часовъ вечера 25-го Ноября она опять сдѣлалась едва замѣтною простымъ глазамъ, и 27-го Ноября сдѣлалась для невооруженнаго глаза совершенно невидимою. Сравнивая эти наблюденія съ наблюденіями предшествовавшаго 1839-го года, открывается весьма замѣчательное явленіе: время наибольшаго блеска звѣзды въ 1840-мъ году было только не много ранѣе, неже-

ли въ 1839-мъ году, между-тѣмъ какъ по прежнимъ наблюденіямъ періодъ свѣтоизмѣненій есть 11-ть мѣсяцевъ, и слѣдовательно эпоха наибольшаго блеска должна бы была случиться въ 1840-мъ году цѣлымъ мѣсяцемъ ранѣе, нежели въ 1839-мъ; это очевидно показываетъ большое неравенство въ періодѣ свѣтоизмѣненій. Сверхъ того самая послѣдовательность этихъ измѣненій была различна въ послѣднихъ двухъ годахъ; въ 1839-мъ году звѣзда вдвое быстрѣе возрастала въ яркости своего свѣта, нежели тускнѣла; напротивъ въ 1840-мъ году уменьшеніе свѣта происходило почти быстрѣе, нежели возрастаніе, и въ этомъ году болѣе времени протекло при постепенномъ усиленіи свѣта звѣзды отъ 6-й до 3-й величины, нежели въ предшествовавшемъ году при возвышеніи яркости звѣзды отъ 6-й величины до 2-й; время между эпохою наибольшаго блеска звѣзды и временемъ ея исчезанія было впрочемъ почти одинаково въ 1839-мъ и 1840-мъ годахъ. Объ этихъ большихъ неравенствахъ мы долго еще не будемъ знать ничего опредѣленнаго, и чтобы имѣть объ нихъ хотя нѣсколько ясныя понятія, необходимо произвести надъ этою удивительною звѣздою продолжительный рядъ наблюденій.

После Удивительной звѣзды въ Китѣ замѣчательна еще звѣзда въ Лебедѣ, имѣющая свѣтоизмѣненія, подобныя свѣтоизмѣненіямъ звѣзды Mira; она была предметомъ многихъ важныхъ изысканій Ольберса, и должно сожалѣть, что послѣ сего знамени-

таго астронома никто еще не обращалъ много вниманія на эту звѣзду; малый ея блескъ и множество мелкихъ звѣздъ, которыми она окружена, дѣлаютъ отысканіе ея и наблюденіе нѣсколько затруднительными для мало-знакомыхъ съ звѣзднымъ небомъ.

Перемѣнная эта звѣзда почти вдвое скорѣе возрастаетъ въ своемъ свѣтѣ, нежели его теряетъ; въ наибольшемъ блескѣ она не всегда имѣетъ одну и ту же величину; тогда часто она бываетъ мало чѣмъ больше 7-й величины, за то иногда достигаетъ даже 4-й величины; но большею частію въ наибольшемъ блескѣ она кажется звѣздою 5-й или 6-й величины. Помощію хорошихъ даже трубъ она не можетъ быть болѣе 6-ти мѣсяцевъ наблюдаема, въ теченіе же другихъ 7-ми мѣсяцевъ остается совершенно невидимою. Подобно тому, что мы говорили о неравенствѣ періодовъ звѣзды Mira, и здѣсь также періодъ свѣтоизмѣненій не есть постоянный; длина этаго періода съ 1687-го года по нынѣшнее время безпрестанно увеличивается, и среднимъ числомъ приходится прибавки по 2½ дня на каждый періодъ; сверхъ того онъ еще подлежитъ различнымъ частнымъ неправильностямъ, такъ-что звѣзда показывается въ наибольшемъ блескѣ 3-мя или 4-мя недѣлями то раньше, то позднѣе, нежели бы ожидать можно было при среднемъ равномѣрномъ ходѣ.

Другаго рода перемѣнныя звѣзды суть тѣ, кои никогда не исчезаютъ. Замѣчательнѣйшая изъ таковыхъ звѣздъ по величинѣ свѣтоизмѣненій есть безъ сомнѣнія Альголь или β Персея; эта звѣзда была уже много разъ наблюдаема, въ особенности же Вурмомъ. Перемѣны ея могутъ быть хорошо замѣчаемы даже простыми глазами. Аргеландеръ наблюдалъ ее нѣсколько разъ въ наименьшемъ блескѣ; она тогда получаетъ свѣтъ средній между тѣмъ, какой имѣютъ звѣзды 3-й и 4-й величины; въ наибольшемъ блескѣ она достигаетъ почти 2-й величины; періодъ ея свѣтоизмѣненій составляютъ 2 дня 20 часовъ и 49 минутъ; она остается въ слабѣйшемъ блескѣ только около четверти часа, потомъ блескъ ея опять возрастаетъ, пока не достигнетъ наибольшей своей яркости. Аргеландеръ подозрѣваетъ, что періоды Альголя подлежатъ нѣкоторымъ неравенствамъ. Чрезвычайно быстрыя свѣтоизмѣненія этой звѣзды дѣлаютъ ее весьма поразительною не только для астрономовъ, но также и вообще для всѣхъ внимательныхъ людей, которые нѣсколько знакомы съ звѣзднымъ небомъ; самыя наблюденія становятся черезъ то легкими и занимательными.

Перемѣнная звѣзда Антиной (η Aquilae) была также предметомъ изслѣдованій Аргеландера въ 1840 году. Измѣняемость ея открыта Пиготтомъ, который вмѣстѣ съ Гудрикомъ еще въ 1784 и 1785 годахъ произвелъ въ Іоркѣ большой рядъ наблюденій. Не менѣе замѣчательны занятія Вурма и Вестфаля; и хотя

въ сочиненіяхъ сего последняго находятся некоторыя погрешности, однако жъ онѣ тоже могутъ быть при надлежащей критикѣ приняты въ расчетъ. Изъ собственныхъ своихъ наблюденій и сравненія ихъ съ наблюденіями предшественниковъ Аргеландеръ разрѣшаетъ вопросы о ходѣ свѣтоизмѣненій въ теченіе одного періода и о времени, когда звѣзда бываетъ въ наибольшемъ блескѣ. Около 10½ часовъ вечера 15-го Іюля въ Бонѣ звѣзда имѣла весьма слабый свѣтъ; сравнивая ее съ близлежащими постоянными звѣздами, Аргеландеръ нашелъ, что она тогда была немного болѣе 5-й величины, такъ-что въ слабѣйшемъ блескѣ можно ее полагать 5-й величины; въ наибольшемъ она достигаетъ почти 3-й величины, и ближе къ 3-й, нежели къ 4-й; посему свѣтоизмѣненія Антиноя несравненно меньше, нежели свѣтоизмѣненія Альголя. Весьма было бы трудно найти наибольшій блескъ звѣзды прямо изъ соотвѣтствующихъ одному періоду непосредственныхъ наблюденій; ибо рѣдко случится наблюдать звѣзду именно въ самый моментъ наибольшаго ея блеска; посему Аргеландеръ выводилъ это время изъ наблюденій предшествовавшаго и послѣдующаго дня, расчитывая при томъ, что свѣтъ звѣзды вдвое быстрѣе достигаетъ отъ наименьшей до самой большей своей величины, нежели отъ сильнѣйшаго блеска опускается до слабѣйшаго, какъ это изъ наблюденій всѣхъ астрономовъ слѣдуетъ. Такимъ образомъ Аргеландеръ съ точностію опредѣлилъ, что наибольшій свѣтъ Антиноя былъ въ Бонѣ 5-го Октября

1840-го года въ 2 часа 45′ средняго солнечнаго времени по полудни, слабѣйшій же блескъ 3-го Октября въ 7 часовъ 43′ по полуночи; величина полнаго однаго періода свѣтоизмѣненій есть 7 дней 4 часа и 14 минутъ. Достойно вниманія, что свѣтоизмѣненія Антиноя совершаются съ большою правильностію и не подлежатъ замѣтнымъ неравенствамъ.

Аргеландеромъ изслѣдованы еще β Лиры и δ Цефея; свѣтоизмѣненія этихъ двухъ звѣздъ заключены въ довольно тѣсныхъ предѣлахъ; онѣ не достигаютъ 3-й величины и всегда болѣе 5-й величины. Аргеландеръ нашелъ, что β Лиры была въ 1840-мъ году въ наибольшемъ блескѣ въ 2 часа 21′ по полуночи; въ наименьшемъ 16-го Октября въ 2 часа 42′ по полуночи; сравнивая свои наблюденія съ старинными наблюденіями Гудрика и Вестфаля, Аргеландеръ приблизительно принимаетъ за полный періодъ свѣтоизмѣненій β Лиры 6 дней 10 час. 35′. Возрастаніе свѣта этой звѣзды почти столь же долго продолжается, какъ и уменьшеніе его; напротивъ свѣтъ звѣзды δ Цефея въ два съ половиною раза скорѣе ослабѣваетъ, нежели возрастаетъ; въ наибольшемъ блескѣ звѣзда δ Цефея была въ 1840 году 3-го Ноября въ 9 ч. 0′ по полуночи; полный періодъ ея свѣтоизмѣненій продолжается 5 дней 8 ч. 47′ 33″.

Кромѣ этихъ есть много другихъ перемѣнныхъ звѣздъ, болѣе или менѣе изслѣдованныхъ; ихъ счи-

таютъ не менѣе двадцати, но мы не будемъ говорить объ нихъ, боясь наскучить читателямъ изложеніемъ однихъ сухихъ фактовъ; предложенное нами впрочемъ достаточно для того, чтобъ имѣть надлежащія понятія объ томъ, что знаютъ объ перемѣнныхъ звѣздахъ. Вообще можно раздѣлить перемѣнныя звѣзды на многіе различные роды, изъ которыхъ мы разсмотрѣли два:

1) Звѣзды, періодически возвращающіяся, которыя, посіявши нѣсколько времени, на-время исчезаютъ и потомъ опять появляются; мы знаемъ 6-ть таковыхъ; онѣ суть: Удивительная звѣзда Кита (o Ceti, Mira), $\varkappa$ Лебедя, Перемѣнная Гидры, 50-я Вѣнца (по росписи Боде), 420-я Льва, по Майеру, и перемѣнная звѣзда Гардинга въ созвѣздіи Дѣвы. Этотъ классъ вѣроятно увеличится еще многими подобными звѣздами.

2) Звѣзды, которыя никогда не исчезаютъ, но имѣютъ свѣтоизмѣненія, заключенныя въ болѣе или менѣе тѣсныхъ предѣлахъ; таковы: Альголь, β Лиры, Антиной, ρ Цефея, α Геркулеса и многія другія.

3) Есть еще звѣзды, которыя были нѣкогда перемѣнными, но теперь имѣютъ свѣтъ постоянный; такова звѣзда P на груди Лебедя; звѣзда при № 53 въ созвѣздіи Дѣвы и прочія.

4) Напротивъ есть еще такія, которыхъ свѣтъ до сихъ поръ безпрестанно возрастаетъ или безпрестанно уменьшается; весьма вѣроятно, что α Дракона, δ Малой Медвѣдицы, β Орла сіяли нѣкогда ярче, нежели теперь, и напротивъ σ Стрѣльца, ε Пегаса были прежде слабѣе, а теперь имѣютъ свѣтъ болѣе сильный.

Можетъ быть, къ перемѣннымъ же звѣздамъ отнести должно тѣ поразительныя звѣзды, которыя были видны на небѣ только однажды въ продолженіе болѣе или менѣе короткаго времени; онѣ неподвижно сохраняли свое мѣсто на сводѣ небесномъ, и, исчезнувши, уже послѣ вовсе не показывались. Мы знаемъ съ достовѣрностію три такихъ звѣзды — и именно: знаменитую звѣзду 1572 года, замѣченную Тиго де Брагомъ въ Кассіопеѣ; звѣзду, найденную 1604-го въ ногѣ Змѣеносца, и звѣзду 1670 года въ главѣ Лебедя. Нѣкоторые историки увѣряютъ, что въ старинныхъ лѣтописяхъ будто бы упоминается о прежнихъ появленіяхъ звѣзды 1572; но это подлежитъ большому сомнѣнію. Впрочемъ нѣтъ никакой надобности въ такихъ историческихъ показаніяхъ для того, чтобъ имѣть право причитать эти звѣзды къ классу перемѣнныхъ звѣздъ; если могутъ быть періоды въ 11-ть и 13-ть мѣсяцевъ, то почему не могутъ быть звѣзды, которыхъ періоды свѣтоизмѣненій обнимаютъ многіе годы, пожалуй многія тысящелѣтія. Понятія о пространствѣ и времени суть чисто отно-

сительныя; есть существа, для которыхъ одинъ нашъ годъ есть цѣлая вѣчность и наша одна верста—цѣлая безпредѣльность.

Если теперь спросятъ, отъ чего происходятъ свѣтоизмѣненія въ перемѣнныхъ звѣздахъ, то на этотъ вопросъ нельзя иначе отвѣчать, какъ только догадками; предположеніе, будто бы временная потеря блеска зависитъ отъ того, что нѣкоторыя большія темныя тѣла вращаются около звѣздъ, подобно тому какъ планеты около солнца, и, становясь иногда между земнымъ наблюдателемъ и звѣздою, заслоняютъ эту послѣднюю, кажется намъ менѣе вѣроятнымъ, нежели предположеніе, которое мы тотчасъ хотимъ изложить.

Всѣ тѣла небесныя, которыя по ихъ близости къ намъ могутъ быть подробнѣе разсмотрѣны, имѣютъ кромѣ поступательнаго еще и вращательное движеніе; мы знаемъ также, что звѣзды суть самосвѣтящіяся тѣла, подобныя нашему солнцу. Весьма вѣроятно, что звѣзды, точно какъ и солнце, вращаются съ различными скоростями на своихъ осяхъ и имѣютъ различной величины темныя пятна; у нѣкоторыхъ изъ звѣздъ эти пятна, можетъ быть, столь же малы, какъ у нашего солнца, напротивъ у другихъ могутъ быть пятна несравненно бо̀льшія, такъ-что у этихъ свѣтилъ темныя части поверхностей занимаютъ болѣе или менѣе значительную часть всей поверхности и

сверхъ того у разныхъ звѣздъ распредѣлены различнымъ образомъ. Когда звѣзды эти обращаются къ намъ свѣтлыми своими сторонами, тогда показываются онѣ въ наибольшемъ блескѣ; если же онѣ бываютъ обращены къ намъ сторонами, на которыхъ находятся большія темныя пятна, то звѣзды явятся намъ или очень слабыми или даже по малости свѣта совершенно сдѣлаются въ нашихъ обыкновенныхъ трубахъ незамѣтными. Объясненіе это столь просто и естественно, что противъ него нельзя ничего сказать, хотя и трудно дать полный отчетъ во всѣхъ явленіяхъ, представляемыхъ перемѣнными звѣздами. Отъ чего зависятъ неравенства въ періодахъ свѣтоизмѣненія? отъ движенія ли темныхъ пятенъ на свѣтлой поверхности звѣздъ, или отъ большихъ и быстрыхъ неравенствъ вращательнаго движенія этихъ свѣтилъ? объ этомъ мы ничего положительнаго не знаемъ. Что нѣкоторыя звѣзды быстрѣе возрастаютъ въ своемъ свѣтѣ, нежели его теряютъ, или, наоборотъ, скорѣе тускнѣютъ, нежели увеличиваются въ своемъ блескѣ, это вѣроятно зависитъ отъ положенія вращательной оси звѣздъ и отъ различнаго разпредѣленія темныхъ пятенъ на ихъ поверхности въ отношеніи къ глазу земнаго наблюдателя. Здѣсь мы должны остановиться: люди слишкомъ слабы, чтобы приподнять и малѣйшій уголокъ завѣсы, скрывающей отъ насъ устройство столь удаленныхъ тѣлъ.

А. С--чь.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О СОВРЕМЕННИКѢ ВЪ 1842 ГОДУ.

Редакція Современника и въ 1842 году будетъ продолжать изданіе своего журнала. Русская литература видимо получаетъ направленіе болѣе ученое и серьёзное. Строгая отчетливость и положительныя истины обработываются по всѣмъ отраслямъ вѣдѣнія. Въ такую эпоху умственной дѣятельности журналы преимущественно полезны. Они даютъ гласность успѣхамъ и способствуютъ правильному развитію наукъ. Сколько бы ни разнообразны были мнѣнія журналовъ, они скорѣе наведутъ на прямую истину, нежели изслѣдованія одностороннія.

Современникъ, съ самаго основанія своего Пушкинымъ, до сихъ поръ, въ теченіе шести лѣтъ, сохраняетъ характеръ безпристрастія и спокойствія. Его Редакція строго будетъ поддерживать этотъ характеръ въ журналѣ своемъ. Въ нашъ вѣкъ на литературу не смотрятъ уже какъ на забаву или отдохновеніе. Она выражаетъ духовную жизнь націи.

Въ ней отпечатлѣвается физіономія мыслящихъ современниковъ. Ея памятники будутъ первыми руководителями будущихъ историковъ. Такимъ образомъ и журналъ, какъ посредникъ между сословіемъ творящимъ и сословіемъ ожидающимъ блага трудовъ, обязанъ возвышать между ними голосъ свой съ достоинствомъ и честію.

Читатели Современника конечно не найдутъ противорѣчія между изложенными здѣсь мыслями и дѣйствіями Редакціи. Ученые и литераторы, участвующіе въ составленіи сего журнала, вполнѣ раздѣляютъ образъ мыслей Редакціи. И такъ она ни малѣйшаго не находитъ побужденія къ какой-нибудь перемѣнѣ въ направленіи журнала.

Что касается до времени его выхода и условій подписки, все остается также на прежнемъ основаніи. № 1 раздаваться будетъ 1 Января 1842 года. Другіе томы черезъ каждые три мѣсяца. Подписка принимается: 1) у Издателя Д. С. С. Петра Александровича Плетнева, на В. О., въ Университетѣ; 2) у книгопродавца Юнгмейстера, и 3) въ Газетной Экспедиціи С. п. бургскаго Почтамта. Цѣна за годовое изданіе въ С. п. бургѣ 25 р. ас. (или 7 р. 15 к. сер.), а съ пересылкою на домъ, какъ и въ другіе города въ Россіи 30 р. ас. (или 8 р. 60 к. сер.).

МОРОВАЯ ЯЗВА ВЪ МИЛАНѢ ВЪ 1630 ГОДУ *.

Переводъ съ Итальянскаго.

Опасеніе Комитета Народнаго Здравія, чтобы Нѣмецкія войска не занесли чумы въ Миланскую область, оправдалось, какъ извѣстно; знаемъ также, что зараза здѣсь не остановилась, но обошла и опустошила значительную часть Италіи. Держась нити нашего повѣствованія, мы приступаемъ теперь къ расказу главныхъ событій этаго бѣдствія. Разумѣется, мы займемся только Миланскою областью, или даже почти исключительно однимъ Миланомъ: имъ ограничиваются и самыя лѣтописи того времени, какъ большею

* Это любопытное описаніе занимаетъ двѣ главы, XXXI-ю и XXXII-ю, въ извѣстномъ всей Европѣ романѣ Манзони: *Обрученные* (I Promessi Sposi); но оно составляетъ само по себѣ какъ бы отдѣльное цѣлое, почему и помѣщается здѣсь въ видѣ особой совсѣмъ статьи.

частію водится всегда и вездѣ по разнымъ причинамъ. Цѣль наша въ семъ расказѣ—не только изобразить положеніе дѣйствующихъ лицъ, но и представить, какъ можно короче и, по нашимъ силамъ, лучше, эпоху отечественной исторіи болѣе знаменитую, нежели извѣстную.

Во множествѣ современныхъ сказаній нѣтъ ни однаго, которое бы содержало въ себѣ сколько-нибудь полное и связное описаніе того времени; за то каждое изъ нихъ служитъ пособіемъ къ составленію такаго описанія. Во всѣхъ лѣтописяхъ — не исключая даже Рипамонтьевской, которая далеко превосходитъ прочія какъ по обилію и выбору фактовъ, такъ и по способу воззрѣнія на нихъ — во всѣхъ пропущены то одни, то другія важныя событія; во всѣхъ встрѣчаются ошибки. Эти неисправности можно отыскать и поправить не иначе, какъ прибѣгнувъ или къ какой-либо другой лѣтописи, или къ немногимъ правительственнымъ актамъ, дошедшимъ до насъ, частію изданнымъ, частію неизданнымъ. Нерѣдко въ одной лѣтописи открываются причины, коихъ дѣйствія являлись совершенно безотчетно въ другой. Наконецъ во всѣхъ господствуетъ странное смѣшеніе временъ и происшествій; какое-то безпрерывное, какъ будто случайное движеніе во всѣ стороны, безъ всякаго плана въ цѣломъ и въ частяхъ. Впрочемъ таковъ общій и отличительный характеръ книгъ того вѣка, особенно писанныхъ на языкѣ общенародномъ, по

крайней мѣрѣ въ Италіи. Было ли то же и въ остальной Европѣ? Это должны знать ученые, а мы подозрѣваемъ, что было. Ни одинъ изъ позднѣйшихъ писателей не взялъ на себя труда пересмотрѣть и сличить эти лѣтописи, чтобъ извлечь изъ нихъ стройный рядъ происшествій, исторію чумы. Отъ того свѣдѣнія о сей эпохѣ непремѣнно должны быть вообще неопредѣленны и запутанны; это лишь темное понятіе о великихъ бѣдствіяхъ и великихъ заблужденіяхъ (подлинно тѣ и другія далеко превосходятъ все, что только можно вообразить себѣ), понятіе, основанное болѣе на догадкахъ, нежели на фактахъ. Извѣстны только нѣкоторыя разбросанныя событія, безъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя наиболѣе характеризуютъ ихъ; безъ различія времени, т. е. безъ сознанія причинъ, дѣйствій и постепеннаго развитія дѣлъ. Мы съ своей стороны пересмотрѣли и сравнили съ крайнымъ тщаніемъ, если не съ умѣніемъ, всѣ печатныя и нѣкоторыя рукописныя сказанія, также многіе (въ отношеніи къ малому числу остающихся) такъ называемые оффиціальные документы, и постарались составить изъ всего этаго если не то, что нужно, такъ по крайней мѣрѣ нѣчто новое. Не станемъ приводить всѣхъ публичныхъ актовъ, ни даже всѣхъ событій, заслуживающихъ вниманія. Еще менѣе предполагаемъ сдѣлать безполезнымъ чтеніе подлинныхъ лѣтописей тому, кто пожелаетъ узнать дѣла во всей полнотѣ: слишкомъ хорошо чувствуемъ, какая самобытная, живая и, такъ сказать, несообщимая сила

проникаетъ всегда сочиненія этаго рода, какъ ни дуренъ планъ ихъ. Мы попытались только отыскать и опредѣлить самые общіе и рѣзкіе факты, размѣстить ихъ, сколько позволяло самое ихъ свойство, въ томъ порядкѣ, какъ они одинъ за другимъ слѣдовали; открыть ихъ взаимное отношеніе, и представить такимъ образомъ, въ ожиданіи искуснѣйшаго пера, краткое, но добросовѣстное и связное изображеніе народнаго бѣдствія.

По всей полосѣ земли, гдѣ проходило войско, попадались мертвыя тѣла то въ домахъ, то на улицахъ. Скоро между жителями разныхъ областей не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя семейства начали занемогать и умирали отъ жестокой, странной болѣзни, которой свойства почти никому не были извѣстны. Только немногіе видѣли ея припадки уже не въ первый разъ; эти люди помнили чуму, которая, за пятьдесятъ три года предъ тѣмъ, опустошила также значительную часть Италіи, и особенно Миланскую область: тамъ ее называли и по сію пору называютъ чумою св. Карла. Такова сила благотворительности! Посреди столь разнообразныхъ и торжественныхъ воспоминаній о всеобщемъ бѣдствіи память объ одномъ человѣкѣ занимаетъ первое мѣсто: чувства и дѣянія, внушенныя ему любовью къ ближнему, достопамятнѣе самыхъ бѣдствій. Она запечатлѣла во всѣхъ умахъ имя его, какъ знакъ тогдашнихъ событій: ибо она побуждала его, она придавала ему силы являть-

ся руководителемъ, помощникомъ, образцомъ доброты, жертвою. То, что для всѣхъ было бѣдствіемъ, для него обратила она какъ-будто въ предпріятіе и заставила назвать именемъ его, какъ завоеваніе или открытіе.

Людовико Сеттала, первый медикъ, не только видѣлъ эту чуму, но былъ въ то же время однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ, неустрашимыхъ и, не смотря на свою молодость, изъ славнѣйшихъ цѣлителей ужаснаго недуга. Теперь онъ съ большимъ вниманіемъ наблюдалъ за новою болѣзнью, и послѣ строжайшихъ изслѣдованій объявилъ 20 Октября Комитету, что въ округѣ Кьіозо (на границѣ областей Лекко и Бергамо) открылась несомнительно зараза. Но, какъ видно изъ описанія Тадино, никакихъ мѣръ въ слѣдствіе того принято не было.

И вотъ такія же вѣсти пришли изъ Лекко и Беллано. Тогда Комитетъ рѣшился (и ему казалось то достаточнымъ) отправить полицейскаго чиновника съ приказаніемъ взять въ Комо по дорогѣ врача и ѣхать съ нимъ для осмотра указанныхъ мѣстъ. «Оба, «по невѣжеству или по другимъ причинамъ, повѣри-«ли какому-то старому и безтолковому цырюльнику «въ Беллано, будто обнаружившаяся болѣзнь не чума,» но что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ таково обыкновенное дѣйствіе осеннихъ испареній изъ болотъ; во всѣхъ прочихъ она порождена нуждою и стѣсненіемъ,

причиненныхъ Нѣмцами. Это удостовѣреніе было донесено Комитету и, какъ кажется, успокоило его.

Но такъ-какъ со всѣхъ сторонъ безпрерывно приходили новыя извѣстія о смертныхъ случаяхъ, то для осмотра и принятія нужныхъ мѣръ отправили двухъ человѣкъ, именно: упомянутаго Тадино и аудитора Комитета. Когда они прибыли на мѣсто, зараза была уже такъ распространена, что не нужно было искать доказательствъ: ихъ было довольно на каждомъ шагу. Посланные объѣхали область Лекко, Вальвассину, берега рѣкъ озера Комо, округи, называемые Монте ди Бріанца и ла Джера д'Адда. Везде попадались то оцѣпленныя, то почти опустѣлыя деревни, которыхъ жители частію поселились въ поляхъ подъ открытымъ небомъ, частію разсѣялись въ разныя стороны. «Они походили, говоритъ Тадино, «на дикихъ: у однаго была мята въ рукахъ, у другаго рута, у третьяго розмаринъ, у четвертаго стклянка уксусу.» Освѣдомились о числѣ умершихъ — ужаснулись. Осмотрѣли больныхъ и покойниковъ; на тѣхъ и другихъ были синеватыя пятна. Немедленно увѣдомили Комитетъ письменно о плачевномъ положеніи дѣлъ. По полученіи сихъ извѣстій 30 Октября «онъ положилъ, говоритъ Тадино, установить паспорты для удержанія внѣ города прибывавшихъ изъ «зачумленныхъ мѣстъ. Пока составлялся указъ,» отданы были предварительно нѣкоторыя приказанія на таможнѣ.

Между-тѣмъ посланные сдѣлали на-скоро, по своему разумѣнію и средствамъ, кой-какія распоряженія и поѣхали назадъ съ горестнымъ сознаніемъ, что принятыхъ мѣръ недостаточно для облегченія или удержанія болѣзни, которая успѣла уже такъ распространиться.

Возвратясь 14 Ноября и подавъ Комитету сперва изустный, а потомъ и письменный отчетъ, они получили приказаніе явиться къ губернатору для доклада. Губернаторъ былъ чрезвычайно разстроенъ и тронутъ ихъ донесеніемъ, но замѣтилъ, что дѣла военныя важнѣе всего (sed belli graviores esse curas). Такъ говоритъ Рипамонти, разбиравшій реэстры Комитета и слышавшій расказы Тадино, главнаго изъ посланныхъ. Не знаемъ, помнитъ ли читатель, что порученіе, въ исполненіи котораго участвовалъ Тадино, было вторымъ по одному и тому же поводу и съ однимъ и тѣмъ же результатомъ. Черезъ два или три дня, 18 Ноября, губернаторъ обнародовалъ приказъ о торжественномъ празднованіи рожденія принца Карла, первенца короля Филиппа IV. Не было принято въ разсужденіе, какъ опасно въ подобныхъ обстоятельствахъ большое стеченіе народа; все должно было итти обыкновеннымъ порядкомъ, какъ будто правительство ни о чемъ особенномъ и не слышало.

Губернаторъ, какъ сказано въ своемъ мѣстѣ, былъ знаменитый Амброджіо Спинола. На него было

возложено дать лучшій оборотъ войнѣ, поправить ошибки дона Гонзало, и какъ будто мимоходомъ отправлять обязанности губернатора. И мы можемъ сказать здѣсь мимоходомъ, что онъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ продолженіе той самой войны, которая столько его озабочивала — умеръ, но не отъ ранъ на полѣ сраженія, а на одрѣ отъ скорби и унынія, подъ бременемъ упрековъ, притѣсненій и всякихъ непріятностей со стороны тѣхъ, кому онъ служилъ. Исторія оплакала участь его, замѣтила неблагодарность ближнихъ, описала подробно его подвиги, какъ военные, такъ и политическіе, почтила его дальновидность, дѣятельность, твердость; но еще не разсмотрѣла, какъ онъ воспользовался всѣми этими свойствами, когда чума угрожала поглотить селеніе, ему ввѣренное, или, лучше сказать, отданное въ полную его власть. Одно только уменьшаетъ нѣкоторымъ образомъ странность его поступковъ, впрочемъ ни чуть не извиняя ихъ и будучи само по себѣ еще страннѣе, именно: безпечность той части народа, которая хотя еще и не была заражена, но подвергалась явной опасности. Кто не подумалъ бы, что извѣстія изъ зачумленныхъ мѣстъ, образующихъ почти правильный полукругъ около города и отстоящихъ отъ него въ нѣкоторыхъ точкахъ недалѣе, какъ на осьмнадцать или двадцать миль — кто не подумалъ бы, что эти извѣстія произведутъ всеобщее смятеніе, побудятъ къ поспѣшному принятію предосторожностей, полезныхъ или тщетныхъ, однимъ словомъ, повлекутъ за

собою, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое безпокойство? Но по свидѣтельству всѣхъ сказаній, въ одномъ этомъ случаѣ совершенно согласныхъ между собою, ничего подобнаго не было. Неурожай предшествовавшаго года, бѣдствія войны, душевныя скорби, все это достаточно объясняло смертность въ глазахъ толпы.

Если кто-нибудь на улицѣ, въ лавкѣ, или въ домѣ проговаривалъ слово объ опасности, о чумѣ, ему отвѣчали насмѣшками или презрительнымъ гнѣвомъ. То же невѣріе, или правильнѣе, то же ослѣпленіе, то же упорство господствовали въ Сенатѣ, въ Совѣтѣ Декуріоновъ и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ. Кардиналъ Федериго, какъ скоро распространилась вѣсть о признакахъ чумы, разослалъ по всѣмъ приходамъ повелѣніе вразумить народъ касательно необходимости увѣдомлять полицію о всякомъ чумномъ случаѣ и предъявлять зараженныя или подозрительныя вещи: такое требованіе можно причислить къ другимъ, впрочемъ похвальнымъ странностямъ кардинала.

Комитетъ вызывалъ всѣхъ на вспоможеніе и содѣйствіе: увѣщанія его оставались почти безуспѣшными. Усердіе его далеко не соотвѣтствовало требованію обстоятельствъ. Тадино не разъ утверждаетъ, и изъ цѣлаго повѣствованія его видно еще яснѣе, что вся дѣятельность Комитета была возбуждаема обоими врачами, которые одни чувствовали и понимали вполнѣ опасность. Только по ихъ настоянію и самъ Коми-

тетъ побуждалъ другихъ. Мы уже видѣли, съ какимъ равнодушіемъ онъ при первыхъ извѣстіяхъ о чумѣ приступилъ къ дѣлу и даже къ развѣдыванію. Вотъ еще доказательство медленности, не менѣе преступной, если только она не была необходимымъ послѣдствіемъ препятствій со стороны высшаго начальства. Приказъ о паспортахъ, предположенный еще 30 Октября, былъ подписанъ не прежде 23 числа слѣдующаго мѣсяца, а обнародованъ не ранѣе 29-го. Тогда чума уже была въ Миланѣ.

Тадино и Рипамонти хотѣли сохранить имя того, кто первый занесъ ее къ намъ, и отмѣтили нѣкоторыя подробности какъ о лицѣ, такъ и о фактѣ. Въ самомъ дѣлѣ, наблюдая ходъ ужаснаго опустошенія, котораго жертвъ не только нельзя отличить по именамъ, но и исчислить приблизительно по тысячамъ, невольно чувствуешь любопытство узнать тѣ первыя и немногія имена, которыя успѣли спастись отъ забвенія. Этотъ особый родъ отличія—первая череда въ гибели общей—придаетъ и имъ самимъ и всѣмъ обстоятельствамъ, до нихъ касающимся, хотя и вовсе незначительнымъ, какую-то роковую достопамятность.

Оба историка пишутъ, что чума была занесена въ Миланъ Итальянскимъ солдатомъ, бывшимъ въ Испанской службѣ; въ остальномъ, и даже на счетъ имени его, они несогласны. По словамъ Тадино, его звали Піетро Антоніо Ловато, и былъ онъ по жи-

тельству изъ области Лекко; Рипамонти же называетъ его Піеръ Паоло Локати изъ Кьявенны. День прихода его въ Миланъ они также означаютъ различно. У перваго находимъ 22 Октября, а у втораго то же число слѣдующаго мѣсяца, и не можемъ повѣрить ни которому изъ нихъ. Оба срока противорѣчатъ другимъ гораздо достовѣрнѣйшимъ указаніямъ. И однако жъ Рипамонти, писавшій по приказанію Совѣта Декуріоновъ, долженъ былъ располагать всѣми средствами для пріобрѣтенія нужныхъ свѣдѣній, а Тадино, по самой должности своей, могъ лучше всякаго другаго знать это дѣло. Впрочемъ изъ другихъ данныхъ, которыя, какъ мы уже замѣтили, кажутся намъ болѣе достовѣрными, все же слѣдуетъ, что сомнительное число предшествовало обнародованію приказа о паспортахъ. Если бы стоило, то мы могли бы даже доказать, или почти доказать, что этотъ день былъ въ самомъ началѣ Ноября. Читатель конечно избавитъ насъ отъ такаго труда.

Какъ бы ни было, несчастный солдатъ, виновникъ бѣдствія, вошелъ въ городъ съ большимъ узломъ платья, купленнаго или украденнаго въ Нѣмецкихъ полкахъ. Онъ хотѣлъ пристать въ домѣ своихъ родственниковъ, въ предмѣстіи Восточныхъ-воротъ, близъ Капуциновъ, и едва прибылъ туда, какъ занемогъ. Его отнесли въ госпиталь. Желвакъ, показавшійся у больнаго подъ мышкой, возбудилъ справед-

ливое подозрѣніе врача; на четвертый день бѣднякъ умеръ.

Комитетъ оцѣпилъ домъ семейства его; платье же покойнаго и постель, на которой онъ лежалъ въ больницѣ, были сожжены. Двое слугъ, ходившихъ за нимъ, и добрый монахъ, приготовившій его къ смерти, также занемогли черезъ нѣсколько дней; у всѣхъ троихъ была чума. Возникшее съ самаго начала сомнѣніе о свойствѣ болѣзни и принятыя въ слѣдствіе того предосторожности не дали заразѣ распространиться болѣе въ госпиталѣ. Но солдатъ оставилъ въ другомъ мѣстѣ сѣмя, которое скоро начало созрѣвать.

Первою жертвою въ домѣ, гдѣ остановился пришлецъ, былъ самъ хозяинъ, Карло Колонна, музыкантъ, игравшій на лютнѣ. Тогда по распоряженію Комитета жильцы этаго дома были отведены въ больницу: тамъ почти всѣ они, и нѣкоторые очень скоро, умерли съ явными признаками заразы. Между-тѣмъ она мало по малу и втайнѣ распространялась отъ слѣдовъ, оставленныхъ этими самыми людьми, отъ платья и вещей ихъ, утаенныхъ родственниками, отъ тюремщиковъ, отъ служителей, разсылавшихся Комитетомъ для дозора и сожженія собственности больныхъ; наконецъ болѣзнь получила пищу и извнѣ отъ недостаточности принятыхъ мѣръ, отъ небрежности въ исполненіи ихъ и отъ изобрѣтательнаго упорства жителей. Такъ кончился годъ, такъ было и въ первые мѣсяцы слѣ-

дующаго 1630. Отъ времени до времени, то въ одномъ, то въ другомъ кварталѣ занемогалъ и умиралъ кто-нибудь. Самая рѣдкость случаевъ удаляла подозрѣнія на счетъ свойства болѣзни, и болѣе и болѣе утверждала общество въ безразсудной и пагубной увѣренности, что чумы нѣтъ и вовсе не было въ городѣ. Даже многіе врачи, вторя голосу народа (уже-ли и въ этомъ случаѣ то былъ гласъ Божій?), смѣялись надъ страшными предвѣщаніями, надъ грозными предостереженіями малаго числа людей; они умѣли прикрывать уже готовыми именами болѣзней чумный случай, который представлялся имъ, каковы бы ни были припадки и признаки, его сопровождавшіе.

Ежели вѣсти объ этихъ случаяхъ и доходили до Комитета, то по большой части доходили поздно и глухо. Опасеніе ослушаться или попасть въ госпиталь изощряло умы. Скрывали больныхъ, подкупали могильщиковъ и полицейскихъ; даже чиновники Комитета, посыланные для осмотра мертвыхъ тѣлъ, выдавали за деньги ложныя свидѣтельства.

Но такъ-какъ Комитету все-таки удавалось отыскивать зачумленныхъ, и онъ при каждомъ такомъ открытіи приказывалъ сожигать вещи, оцѣплялъ домы, отправлялъ въ больницу по цѣлымъ семействамъ, то легко представить себѣ общее противъ него негодованіе, ропотъ «дворянства, купечества и черни,» какъ выражается лѣтопись. Всѣ видѣли въ этихъ мѣрахъ

не что иное, какъ притѣсненія безъ причины и безъ цѣли. Самой сильной ненависти подвергались два врача, знакомый намъ Тадино и сенаторъ Сеттала, сынъ главнаго медика: только-что они показывались на какой-нибудь площади, на нихъ сыпались ругательства, если не каменья. Странно и замѣчательно было положеніе сихъ лицъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ: каково видѣть быстрое приближеніе ужаснаго бѣдствія, стараться всѣми возможными средствами отвратить его, и безпрестанно встрѣчать препятствія не только въ трудности самаго предпріятія, но и въ упорствѣ другихъ, быть предметомъ всеобщей непріязни и слыть врагами отечества, *pro patriae hostibus*, говоритъ Рипамонти.

Такая участь была удѣломъ и другихъ врачей: будучи также убѣждены въ дѣйствительности заразы, они совѣтовали соблюдать осторожность и старались сообщить другимъ свою горестную увѣренность. Самые снисходительные обвиняли ихъ въ трусости и упрямствѣ, а въ глазахъ большинства эти опасенія доказывали обманъ, заговоръ, составленный съ намѣреніемъ воспользоваться народнымъ страхомъ.

Главный медикъ, Лудовико Сеттала, безъ малаго осьмидесятилѣтній старецъ, бывшій профессоромъ сперва медицины въ Павійскомъ университетѣ, а потомъ нравственной философіи въ Миланѣ, авторъ многихъ сочиненій, въ то время очень извѣстныхъ, при-

надлежалъ безспорно къ числу замѣчательнѣйшихъ людей своего времени. Ему не-разъ предлагаемы были каѳедры многихъ другихъ университетовъ, какъ-то: Ингольштадскаго, Пизанскаго, Болонскаго, Падуанскаго, но онъ отвергъ всѣ эти вызовы. Онъ славился не только ученостью, но и жизнію своей; ему не только удивлялись, но его и любили за попеченіе о бѣдныхъ и за благотворительность. Одно только охлаждаетъ нѣсколько чувство уваженія, внушаемое сими достоинствами; впрочемъ въ то время оно должно было напротивъ служить въ пользу этаго человѣка, именно: онъ раздѣлялъ всѣ невѣжественные и пагубные предразсудки своихъ современниковъ. Онъ былъ выше вѣка своего, но не отдѣлялся отъ толпы, а въ томъ-то и заключается начало несчастій, только отъ того теряется нерѣдко вліяніе, другими средствами пріобрѣтенное. Огромная власть, которою онъ пользовался, не только не могла побѣдить общественнаго мнѣнія, но даже не предохранила его отъ злобы и поруганія тѣхъ людей, которые всего скорѣе приводятъ свои приговоры въ исполненіе и всего легче приступаютъ къ дѣлу.

Однажды, когда онъ въ носилкахъ отправлялся къ своимъ больнымъ, около него начала скопляться толпа; кричали, что онъ главный изъ тѣхъ, которые насильно хотятъ чумы, что онъ распространяетъ въ городѣ страхъ своими лукавыми толками и все это для того, чтобы доставить занятіе врачамъ. Толпа

росла, озлобленіе усиливалось; носильщики, видя, что дѣло идетъ не на-шутку, укрыли его въ знакомомъ домѣ, случившемся по близости. Вотъ-что испыталъ онъ за то, что видѣлъ и говорилъ истину, за то, что хотѣлъ спасти отъ чумы тысячи тысячь людей. Напротивъ, когда пагубный совѣтъ его былъ отчасти причиною истязаній, мукъ и сожженія несчастной женщины, обвиненной въ колдовствѣ потому, что одинъ изъ господъ ея былъ одержимъ странною болью въ желудкѣ, а другой еще прежде того крѣпко влюбился въ нее, тогда конечно толпа воздала новыя похвалы его мудрости и—грустно подумать! признала въ немъ новыя права на благодарность.

Но въ концѣ Марта болѣзни и смертные случаи съ странными судорожными припадками, біеніемъ сердца, дрожью, летаргіею, бредомъ, отвратительными синими пятнами и желваками, стали умножаться сперва въ предмѣстіи Восточныхъ-воротъ, а потомъ и въ остальныхъ частяхъ города. По большой части умирали скоро, въ мученіяхъ, а нерѣдко и скоропостижно, безъ всякихъ предварительныхъ признаковъ болѣзни. Врачи, возстававшіе противъ мнѣнія о заразѣ, не хотѣли признать того, что прежде осмѣивали, и, видя необходимость дать какое-нибудь родовое названіе новой болѣзни, слишкомъ уже явной, называли ее то злокачественной лихорадкой, то повальной горячкой. Этимъ низкимъ обманомъ, этою безстыдною ложью они причиняли великій вредъ: показывая, что откры-

ли истину, успѣвали они удалять чрезвычайно важную увѣренность, что болѣзнь сообщается прикосновенiемъ. Градоначальники, какъ бы очнувшись отъ глубокаго сна, стали обращать болѣе вниманія на требованія и предложенія Комитета; занялись исполненіемъ его приказовъ, оцѣпленіемъ домовъ и учрежденіемъ карантиновъ. Комитетъ безпрестанно просилъ денегъ для покрытія ежедневно умножавшихся издержекъ по больницѣ, просилъ и разныхъ другихъ вспоможеній. Онъ обратился къ декуріонамъ, пока не было рѣшено (рѣшено, кажется, не иначе, какъ на самомъ дѣлѣ), на кого падали такіе расходы, на городъ или на королевскую казну. Декуріоновъ же тревожилъ великій канцлеръ по приказанію губернатора, который опять осаждалъ злополучный Казале; наконецъ ихъ тревожилъ и Сенатъ; онъ настаивалъ, чтобы благовременно изыскали способы къ продовольствію города, въ случаѣ, ежели по несчастію чума распространится и сообщеніе съ окрестными мѣстами будетъ прекращено; онъ настаивалъ, чтобы придумали средство къ содержанію значительной части народа, оставшейся безъ работы. Декуріоны прибѣгнули къ займамъ, налогамъ, и изъ полученныхъ такимъ образомъ денегъ, отдавали частицу Комитету, частицу бѣднымъ, а остальное употребляли на покупку хлѣба и хотя нѣсколько уменьшали нужду. Великія бѣдствія еще не настали.

Не смотря на безпрестанныя утраты, больница наполнялась день ото дня болѣе и болѣе.

Трудно было содержать въ порядкѣ многочисленную прислугу, соблюдать предписанныя размѣщенія, однимъ словомъ, хранить или вѣрнѣе вводить устройство, постановленное Комитетомъ: съ самой первой поры буйство нѣкоторыхъ больныхъ, нерадѣніе и потворство полицейскихъ чиновниковъ произвели всеобщее смятеніе въ больницѣ.

Комитетъ и декуріоны, не зная, что дѣлать, рѣшились обратиться къ капуцинамъ и просили отца-коммисара провинціи (такъ называли они того, кто исправлялъ должность недавно умершаго областнаго старшины ордена) указать имъ человѣка, способнаго къ управленію злополучнымъ краемъ. Коммисаръ предложилъ имъ въ начальники отца-Феличе Казати, человѣка зрѣлыхъ лѣтъ, извѣстнаго любовью къ ближнему, дѣятельностію, кротостію и вмѣстѣ съ тѣмъ твердостію характера; все это въ послѣдствіи оправдалось. Въ сотрудники или, такъ сказать, въ помощники назначили ему Микеле Поццобонелли, молодаго человѣка строгихъ правилъ и съ важною наружностью.

Ихъ приняли съ радостію и 30-го Марта они поступили въ больницу. Президентъ Комитета водилъ ихъ повсюду, какъ новыхъ хозяевъ; потомъ, собравъ прислужниковъ и надзирателей всѣхъ вѣдомствъ, объявилъ имъ, что впредь президентомъ будетъ отецъ-Феличе, которому больница и ввѣряется въ полную, неограниченную власть. По мѣрѣ того, какъ это зло-

получное общество умножалось, являлись со всѣхъ сторонъ новые капуцины и были опредѣляемы, кто въ главные смотрители, кто въ духовники, кто въ старшины; однимъ поручался присмотръ за больными, другимъ завѣдываніе гардеробомъ, кухнею, бѣльемъ, смотря по надобности.

Отецъ-Феличе, неутомимо дѣятельный, неусыпно заботливый, днемъ и ночью ходилъ по корридорамъ, осматривалъ комнаты, бродилъ по улицамъ. Иногда онъ бралъ съ собою трость, а иногда ходилъ просто въ волосяницѣ. То онъ поощрялъ къ дѣятельности и порядку, то усмирялъ непокорныхъ, то разбиралъ ссоры; онъ грозилъ, наказывалъ, увѣщевалъ, утѣшалъ; онъ осушалъ слезы и самъ плакалъ. Въ началѣ онъ заразился чумою, но скоро выздоровѣлъ и съ новымъ ревніемъ возвратился къ прежнимъ обязанностямъ. Собратья его по большей части поплатились жизнью за свое усердіе, но безъ ропота, безъ сожалѣнія.

Страненъ былъ этотъ образъ правленія, но онъ соотвѣтствовалъ бѣдствіямъ и времени. Если бъ до насъ не дошло никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній, то одно это уже могло бы служить образчикомъ невѣжества и неустройства общества тѣхъ временъ. Не менѣе того благородная душа, прекрасныя дѣянія и самоотверженіе сихъ монаховъ заслуживаютъ вниманіе и имѣютъ право на уваженіе, на любовь, даже на бла-

годарность людей, какъ на должное воздаяніе за оказанныя ими услуги человѣчеству. Прекрасно и мудро умереть изъ любви къ ближнему при какихъ бы то обстоятельствахъ и въ какое бы время ни было. «Безъ этихъ монаховъ, говоритъ Тадино, весь городъ «непремѣнно бы погибъ. Неимовѣрно, сколько они «успѣли сдѣлать для общаго блага въ такое короткое «время, при томъ безъ всякихъ или при весьма скуд-«ныхъ пособіяхъ отъ города. Трудами и благоразум-«нымъ устройствомъ они содержали въ больницѣ «тысячи бѣдныхъ.»

Но мало по малу упорство не вѣрить въ существованіе чумы стало ослабѣвать и въ народѣ по мѣрѣ того, какъ смертность явно распространялась отъ соприкосновенія и сообщенія. Еще болѣе ослабѣло оно, когда зараза отъ низшихъ сословій, между которыми она сначала исключительно свирѣпствовала, перешла къ нѣкоторымъ извѣстнымъ лицамъ. Между ними наиболѣе вниманія обратилъ на себя въ то время первый медикъ Сеттала, почему мы и теперь принесемъ дань его памяти. Сказали ли по крайней мѣрѣ: добрый старикъ говорилъ правду? Богъ знаетъ! Онъ самъ, жена, двое дѣтей и семеро слугъ занемогли чумой. Онъ и одинъ изъ дѣтей выздоровѣли, прочіе умерли. «Таковые случаи, говоритъ Тадино, «бывшіе въ городѣ, въ дворянскихъ домахъ, возбу-«дили какъ въ дворянствѣ, такъ и въ народѣ подо-

«зрѣнія. Невѣрующіе медики и невѣжественный на-«родъ стали задумываться и пожимать плечами.»

Но раздраженіе, досада и, можно сказать, мстительность людей, уличенныхъ въ упрямствѣ, иногда бываютъ такъ пагубны, что почти лучше бъ было, если бы они до конца продолжали упорствовать въ заблужденіи съ неизмѣнною настойчивостію, вопреки здравому смыслу и явнымъ доказательствамъ. Такъ было и на этотъ разъ.

Тѣ, которые послѣ столь долгаго противоборства наконецъ рѣшительно признали, что между ними есть зародышь болѣзни, которая могла естественнымъ образомъ распространиться и губить людей, не имѣя возможности долѣе оспаривать заразительность и не хотя приписывать ее настоящимъ причинамъ (это значило бы сознаться въ великомъ заблужденіи и великомъ грѣхѣ), тѣ искали и выдумывали самыя нелѣпыя причины. По несчастію при такомъ расположеніи умовъ существовали въ то время не только здѣсь, но и по всей Европѣ преданія о чародѣйствахъ, діавольскихъ навожденіяхъ, колдовствѣ, злоумышленныхъ людяхъ, сообщавшихъ чуму заразительнымъ ядомъ. Такія повѣрья были въ ходу уже нѣсколько разъ прежде во время чумы, а именно во время той, которая свирѣпствовала за пятьдесятъ лѣтъ до того.

Къ этому надобно прибавить, что за годъ передъ тѣмъ явилась депеша съ подписью Филиппа IV на имя губернатора, которою его увѣдомляли, что въ Мадридѣ сбѣжали четыре Француза, подозрѣваемые въ распространеніи заразы посредствомъ ядовитыхъ мазей, и совѣтовали взять предостерегательныя мѣры въ случаѣ, ежели они скрылись въ Миланѣ. Губернаторъ сообщилъ депешу Сенату и Комитету Народнаго Здравія и тѣмъ кажется и ограничились всѣ предосторожности. Когда же появилась и обнаружилась чума, воспоминаніе объ этомъ обстоятельствѣ или подтвердило уже возникшее подозрѣніе о вѣроломномъ обманѣ, или породило первую мысль о немъ.

Но два факта, изъ которыхъ первый обличаетъ необузданный и слѣпой страхъ, а послѣдній какое-то бѣшенство, способствовали инымъ къ подтвержденію уже возникшаго, но еще слабаго подозрѣнія о возможности преступленія; другимъ, къ убѣжденію въ существованіи преступленія и дѣйствительнаго заговора. Люди, которымъ показалось, что они видѣли, какъ въ соборѣ 17 Мая вымазывали огородку, отдѣлявшую мужескую половину отъ женской, заставили ночью вынести изъ церкви не только огородку, но и всѣ скамьи, находившіяся за ней, не смотря на то, что президентъ Комитета, который немедленно прибылъ на мѣсто съ четырьмя чиновниками для разысканія, осмотрѣвъ огородку, скамьи и сосуды со святой водой и не нашедъ ничего, что бы могло оправдать подозрѣ-

ніе объ умышленной заразѣ, разрѣшилъ, что достаточно будетъ обмыть огородку, и то только изъ снисхожденія къ причудливому мнѣнію толпы и изъ *излишней предосторожности, а не потому, чтобы онъ считалъ это нужнымъ.*

Эта масса складенныхъ въ кучу вещей навела страхъ и произвела сильное впечатлѣніе на толпу, которая изъ всякаго ничтожнаго обстоятельства готова выводить важныя заключенія. Всѣ говорили и вѣрили, что въ соборѣ вымазаны были скамьи, стѣны и даже веревки колоколовъ. Эти слухи не ограничились толками; всѣ современныя сказанія (изъ коихъ иныя писаны по прошествіи многихъ лѣтъ), гдѣ упоминается объ этомъ происшествіи, говорятъ о немъ съ одинаковою утвердительностію. Дѣйствительный же фактъ подверженъ бы былъ догадкамъ, если бы не нашли его въ письмѣ Комитета Здравія къ губернатору, которое хранится въ архивѣ Санъ-Феделе. Изъ него-то мы и извлекли этотъ расказъ и слова, напечатанныя курсивомъ.

На слѣдующее утро новое зрѣлище, еще страннѣе и замѣчательнѣе, поразило глаза и умы городскихъ жителей. Во всѣхъ частяхъ города нашли двери у домовъ и стѣны испачканныя длинными чертами, вымазанныя какою-то желтоватою и бѣловатою жидкостью, какъ будто бы втертою губкой. Было ли то злобное желаніе еще болѣе распростра-

нить страхъ, или гнусное намѣреніе увеличить всеобщее смятеніе, или что-либо другое, но это обстоятельство такъ достовѣрно показано, что намъ кажется основательнѣе приписать его дѣйствію злобы, впрочемъ не безпримѣрной и породившей столь много такихъ же великихъ бѣдствій во всѣхъ странахъ свѣта и, можно сказать, во всѣхъ вѣкахъ, нежели игрѣ воображенія. Рипамонти, который, говоря о вымазываніи, часто смѣется надъ легковѣріемъ толпы и еще чаще оплакиваетъ его, въ этомъ случаѣ увѣряетъ, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ этихъ продѣлокъ, и описываетъ ихъ. Въ упомянутомъ выше письмѣ Члены Комитета расказываютъ совершенно то же; они говорятъ также о разныхъ опытахъ, сдѣланныхъ этимъ составомъ надъ собаками, но оставшихся безъ худыхъ послѣдствій, и заключаютъ мнѣніемъ, что *эти проказы скорѣе похожи на шалость, нежели на злоумышленное намѣреніе.* Эго мнѣніе доказываетъ, что они тогда еще сохраняли спокойствіе духа, не располагавшее видѣть то, чего не было въ самомъ дѣлѣ. Другія современныя записки — не принимая ихъ свидѣтельства за доказательство истины — также всѣ говорятъ, что сначала многіе были того мнѣнія, что эти продѣлки просто шутка, шалость. Ни одно сказаніе не называетъ никого, кто бы его оспаривалъ, а если бы были противники, то ихъ бы безъ сомнѣнія назвали, хотя бы только для того, чтобы упрекнуть ихъ въ безразсудствѣ. Я счелъ неизлишнимъ собрать и расказать сіи подробности о знаменитомъ

заблужденія, подробности, которыя инымъ мало, а другимъ вовсе неизвѣстны: мнѣ кажется, что во всякомъ заблужденіи, а особенно въ заблужденіи цѣлой массы людей, нѣтъ ничего занимательнѣе и поучительнѣе, какъ слѣдить за первоначальнымъ направленіемъ умовъ, постепеннымъ развитіемъ ложныхъ понятій, обманчивыми явленіями и наконецъ обстоятельствами, которыя породили это заблужденіе и способствовали къ его преобладанію.

Еще болѣе смятеніе овладѣло жителями, и безъ того уже смущенными. Хозяева домовъ обжигали вымазанныя мѣста зажженной соломой, прохожіе останавливались, глазѣли и содрогались отъ ужаса. Иностранцевъ, на которыхъ пали сильныя подозрѣнія потому только, что они были иностранцы, и которыхъ тогда легко было узнать по одѣянію, народъ останавливалъ на улицахъ и тащилъ въ тюрьму. Дѣлали допросы, сводили на очную ставку обвинителей, обвиняемыхъ и свидѣтелей. Виновныхъ не оказалось: не смотря на то, продолжали подозрѣвать, задумываться, умствовать. Комитетъ обнародовалъ объявленіе, въ которомъ обѣщалъ награду и безнаказанность тому, кто представитъ съ явными уликами виновника или виновниковъ преступленія.

Во всякомъ случаѣ, такъ-какъ намъ кажется несостаточнымъ, говорятъ Члены Комитета въ упомянутомъ письмѣ, на которомъ выставлено 21 Мая, хотя

очевидно, что оно было написано 19-го, въ тотъ же день, какъ вышло печатное объявленіе—*чтобы таковое преступленіе, при какихъ бы то обстоятельствахъ ни было, и тѣмъ менѣе въ нынѣшнее опасное и смутное время, осталось безнаказаннымъ, то мы, какъ для утѣшенія и успокоенія народа, такъ и для того, чтобы открыть истину, обнародовали печатное объявленіе* и пр. Въ самомъ же объявленіи ни слова, или только одни темные намеки на благоразумное и утѣшительное предположеніе, сообщенное губернатору — уловка, изобличающая дикое ослѣпленіе въ народѣ, а въ этихъ господахъ снисходительность, которую можно назвать преступною по несчастнымъ послѣдствіямъ, которыя она могла имѣть и имѣла.

Между-тѣмъ какъ Комитетъ только еще дѣлалъ розыски, толпа, какъ водится, давно уже отыскала виновниковъ. По мнѣнію иныхъ то были ядовитыя мази, другихъ—мщеніе дона Гонзала Фернандеза ди Кордова за нанесенныя ему обиды при отбытіи изъ Милана; третьи увѣряли, что это военная хитрость кардинала ди Ришелье, чтобы опустошить Миланъ и тѣмъ удобнѣе завладѣть имъ; наконецъ нѣкоторые, неизвѣстно по какому поводу, подозрѣвали то графа ди Колльто, то Валленштейна, то того, то другаго изъ Миланскихъ дворянъ. Было довольно и такихъ, которые, какъ мы уже сказали, видѣли во всемъ этомъ не что иное, какъ шалость со стороны школьниковъ, вельможъ или офицеровъ, скучавшихъ при осадѣ Казале. Но

когда оказалось, что зараза распространилась не повсемѣстно, какъ того опасались, и что гибель не всеобщая, то первоначальный страхъ сталъ ослабѣвать и умы успокоились, по крайней мѣрѣ такъ казалось.

Впрочемъ оставалось довольно людей, которые все еще не вѣрили въ существованіе чумы. Какъ въ больницѣ, такъ и въ частныхъ домахъ случалось, что больные выздоравливали и потому «говорили,» (послѣднія усилія поддержать свое мнѣніе противъ явныхъ доказательствъ всегда очень любопытны) «говорили, и не только толпа, а многіе недобросовѣ-«стные врачи, что то не настоящая чума, потому-что смертность не всеобщая.»

Наконецъ для прекращенія всѣхъ недоумѣній, Комитетъ вздумалъ прибѣгнуть къ способу, соотвѣтствовавшему потребностямъ и духу того времени: дѣйствовать на умы посредствомъ чувства зрѣнія. Былъ обычай собираться въ праздникъ Троицы на кладбище Сан-Грегоріо, лежащее за восточными воротами, въ память погибшихъ въ предшествовавшей чумѣ, коихъ тѣла были здѣсь погребены. Городскіе жители, подъ предлогомъ набожности, пользовались этимъ случаемъ, чтобы повеселиться и показать себя: всѣ старались перещеголять другъ друга роскошью и пышностью нарядовъ. Въ этотъ самый день погибло, между прочими жертвами чумы, цѣлое семейство. Въ самый разгаръ праздника, когда стеченіе народа было всего

многочисленнѣе, вдругъ показалась посреди пестрой толпы пѣшеходовъ, экипажей и всадниковъ, телега съ мертвыми тѣлами упомянутаго семейства, которыхъ по приказанію Комитета свезли на кладбище раздѣтыхъ, чтобы толпа могла видѣть несомнѣнный знакъ, отвратительное клеймо чумы. Крики омерзенія, ужаса раздавались повсюду, гдѣ появлялась телега; громкій ропотъ слышался со всѣхъ сторонъ. Тутъ наконецъ убѣдились въ существованіи чумы; впрочемъ она и безъ того съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе невольно открывала глаза невѣрящимъ въ нее; и это самое стеченіе народа вѣроятно не мало способствовало къ распространенію заразы.

И такъ сначала ни подъ какимъ видомъ и слышать не хотѣли о чумѣ, запрещено было даже выговаривать это слово. Потомъ—это чумныя лихорадки; тутъ ужъ проявляется мысль о чумѣ, но покамѣстъ косвенно выражается прилагательнымъ. Далѣе—не настоящая чума, то есть, если угодно, и чума, но только въ нѣкоторомъ значеніи слова, или справедливѣе, болѣзнь, для которой нѣтъ болѣе приличнаго названія. Наконецъ—несомнѣнная, неоспоримая чума, но вмѣстѣ съ этой мыслью возникаетъ другая—мысль о ядѣ и преступленіи; эта мысль запутываетъ и искажаетъ собственное значеніе слова, котораго уже невозможно избѣгнуть.

Не требуется глубокаго изученія ума и слова человѣческаго, чтобы понять это постепенное измѣненіе мыслей и выраженій; подобные примѣры встрѣчаются нерѣдко. Но, благодаря Бога, рѣдко случается, чтобы этому измѣненію подвержены были мысли такаго свойства и важности, еще рѣже приходится платить такъ дорого за торжество истины, и съ которой сопряжены бы были столь плачевныя обстоятельства. Можно бы однако какъ въ важныхъ, такъ и въ вседневныхъ дѣлахъ избѣжать много хлопотъ и непріятностей и сберечь много времени, слѣдуя искони проповѣдуемой методѣ, сперва наблюдать, слушать, сравнивать, размышлять, а потомъ уже говорить. Но говорить, что вздумается, такъ легко въ сравненіи со всѣми прочими условіями, что и мы грѣшные, то есть, всѣ люди болѣе или менѣе подвержены этой слабости.

Такъ-какъ съ каждымъ днемъ становилось труднѣе удовлетворять требованіямъ, порожденнымъ горестными обстоятельствами того времени, то и было рѣшено 4 Мая въ Совѣтѣ Декуріоновъ обратиться къ губернатору съ просьбою о милостивомъ пособіи. Въ слѣдствіе того 22 числа отправили въ лагерь двухъ Членовъ Совѣта съ порученіемъ представить ему горестное и стѣсненное положеніе города, огромные расходы, истощеніе и долги казны, между-тѣмъ какъ будущіе доходы уже въ залогахъ, а податей въ срокъ не платятъ по причинѣ всеобщаго раззоренія, послѣ-

довавшаго отъ разныхъ обстоятельствъ, особенно же отъ опустошеній войны. Еще должны были эти посланные напомнить губернатору, что по силѣ законовъ и по принятому, всегда соблюдавшемуся и подкрѣпленному именнымъ указомъ Карла V обычаю, казна обязана взять на себя всѣ необходимыя по случаю чумы издержки; что во время чумы, бывшей въ 1576 году, губернаторъ маркизъ Аямонте не только прекратилъ всѣ подати въ казну, но изъ нея же выдалъ городу 40 тысячь скуди въ видѣ пособія. Наконецъ должны они были испросить его соизволеніе на слѣдующее: чтобы подати были прекращены какъ во время упомянутой чумы; чтобы казна выдала потребную сумму денегъ; чтобы онъ, губернаторъ, взялъ на себя увѣдомить короля о бѣдственномъ положеніи жителей какъ города, такъ и провинціи, и наконецъ освободилъ герцогство отъ постоя солдатъ, столь много способствовавшаго ко всеобщему раззоренію. Спиноза отвѣчалъ соболѣзнованіемъ и новыми увѣщеваніями; изъявилъ сожалѣніе, что обстоятельства не позволяютъ ему явиться самому въ городъ; что въ такомъ случаѣ онъ всѣми силами старался бы облегчить горестное положеніе жителей, но что впрочемъ онъ надѣется, что усердіе декуріоновъ вполнѣ замѣнитъ его отсутствіе. Онъ замѣтилъ также, что при такихъ обстоятельствахъ никакихъ издержекъ жалѣть не должно и всѣми мѣрами стараться облегчить бѣдственное положеніе народа. Что же касается до настоящихъ требованій, то постарается удовлетворить ихъ, сколько по-

зволятъ тяжкое время и обстоятельства. Тѣмъ и кончилось. Нѣсколько разъ еще обращались къ нему по тому же поводу; переговорамъ, просьбамъ, возраженіямъ не было конца, но до окончательнаго рѣшенія, кажется, никогда не дошло. Позже, когда чума была въ самой силѣ, губернаторъ разсудилъ наконецъ передать власть свою публичной грамотой первому канцлеру Ферреру, подъ предлогомъ, что онъ самъ слишкомъ обремененъ дѣлами. Этотъ рѣшительный поступокъ вынудилъ другой, не менѣе рѣшительный со стороны декуріоновъ. Они обратились къ кардиналу архіепископу съ просьбою пронести тѣло Св. Карла по городу съ торжественной процессіей.

Почтенный старецъ сначала не соглашался на то по разнымъ причинамъ. Онъ опасался, что бы, какъ можно было предвидѣть, если успѣхъ не будетъ соотвѣтствовать ожиданіямъ, эти обманутыя надежды не обратились въ ропотъ и неудовольствіе. Онъ опасался также, чтобы злоумышленные люди, вымазыватели, если таковые были, не воспользовались этимъ благопріятнымъ случаемъ для исполненія своихъ преступныхъ замысловъ; если же таковыхъ не было, то все-таки самое стеченіе народа непремѣнно должно было способствовать къ большему еще распространенію заразы. И эта опасность казалась ему гораздо существеннѣе первой. Къ тому же подозрѣніе о ядовитыхъ мазяхъ, послѣ короткаго усы-

пленія, пробудилось съ новою силою, съ новымъ ожесточеніемъ.

Опять нашли (а можетъ быть на сей разъ дѣйствовало воображеніе) вымазанныя стѣны, ворота публичныхъ зданій, двери домовъ, даже замки у дверей. Слухи о таковыхъ открытіяхъ переходили изъ устъ въ уста, и, какъ обыкновенно случается съ людьми, сильно въ чемъ-нибудь предъубѣжденными, многимъ казалось, что они видѣли то, что они знали только по наслышкѣ. Горестное сознаніе неукротимаго зла и дѣйствительной опасности съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе располагало раздраженные умы вѣрить этимъ нелѣпостямъ. Люди всегда ищутъ вымѣстить на комъ-нибудь свои неудовольствія, и, какъ замѣтилъ очень справедливо одинъ умный человѣкъ, гораздо охотнѣе приписываютъ свои несчастія кознямъ ближнихъ, на которыхъ они могутъ излить волнующій ихъ гнѣвъ, нежели высшему Промыслу, при чемъ остается только смиряться. Тонкій, скоропостижный, проницательный ядъ — вотъ слова, которыми объясняли удовлетворительно самые жестокіе, неслыханные и необыкновенные припадки болѣзни. Говорили еще, что этотъ ядъ — смѣсь жабъ, змѣй, гноя и слюни чумныхъ, словомъ сказать, всего гнуснаго и отвратительнаго, что только въ состояніи изобрѣсть больное и разгоряченное воображеніе. Къ этому прибавился слухъ о колдовствѣ, которое дѣлало возможнымъ самое невозможное, уничтожало всѣ возраженія, рѣшило всѣ сомнѣнія.

Если въ первый разъ дѣйствіе яда оказалось не сейчасъ, причина тому была ясная: то былъ неудачный опытъ новоизобрѣтеннаго состава; но теперь искуство усовершенствовалось, упорство успѣть въ адскомъ замыслѣ изощрило умы. Если бы и тогда еще кто-нибудь осмѣлился утверждать, что это была шутка, или вздумалъ бы оспаривать существованіе заговора, то его сочли бы или слѣпымъ, или упрямымъ, или пожалуй бы еще подумали, что онъ имѣетъ свои причины, чтобы обманывать прозорливость публики; приняли бы за соучастника въ злодѣяніи, за *смазывателя*: это слово сдѣлалось скоро всеобщимъ, торжественнымъ, ужаснымъ. При таковой увѣренности непремѣнно должно было найти смазывателей; всѣ были на-сторожѣ: каждое движеніе возбуждало подозрѣніе; подозрѣніе же превращалось въ увѣренность, увѣренность въ бѣшенство.

Рипамонти приводитъ два примѣра, предупреждая, что онъ избралъ ихъ не потому, чтобы они были самые ужасные изъ тѣхъ, которые встрѣчались ежедневно; но потому, что онъ можетъ говорить о нихъ какъ очевидецъ.

Въ церкви св. Антонія, въ день не помню какаго-то празднества, одинъ слишкомъ осьмидесятилѣтній старецъ, помолившись на колѣнахъ, принялся стирать пыль плащемъ со скамьи, чтобы сѣсть. «Этотъ старикъ вымазываетъ скамьи!» закричали въ одинъ

голосъ нѣсколько женщинъ, которыя видѣли его движеніе. Народъ, находившійся въ церкви (въ церкви!) кинулся на старца. Его стали трепать за сѣдые волосы, осыпали побоями и толчками, и полумертваго вытащили изъ церкви, чтобы предать тюрьмѣ, суду, истязанію. «Я видѣлъ, какъ его тащили, говоритъ Рипамонти, но не знаю, чѣмъ все это кончилось; не думаю, чтобы онъ могъ остаться въ-живыхъ.»

Другой случай, не менѣе замѣчательный, хотя и не такой плачевный, послѣдовалъ на другой день. Три молодые Француза, литераторъ, живописецъ и механикъ, пріѣхавшіе въ Италію частію ради любопытства, частію для изученія древностей и пріобрѣтенія денегъ, разъ какъ-то подошли къ собору и съ большимъ вниманіемъ разсматривали барельефы. Прохожіе стали останавливаться одинъ за другимъ; скоро образовался около нихъ кругъ зрителей, слѣдившихъ за каждымъ ихъ движеніемъ, потому-что одѣяніе, прическа, дорожная сума изобличали въ нихъ иностранцевъ, а что всего хуже, Французовъ. Путешественники, желая удостовѣриться, что стѣны изъ мрамора, протянули руку и прикоснулись къ нимъ. Этаго было довольно: ихъ схватили, связали, осыпали ругательствами и побоями, потащили въ тюрьму. Къ счастію Судебная Палата была недалеко отъ собора, а еще лучше то, что скоро признали ихъ невинность и освободили.

Таковыя сцены происходили не въ одномъ городѣ; вмѣстѣ съ болѣзнію распространилось и озлобленіе. Если крестьянамъ случалось встрѣтить по проселочной дорогѣ какаго-нибудь прохожаго и видѣть, что онъ пріостанавливался, нагибаясь, или лежалъ на землѣ, то это былъ навѣрное вымазыватель. Таковымъ же почитали каждаго иностранца; въ лицѣ или въ одеждѣ его находили что-либо странное, подозрительное. Малѣйшій намекъ, крикъ уличныхъ мальчишекъ поднималъ тревогу; народъ сбѣгался, несчастныхъ закидывали каменьями, или схватывали, и побоями провожали въ тюрьму. Но въ то время тюрьма служила мѣстомъ спасенія.

Однако декуріоны, не смотря на отказъ мудраго прелата, не переставали приступать къ нему съ новыми просьбами, подстрекаемые громкими требованіями толпы. Онъ долго оставался непоколебимъ и старался вразумить безразсудныхъ; но трудно устоять уму однаго человѣка противъ духа времени и упорныхъ требованій цѣлой мыссы людей. При тогдашнемъ положеніи умовъ, при темномъ, безпрестанно колебавшемся понятіи объ опасности—понятіи, не основанномъ на той очевидности, которой мы теперь проникнуты, неудивительно покажется, что благоразумныя его представленія наконецъ должны были уступить, даже въ собственномъ его мнѣніи, безразсуднымъ умствованіямъ многочисленныхъ противниковъ. Участвовала ли въ этомъ снисхожденіи слабость воли

или нѣтъ, это тайна сердца человѣческаго. Безспорно то, что если въ нѣкоторыхъ заблужденіяхъ можно очистить совѣсть и сложить всю вину на разсудокъ, то это только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ (и этотъ былъ въ этомъ числѣ), когда безусловно увлекаешься голосомъ совѣсти, не принимая въ соображеніе никакихъ временныхъ выгодъ или расчетовъ. И такъ, когда просьбы возобновились, кардиналъ пересталъ противиться и согласился на процессію; согласился даже на общее желаніе, чтобы рака, гдѣ хранились мощи Св. Карла, была выставлена по окончаніи процессіи на недѣлю на главный алтарь собора для поклоненія народа.

Не упоминается, чтобы Комитетъ Здравія или другія вѣдомства сопротивлялись этому или сдѣлали какія-либо возраженія. Комитетъ удовольствовался предписаніемъ нѣкоторыхъ предосторожностей, не предохраняющихъ отъ опасности, но только указывающихъ на нее. Онъ отдалъ приказъ взять строжайшія мѣры на счетъ впущенія людей въ городъ, и чтобъ увѣриться въ исполненіи сего приказа, повелѣлъ затворить городскія ворота; далѣе, чтобы предохранить собравшійся народъ, сколько возможно, отъ зачумленныхъ или подозрительныхъ людей, было приказано запереть всѣ двери оцѣпленныхъ домовъ, коихъ число, сколько можно положиться въ такихъ случаяхъ на свидѣтельство, никѣмъ не подтвержденное, однаго писателя, и

къ тому же писателя тѣхъ временъ, простиралось до пяти сотъ.

Три дня провели въ приготовленіяхъ. Одиннадцатаго Іюня, т. е. въ назначенный день, процессія двинулась рано по утру изъ собора. Передъ ракой шла длинная вереница народа, по большей части женщины, съ большими покрывалами, спадавшими на лице; многія босыя и въ рубищахъ. За ними слѣдовали цѣхи, предшествуемые своими знаменами, общины въ одеждѣ различнаго покроя и цвѣта, и наконецъ черное и бѣлое духовенство, всѣ со знаками своего чина и съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Въ срединѣ, подъ богатымъ балдахиномъ, окруженная яркимъ блескомъ свѣчь и множествомъ пѣвчихъ, медленно тянулась рака, которую несли поочереди четыре каноника въ полномъ облаченіи. Сквозь хрустальный гробъ виденъ былъ святой угодникъ, въ великолѣпномъ архіепископскомъ одѣяніи, съ митрою на головѣ; въ этихъ обезображенныхъ, искаженныхъ чертахъ можно было еще распознать слѣды прежняго лица, судя по образамъ и свидѣтельству тѣхъ, которые знали и помнили его. Непосредственно за останками опочившаго пастыря (говоритъ Рипамонти, отъ котораго мы по большей части заимствовали это описаніе) шелъ ближайшій ему по доблестямъ, родству и сану, архіепископъ Федериго. За нимъ слѣдовала другая часть духовенства; потомъ начальники присутственныхъ мѣстъ высшаго разряда; наконецъ дворянство, иные

въ пышномъ одѣяніи, какъ бы желая показать всю мѣру важности, которую они придавали сему торжественному поклоненію, другіе, въ знакъ скорби и уничиженія, въ черномъ платьѣ, иные босые, въ рубищѣ, съ надвинутыми на лице шляпами; всѣ съ факелами въ рукахъ. Сборище народа всѣхъ сословій заключало шествіе.

Всѣ улицы, по которымъ должна была пройти процессія, были убраны какъ для большаго торжества; богатые жители выставили всѣ свои драгоцѣнности; публичныя зданія и домы частныхъ достаточныхъ людей украшены были гирляндами изъ сплетенныхъ вѣтвей въ видѣ драпировокъ, или на драпировкахъ вездѣ вывѣшены были картины, надписи, девизы; на окнахъ красовались вазы, разные антики и драгоцѣнныя бездѣлки; вездѣ горѣли огни. Часто показывались у оконъ больные, которые смотрѣли изъ своихъ келей на процессію и соединяли свои молитвы съ молитвами шествующихъ. Прочія улицы были пусты, безмолвны, только гдѣ-гдѣ заключенные больные, стоя у оконъ, прислушивались къ зыблющимся звукамъ пѣнія; иные, между прочими и монахини, взобрались на крыши домовъ въ надеждѣ увидѣть хотя издали драгоцѣнную раку или по крайней мѣрѣ часть шествія.

Процессія обошла всѣ кварталы города; на каждомъ перекресткѣ или площадкахъ, служащихъ пере

[illegible]

[illegible]

нившейся смертности во всѣхъ слояхъ общества, и такъ-какъ самый зоркій и ослѣпленный подозрѣніемъ глазъ не могъ отыскать на пройденномъ пространствѣ никакихъ слѣдовъ или знаковъ, то прибѣгнули для объясненія этаго факта къ давнишнему и въ то время принятому во всемъ ученомъ мірѣ Европы вымыслу о злокачественныхъ и вредоносныхъ порошкахъ; говорили, что эти порошки, которыми усыпали всю дорогу, а особенно мѣста, гдѣ процессія останавливалась, пристали къ поламъ платьевъ или даже къ ногамъ, такъ-какъ большая часть людей шли въ этотъ день попеременно безъ обуви. «День «процессіи, говоритъ одинъ современный писатель, «былъ въ одно и то же время свидѣтелемъ борьбы «вѣры съ изувѣрствомъ, коварства съ праводушіемъ «потери съ пріобрѣтеніемъ.» Однимъ словомъ, то была борьба здраваго смысла съ причудами воображенія.

Съ того дня свирѣпость заразы ежеминутно усиливалась; скоро не оставалось почти ни однаго дома, который не заплатилъ бы дани чумѣ; скоро населеніе госпиталя, по словамъ Сомаліо, приведеннаго выше, умножилось отъ двухъ до двенадцати тысячь; въ-послѣдствіи, какъ говорятъ почти всѣ современники, оно постепенно росло до шестнадцати тысячь. Въ началѣ Іюля, какъ оказывается изъ другаго письма попечителей народнаго здравія къ губернатору, ежедневная смертность превышала иногда пять

сотъ человѣкъ. Позже, въ самой силѣ болѣзни, по всеобщему исчисленію дошло до тысячи двухъ и пяти сотъ человѣкъ, и это число нѣсколько времени не измѣнялось; по словамъ Тадино оно доходило иногда до трехъ тысячь пяти сотъ.

Можно себѣ вообразить, каково было безпокойство декуріоновъ, на которыхъ возложена была обязанность удовлетворять требованіямъ публики и, сколько можно, стараться вознаграждать за претерпѣнныя бѣдствія. Каждый день нужно было замѣнять, усугублять число людей, находившихся при разныхъ публичныхъ должностяхъ. Между ними главную роль играли во первыхъ *могильщики* (monatti); этимъ, нынѣ устарѣлымъ и темнымъ названіемъ означали тѣхъ, на которыхъ возложены были самыя тягостныя и опасныя обязанности во время чумы, а именно: выносить мертвыя тѣла изъ домовъ, отбирать ихъ съ улицъ, изъ госпиталя, вывозить на кладбища, зарывать ихъ въ могилу; носить или водить больныхъ въ госпиталь, укладывать ихъ здѣсь, сожигать, вывѣтривать зачумленныя или подозрительныя вещи. Потомъ *урядники*, коихъ главная должность состояла въ томъ, чтобы ходить передъ телегами и звономъ колокольчика предупреждать прохожихъ, чтобы они удалились. Наконецъ *коммисары*, которые должны были управлять двумя первыми, и состояли подъ непосредственнымъ начальствомъ Комитета Здравія. Надобно было снабжать больницу врачами, хирургами, лекар-

ствами, съѣстными припасами и разными лазаретными снадобьями; надобно было сыскать и приготовить новое помѣщеніе для вновь прибывавшихъ больныхъ. По сему случаю повелѣно было выстроить наскоро на внутренней площади больницы, деревянные домики съ соломенными крышами; выстроили еще и новую больницу также деревянную съ отдѣленіемъ для трапезы, вмѣщавшимъ до четырехъ тысячь человѣкъ. Но такъ-какъ и это ѳказалось недостаточнымъ, то предположено было выстроить еще двѣ больницы, которыя уже и начали отстраивать, но по недостатку средствъ во всемъ потребномъ оставили недоконченными. Средства, люди, твердость духа исчезали по мѣрѣ, какъ бѣдствія увеличивались.

Не только не приводили въ исполненіе предположенныхъ плановъ и приказовъ, не только слабо удовлетворяли многимъ требованіямъ, признаннымъ необходимыми, и оставляли ихъ безъ вниманія; но недостатокъ средствъ и отчаяніе дошли до такой крайности, что не радѣли о самыхъ первыхъ и священныхъ обязанностяхъ человѣчества. Напримѣръ, множество младенцевъ, лишившихся матерей своихъ въ чумѣ, умирали отъ голода. Комитетъ предложилъ учредить убѣжище для малолѣтныхъ сиротъ и неимущихъ беременныхъ женщинъ, или хоть что-нибудь сдѣлать для нихъ, но не могъ ни до чего добиться. «Однако, «говоритъ Тадино, нельзя было не жалѣть о декуріонахъ города, которыхъ безпрестанно безпокоили,

«тревожили, раззоряли солдаты, безъ малѣйшаго уважения, безъ зазрѣнія совѣсти; еще горестнѣе было «положеніе несчастнаго герцогства, потому-что губер-«наторъ не хотѣлъ оказывать ни пособія, ни защиты, «и только отговаривался тѣмъ, что въ военныя вре-«мена надлежитъ беречь солдатъ.» Такъ важно было завладѣть Казалемъ, и такъ высоко цѣнили славу побѣды, независимо отъ причинъ и цѣли войны!

Но такъ-какъ единственная, хотя и огромная могила, которую вырыли близъ больницы, была уже полна, между тѣмъ какъ оставалось еще множество непогребенныхъ тѣлъ и количество ихъ съ каждымъ днемъ умножалось, то правительство послѣ тщетныхъ стараній сыскать людей для этой отвратительной должности, рѣшилось объявить, что оно лишено средствъ и возможности пособить бѣдѣ. Неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, если бы не подоспѣла неожиданная помощь. Президентъ Комитета изъ отчаянія прибѣгнулъ въ слезахъ къ двумъ почтеннымъ монахамъ, завѣдывавшимъ больницей, и отецъ-Микеле далъ ему слово черезъ четыре дня очистить городъ отъ всѣхъ мертвыхъ тѣлъ; болѣе же недѣли по его словамъ никакъ не требовалось на то, не только при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, но и въ такомъ случаѣ, если бы обстоятельства приняли самый отчаянный оборотъ. Въ слѣдствіе того онъ отправился съ другимъ монахомъ и прислужниками, которыхъ прислалъ ему президентъ, за городъ вербовать крестьянъ, и частію

именемъ Комитета, частію вліяніемъ своего сана и увѣщаніями ему удалось собрать до двухъ сотъ человѣкъ, которыхъ онъ разослалъ въ три разныя мѣста для вырытія могилъ; потомъ отправилъ онъ изъ больницы могильщиковъ (monatti) для отобранія тѣлъ, и такимъ образомъ успѣлъ исполнить данное обѣщаніе въ назначенный срокъ.

Случилось однажды, что больница осталась безъ врачей; наконецъ однако съ большимъ трудомъ и послѣ довольно долгаго времени удалось залучить нѣкоторыхъ обѣщаніями огромнаго жалованья и чиновъ; но число ихъ далеко не соотвѣтствовало потребностямъ. Часто больница терпѣла такой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, что больные подвергались опасности умереть съ голоду, и нѣсколько разъ случалось, что въ самое то время, когда нужда въ деньгахъ и харчахъ доходила до крайности, а надежды достать то и другое въ скоромъ времени или хоть когда-либо не было, являлись отъ благотворительныхъ особъ значительныя пособія въ видѣ подаяній. Посреди всеобщаго онѣмѣнія чувствъ и всеобщаго равнодушія къ участи ближнихъ, порожденныхъ безпрестанными опасеніями за самаго себя, были однако еще сердца, открытыя для сострадательности; въ другихъ сострадавіе пробудилось въ замѣнъ земныхъ радостей, которыхъ они лишились; были люди, которые посреди безпрестанно умиравшихъ при разныхъ должностяхъ и бѣжавшихъ собратій остава-

лись постоянно при своихъ мѣстахъ, здоровые тѣломъ, непоколебимые духомъ; были другіе, которые по внушенію сердца и произвольно брали на себя и исправляли съ удивительною неустрашимостію обязанности, которыя вовсе до нихъ не касались.

Но этимъ усердіемъ, этимъ постоянствомъ въ исполненіи тяжкихъ обязанностей того времени въ особенности отличались особы духовнаго званія. Они никогда не отказывали въ помощи ни въ больницахъ, ни въ частныхъ домахъ. Гдѣ были страждущіе, тамъ были и они; безпрестанно находились среди больныхъ и умирающихъ, часто сами изнемогая отъ недуга; щедро надѣляли духовными благами, а сколько могли, и земными, и не пропускали случая оказывать какія бы то ни было услуги. Въ одномъ только городѣ умерло слишкомъ шестьдесятъ приходскихъ священниковъ, что приходилось около восьми на девять.

Федериго, какъ можно было ожидать отъ него, служилъ для всѣхъ поощреніемъ, примѣромъ. Видя, что почти всѣ его собраты архіереи перемерли, родственники, высшіе сановники, сосѣдственные владѣльцы умоляли его удалиться отъ опасности на какую-нибудь уединенную мызу, но онъ отринулъ и просьбы и совѣты съ той же рѣшимостью, съ какою онъ писалъ къ священникамъ: «Будьте готовы разстаться съ земною жизнью; но не покидайте наше семейство, нашихъ дѣтей, встрѣчайте чуму съ радостію, какъ

«новую жизнь, какъ благодѣяніе, вы спасете тѣмъ ду-«шу для Іисуса Христа.» Онъ соблюдалъ всѣ предохранительныя мѣры, если только онѣ согласовались съ его обязанностями; самъ давалъ предписанія и наставленія духовенству, а между-тѣмъ пренебрегалъ опасностью; казалось даже, не замѣчалъ ее, когда могъ сдѣлать доброе дѣло. Не говоря о священникахъ, коихъ онъ безпрестанно хвалилъ за усердіе для поощренія тѣхъ, которые начинали упадать духомъ, и разсылалъ на упраздненныя умершими мѣста, онъ доставлялъ каждому, кто имѣлъ въ немъ нужду, свободный къ себѣ доступъ. Онъ навѣщалъ больницы, чтобы утѣшать больныхъ и ободрять окружающихъ; безпрестанно бродилъ по улицамъ, разносилъ пособія несчастнымъ, коихъ домы были оцѣплены, останавливался у дверей, подъ окнами, слушалъ жалобы, отвѣчалъ утѣшительными словами. Однимъ словомъ, онъ безпрестанно вдавался въ опасность, жилъ между чумными и къ собственному своему удивленію остался невредимъ.

Такъ посреди всеобщихъ бѣдствій и продолжительныхъ смутъ, низпровергающихъ обыкновенный порядокъ вещей, добродѣтель всегда является въ полномъ развитіи и озаряется новымъ блескомъ; но за то и порокъ пробуждается съ новой силой и показывается во всей своей гнусности. Это и теперь случилось. Злоумышленные, къ которымъ чума не прикасалась и которые не боялись ея, нашли въ этомъ всеобщемъ

смятеніи, въ этомъ ослабленіи гражданской власти благопріятной случай для дѣйствованія и увѣренность безнаказанности. По несчастію гражданская власть, такъ сказать, была большею частію въ рукахъ самыхъ закоснѣлыхъ злодѣевъ. Въ должность могильщиковъ и урядниковъ опредѣлялись вообще люди, въ которыхъ алчность добычи и приманка распутства подавляли страхъ чумы и внутреннее омерзѣніе. Имъ дали самыя точныя предписанія, постановили строжайшія наказанія, резпредѣлили мѣста, назначили коммисаровъ; надъ тѣми и другими нарядили сановниковъ и дворянъ по кварталамъ, уполномочивъ ихъ во всякомъ случаѣ предварительно дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію. Это постановленіе было соблюдаемо и оказалось дѣйствительнымъ только въ первое время; но по мѣрѣ какъ усиливалась смертность, усиливались неустройство и смятеніе. Оставшіеся въ-живыхъ не признавали болѣе никакой власти и дѣйствовали произвольно, особенно могильщики. Они осаждали домы, какъ повелители, какъ враги, и, не говоря о ихъ грабительствахъ и о томъ, какъ они обращались съ несчастными зачумленными, которые принуждены были отдаваться въ ихъ гнусныя руки, они этими самыми зачумленными и нечестивыми руками прикасались къ здоровымъ, къ дѣтямъ, родителямъ, женамъ, мужьямъ, угрожая ихъ больницей, есля они сами или кто-нибудь ихъ не выручитъ за такую-то сумму денегъ. Иногда они требовали извѣстную плату за свои труды, не хотѣли брать уже

истлѣвшія тѣла, если имъ не дадутъ столько-то скуди. Говорили (и соображая легковѣріе однихъ съ развратомъ другихъ, не знаешь, вѣрить ли этому или нѣтъ), говорили, и Тадино подтверждаетъ, что могильщики и урядники нарочно роняли изъ телегъ зачумленныя вещи, чтобы распространять и поддерживать чуму, которая обратилась для нихъ въ средство обогащенія, въ праздникъ, содѣлала ихъ властелинами города. Другіе несчастные, выдавая себя за могильщиковъ и съ привязанными къ ногамъ колокольчиками, какъ то было предписано, чтобы увѣдомлять и предупреждать о ихъ приближеніи, вкрадывались въ домы и производили разныя насилія. Въ отпертые или опустѣлые дома, или въ такіе, гдѣ оставался одинъ какой-нибудь больной или умирающій, воры входили и грабили безнаказанно; на другіе дома нападала въ-расплохъ полиція и оцѣпляла ихъ, чтобы красть и дѣлать всевозможныя безчинства. По мѣрѣ, какъ возрасталъ развратъ, возрастало и безуміе; заблужденія, болѣе или менѣе господствовавшія въ обществѣ, пріобрѣли отъ онѣмѣнія и волненія умовъ необыкновенную силу; онп находили себѣ вездѣ обильную пищу и раздолье и всѣ способствовали къ усиленію и распространенію особеннаго помѣшательства о вымазываніи, которое въ своихъ послѣдствіяхъ и изліяніяхъ, какъ мы видѣли, также часто обращалось въ развратъ. Мысль объ этой мнимой опасности преслѣдовала и терзала умы гораздо болѣе, нежели настоящая, существенная опасность. «И въ то время, говоритъ

«Рипамонти, когда повсемѣстно разбросанныя мерт-«выя тѣла и цѣлыя груды покойниковъ поражали «ежеминутно глаза, безпрестанно попадались подъ но-«ги проходящимъ и превращали городъ въ одну могилу, «зрѣлище еще отвратительнѣе, еще гнуснѣе въ своемъ «безобразіи представляло это всеобщее другъ на дру-«га озлобленіе, необузданность, чудовищность подо-«зрѣній... Но подозрѣнія эти пали не только на со-«сѣда, на друга, на гостя; всѣ священныя имена, «всѣ узы любви, связывающія человѣчество, жены и «мужья, отцы и дѣти, братья и сестры содѣлались «предметами страха и, стыдно и ужасно сказать! въ «семейной трапезѣ, въ брачномъ ложѣ боялись найти «разставленныя сѣти, виталище язвы.»

Воображаемая обширность и странность заговора помрачала разсудки, потрясала всѣ основанія взаимной довѣренности. Кромѣ властолюбія и корысти, которыя, какъ полагали, были побудителями вымазывателей, возмечтали и въ-послѣдствіи повѣрили, что въ вымазываніи есть какое-то діавольское очарованіе, что къ нему влечетъ непреодолимая сила, независимая отъ воли. Въ бреду больныхъ, которые обвиняли себя въ томъ, чего сами опасались, видѣли откровенія, дѣлавшія вѣроятнымъ самое невѣроятное. Но еще сильнѣе обвиняли больныхъ ихъ движенія, когда случалось, что чумные въ бреду дѣлали ужимки, которыя въ воображеніи ихъ дѣлали вымазыватели. Это обстоятельство весьма правдоподобно и нѣкоторымъ обра-

зомъ объясняетъ всеобщую увѣренность и утвержденія многихъ писателей. Такъ-то, и во время горестныхъ и продолжительныхъ розысковъ правительства по дѣламъ чародѣйства, признанія обвиняемыхъ, не всегда вынужденныя, не мало способствовали къ укорененію и поддержанію всеобщаго въ него вѣрованія: когда удается какому-нибудь мнѣнію покорить себѣ всѣ умы и преобладать ими долго, оно принимаетъ всевозможные виды, не пренебрегаетъ никакими средствами для поддержанія себя, проходитъ всѣ степени убѣжденія; и рѣдко случается, чтобы цѣлое общество или по крайней мѣрѣ большинство долго вѣрило въ невѣроятныя вещи безъ содѣйствія людей, которые берутся доказывать ихъ возможность.

Между прочими сказками, изобрѣтенными по случаю сумасброднаго повѣрья о вымазываніи, одна особенно замѣчательна какъ по множеству поборниковъ, такъ и по извѣстности, которую она пріобрѣла. Расказывали, не одинаковымъ образомъ (это было бы довольно странное преимущество вымысловъ), но приблизительно, что такой-то въ такой-то день видѣлъ, какъ на соборной площади остановилась карета шестеркой; въ ней сидѣлъ знатный господинъ съ большой свитой; лице у него было величественное, но мрачное и смуглое, глаза сверкали, волосы стояли дыбомъ, на устахъ изображалась угроза. Очевидецъ этаго событія, по приглашенію хозяина, вошелъ въ карету. Проѣхавъ нѣсколько улицъ, экипажъ остано-

вился у подъѣзда великолѣпнаго дома; тутъ всѣ вышли изъ кареты и нашъ очевидецъ пошелъ вслѣдъ за другими. Вошедши въ домъ, онъ увидѣлъ смѣшеніе ужасовъ съ прелестями; пустыни и сады, пещеры и палаты; а въ нихъ засѣдали привидѣнія въ общемъ совѣщаніи. Наконецъ ему показали большія груды золота и позволили взять, сколько ему будетъ угодно, съ тѣмъ, чтобы онъ унесъ съ собой сосудъ съ мазью и вымазывалъ ею городъ. Не согласившись на это, онъ въ ту же минуту очутился на томъ же мѣстѣ, откуда его взяли. Эта сказка, которой впрочемъ по большой части вѣрили одни простолюдины и которую, по словамъ Рипамонти, многіе умные люди осмѣяли, но не довольно, распространилась по всей Италіи и даже въ чужихъ краяхъ. Въ Германіи выгравировали на нее картину, а курфирстъ-архіепископъ Моганцы обратился письменно къ кардиналу Федериго съ вопросомъ, что должно думать о чудесахъ, расказываемыхъ про Миланъ, и получилъ въ отвѣтъ, что все это сказки.

Такъ же замѣчательны и плачевны въ своихъ послѣдствіяхъ, хотя въ другомъ родѣ, были грезы ученыхъ. Почти всѣ они видѣли предзнаменованіе и причину бѣдствій въ кометѣ, появившейся въ 1628 году въ соединеніи Сатурна съ Юпитеромъ, «примѣ«няя, пишетъ Тадино, это соединеніе къ 1630 году «такъ ясно, что всякой могъ его понять. *Mortales «parat morbos, miranda videntur.*» Это предвѣщаніе, выдуманное въ послѣдствіи, неизвѣстно когда и кѣмъ,

было повторяемо тѣми, которые едва даже могли его выговорить. Другая комета появилась въ Іюнѣ, въ самый годъ чумы, и была новымъ предзнаменованіемъ или, лучше сказать, доказательствомъ вымазыванія. Они искали въ книгахъ и къ несчастію находили множество примѣровъ этой мануфактурной чумы, какъ они ее называли. Они ссылались на Ливія, Тацита, Діона и даже на Гомера и Овидія и на многихъ другихъ древнихъ писателей, которые расказывали о таковыхъ фактахъ, или мимоходомъ упоминали о нихъ. Что касается до новѣйшихъ писателей, то жатва была еще обильнѣе. Они указывали на тысячу другихъ писателей, изъ которыхъ иные писали ученые трактаты, другіе поверхностно говорили о ядѣ, о колдовствѣ, о мазяхъ, о порошкахъ; называли Чезальпино, Кардано, Гревино, Саліо, Пареo, Скенкіо, Дзахіа и наконецъ злополучнаго Делріо, который, если бы знаменитость писателей пріобрѣталась соразмѣрно злу или добру, порождаемому ихъ сочиненіями, долженъ бы принадлежать къ знаменитѣйшимъ. За его труды поплатилось жизнью большее число людей, нежели погибаютъ при завоеваніяхъ цѣлыхъ областей. Его *Disquizizioni Magiche* (собраніе всѣхъ вздоровъ, которые до него изобрѣтались на счетъ этаго предмета) содѣлались самой достовѣрной, неопровергаемой истиной; они служили въ продолженіе слишкомъ цѣлаго столѣтія образцомъ и сильнымъ побужденіемъ къ законнымъ, ужаснымъ, непрестаннымъ злодѣяніямъ. Изъ вымысловъ простаго народа обра-

зованные люди выбирали то, что было сообразно съ ихъ понятіями; а изъ вымысловъ образованныхъ людей простой народъ схватывалъ то, что понималъ и какъ понималъ; и изъ всего этаго образовалась въ народѣ безсвязная, запутанная цѣпь сумасшествія.

Но всего удивительнѣе то, что говорили врачи, которые съ самаго начала вѣрили въ чуму, а особенно Тадино, который предсказалъ ее, видѣлъ, какимъ образомъ она была занесена, слѣдилъ, такъ сказать, за ея развитіемъ, говорилъ и старался убѣдить всѣхъ, что та болѣзнь чума и сообщается прикосновеніемъ, утверждалъ, что если бы не приняли мѣръ противъ нея, она распространилась бы повсюду; онъ въ послѣдствіи въ этихъ самыхъ данныхъ видѣлъ несомнѣнное доказательство ядовитыхъ и зловредныхъ мазей. Онъ, который въ болѣзни Карло Колонна, второй жертвы чумы въ Миланѣ, подмѣтилъ бредъ, какъ припадокъ сего недуга, послѣ приводилъ въ доказательство вымазыванія и діавольскаго заговора факты въ родѣ слѣдующаго. Два очевидца показали, какъ будто бы имъ раскaзывалъ одинъ больной пріятель ихъ, что въ одну ночь вошли къ нему какіе-то люди съ предложеніемъ вылечить его и дать ему извѣстную сумму денегъ, если онъ согласится вымазывать окрестные домы; но такъ-какъ онъ рѣшительно отъ этаго отказался, то они ушли, а вмѣсто ихъ очутился подъ его кроватью волкъ, а на немъ три гнусные кота, «которые и остались здѣсь до са-

маго утра.» Если бы таковыя нелѣпости были изо-брѣтеніемъ однаго человѣка, то можно бы было приписать ихъ свойственному этому человѣку невѣжеству и слабоумію, и въ такомъ случаѣ онѣ не заслуживали бы никакаго вниманія; но такъ-какъ въ нихъ участвовала цѣлая масса людей, то онѣ принадлежатъ исторіи ума человѣческаго. Любопытно замѣтить, какъ нить здравыхъ и стройныхъ мыслей можетъ быть перебита столкновеніемъ другихъ совершенно противуположныхъ мыслей. Это заблужденіе въ сторону — Тадино былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени.

Два знаменитые и достовѣрные писателя утверждаютъ, что кардиналъ Федериго сомнѣвался въ существованіи мазей; мы бы желали отдать еще большую похвалу драгоцѣнной и славной памяти почтеннаго прелата и представить его въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, выше толпы своихъ современниковъ; но къ несчастію должны подмѣтить въ немъ новое доказательство вліянія преобладающаго мнѣнія на самые возвышенные умы. Видно, по крайней мѣрѣ судя по тому, какъ Рипамонти излагаетъ его мысли, что онъ сначала дѣйствительно сомнѣвался, но потомъ постоянно думалъ, что къ порожденію возникшаго мнѣнія о чумѣ много способствовали легковѣріе, невѣжество, страхъ, желаніе извинить небрежность въ принятіи мѣръ противъ заразы; что многое было преувеличено, но что мнѣніе это не совсѣмъ безъ основанія. В

Амброзіанской библіотекѣ хранится небольшое сочиненіе о чумѣ, собственноручно имъ писанное, и вотъ одно изъ мѣстъ, гдѣ онъ выражаетъ такъ свое мнѣ-«ніе. О томъ, какъ составлялись и сообщались «эти мази, говорили много и различно; иное кажется «намъ основательнымъ, другое рѣшительно выдуман-«нымъ.»

Были однако люди, которые до самаго конца чумы и всегда въ послѣдствіи были увѣрены, что все это вздоръ; мы узнали объ этомъ не отъ нихъ самихъ, потому-что никто не имѣлъ довольно смѣлости открыто высказать мнѣніе, противное общему мнѣнію; но отъ писателей, изъ которыхъ нѣкоторые осмѣиваютъ, другіе осуждаютъ это мнѣніе, третьи видятъ въ немъ предразсудокъ, которой раздѣляла только часть общества—заблужденіе, которое не дерзало вступить въ бой открыто, но которое не менѣе того существовало; наконецъ узнали мы также объ этомъ обстоятельствѣ отъ тѣхъ людей, которые почерпнули его изъ преданій. «Я нашелъ умныхъ лю-«дей въ Миланѣ, говоритъ Муратори въ приведенномъ «выше мѣстѣ, которые имѣли точныя свѣдѣнія отъ «своихъ предковъ и не были совершенно убѣждены въ «существованіи ядовитыхъ мазей». Изъ этаго видно, что тутъ было тайное изліяніе истины, которая повѣрялась только домашнимъ: здравый смыслъ не былъ утраченъ, но онъ скрывался изъ страха къ общему мнѣнію.

Блюстители порядка, которыхъ число ежедневно рѣдѣло, посреди всеобщаго смятенія и неустройства обратили слабое свое усердіе и дѣятельность на поиски вымазывателей, и къ несчастію думали, что нашли таковыхъ. Рѣшенія, воспослѣдовавшія по сему дѣлу, конечно были не первыя въ этомъ родѣ, и нельзя почитать ихъ за рѣдкость въ исторіи юриспруденціи. Не касаясь древней исторіи, мы приведемъ только нѣкоторые примѣры изъ новѣйшихъ временъ, близкихъ къ эпохѣ нашего повѣствованія. Въ Джиневрѣ 1530-го, потомъ 1545-го, потомъ еще 1574-го; въ Казале Монферрато 1536-го, въ Падуѣ 1555-го; въ Туринѣ 1599-го; въ Палермѣ 1526-го; опять въ Туринѣ того самаго 1630-го года взяли подъ судъ и приговорили къ жесточайшимъ казнямъ, гдѣ однаго, гдѣ множество несчастныхъ, которыхъ обвиняли въ распространеніи чумы посредствомъ порошковъ, мазей, чародѣйства, иногда всего этаго вмѣстѣ. Но событія такъ называемаго вымазыванія въ Миланѣ, о которомъ слухи распространились всего далѣе и занимали умы очень долго, кажется, болѣе другихъ заслуживаютъ вниманія, или, чтобъ выразиться точнѣе, представляютъ обширнѣйшее поле наблюденіямъ, чѣмъ мы обязаны полнымъ и подробнымъ документамъ, сохранившимся до нашихъ временъ. И хотя одинъ писатель, которому недавно воздали похвалу, и занимался этимъ предметомъ, но такъ-какъ онъ имѣлъ въ виду не столько составить собственную исторію, сколько извлечь изъ нея собраніе матеріаловъ для другаго

важнѣйшаго и обширнѣйшаго труда, то намъ показалось, что исторія этихъ событій можетъ служить основою новаго сочиненія. Но такъ-какъ этотъ предметъ по своему свойству не можетъ быть сжатъ въ тѣсные предѣлы, облечь же его въ формы, соотвѣтствующія его важности, завлекло бы насъ слишкомъ далеко; къ тому же читатель, сосредоточивъ все свое вниманіе на таковыхъ событіяхъ, безъ сомнѣнія содѣлался бы равнодушнымъ къ тѣмъ, которыя мы имѣемъ еще впереди въ этомъ повѣствованіи, то мы сбережемъ разсказъ о первыхъ для другаго сочиненія, а покуда возвратимся къ нашимъ дѣйствующимъ лицамъ, чтобы уже болѣе не разставаться съ ними.

Р---а Г.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЗАТВОРНИЦЫ.

Направя слѣдъ въ предѣлъ далекій,
Путемъ туманнымъ и степнымъ
Я влекся грустный, одинокій,
Какъ безутѣшный пилигримъ.
Къ неясной цѣли и призванью
Стремился, край оставя свой,
Довѣрясь темному желанью,
Мечтѣ таинственной, глухой.
Я мѣрилъ дикую пустыню,
Душа томилася моя,
И вдругъ отрадную святыню,
Залогъ надежды, вижу я...
Передо мною рисовался
Видъ мрачныхъ горъ, и между скалъ
Храмъ пятиглавый возвышался,

Крестами свѣтлыми сіялъ.
Я позабылъ себя въ отрадѣ,
Грудь переполнившей мою:
Туда, къ спасительной оградѣ
Мой шагъ удвоенный стремлю...
Тамъ обрѣту мольбой смиренной
У Провидѣнья крѣпкій щитъ;
Тамъ глубь души моей стѣсненной
Любовь и вѣра оживитъ,
И путь очамъ укажетъ ясно,
И мнѣ мою приблизитъ цѣль,
И поведетъ къ ней безопасно
Черезъ житейскую метель.

И вотъ божественной ограды
Я шагомъ трепетнымъ достигъ,
И тамъ сквозь яркія лампады
Святыхъ увидѣлъ кроткій ликъ.
Неизъяснимъ ихъ взоръ небесный,
Взоръ умиляющій сердца,
Взоръ непонятно безтѣлесный,
Зовущій къ таинствамъ Творца!
Съ мольбами сладость ѳиміама
Къ нимъ взносилась отъ кадилъ,
И подъ широкимъ сводомъ храма
Священный хоръ напѣвы лилъ.
Чудесный гимнъ! Какое пѣнье!
Горѣли мысли, таялъ духъ,
И въ сердцѣ быстрое движенье,
И ликовалъ несытый слухъ...
Но кто, восторженный блаженствомъ,

Благоговѣя предъ Творцомъ,
Съ такимъ высокимъ совершенствомъ
Пѣлъ о надеждѣ, о святомъ?
Кто могъ пролить душѣ унылой
Волну отрады неземной?
Чьи звуки шли съ такою силой,
Съ побѣдоносной полнотой?
Я посмотрѣлъ кругомъ—и что же?
Увидѣлъ я отшельницъ хоръ,
Одна другой милѣй, моложе,
И свѣтелъ, радостенъ ихъ взоръ...
Я торопливо на иконы
Отъ нихъ глаза отворотилъ,
Хотѣлъ молиться, но поклоны
Полуразсѣянно творилъ...
Ужъ я не могъ владѣть собою,
Къ святой молитвѣ охладѣлъ,
И взоръ опять къ живому рою
Прелестныхъ дѣвственницъ летѣлъ.

Увы! онѣ къ земному счастью
Нарочно, мнилось, рождены,
И жизни полнотой, и страстью,
И прелестью надѣлены.
Казалось, имъ лишь молодую
Дано мутить судьбами кровь
И поселять въ ней роковую,
Неизмѣримую любовь.

И, грѣшникъ, думалъ я съ досадой:
Какихъ алмазовъ дорогихъ,

Какой красы, какаго клада
Нашъ грустный свѣтъ лишился въ нихъ!
О, если бъ нѣкой власти сила
Исторгла ихъ изъ этихъ стѣнъ
И въ міръ обширный воротила —
Къ нимъ міръ повергнулся бы въ плѣнъ!
И сколько вздоховъ и желаній,
Надеждъ томительно-живыхъ,
И раскаленныхъ изліяній
У ногъ разсыпалось бы ихъ!
Теперь, подъ сводомъ темныхъ келій,
Постыло блекнетъ ихъ краса,
И обаятельныхъ веселій
Не оживитъ ее роса...

Но Ты явился мнѣ, Спаситель,
Когда я въ безднѣ утопалъ:
Твой ликъ очамъ, какъ обвинитель,
Неотразимо заблисталъ.
Ты устремлялъ въ меня, казалось,
Всепроницающій свой взоръ...
Я обомлѣлъ, и сердце сжалось,
Почуя Благости укоръ.

И тихо сталъ я тутъ молиться,
И умилительнымъ огнемъ
Еще затлѣть, одушевиться,
Несчастный, могъ передъ Творцомъ.
Твердилъ я тихимъ сердцемъ: Боже!
Щитомъ Ты юныхъ дѣвъ покрой!

Ихъ цѣломудренное ложе
Пріосѣни Ты чистотой!
Да возвышаетъ ихъ терпѣнье,
Великихъ доблестей вѣнецъ,
И бездремотное стремленье
Уразумѣть Тебя, Творецъ!

И я, исполненный отрады,
Покинулъ храмъ, не одолѣвъ
Желанья снова бросить взгляды
На посвященныхъ Богу дѣвъ.
Но я взглянулъ на нихъ съ привѣтомъ,
Я сердцемъ ихъ благословлялъ
И имъ покрыться славы свѣтомъ
Недосягаемымъ желалъ.
Я говорилъ въ душѣ имъ звучно:
Таитесь, чистыя сердца,
Отъ жизни міра злополучной
Здѣсь вѣчно, вѣчно для Творца!
Да прочь бѣгутъ отъ васъ печали
И волны всѣхъ житейскихъ смутъ!
Чтобъ вы земныхъ страстей не знали,
Свершая свой небесный трудъ!
И проклятъ будетъ, кто отлучитъ,
Хотя на мигъ, вась отъ него,
И святотатственно научитъ
Васъ пѣть не Бога своего!

Эм--въ.

БУРЯ.

Громадныя тучи нависли широко
Надъ моремъ и скрыли блистательный день,
И въ синюю бездну спустилась глубоко
И въ ней улеглася тяжелая тѣнь;
Но бездна морская уже негодуетъ,
Ей хочется свѣта, и ропчетъ она,
И скоро, могучая, встанетъ грозна —
Пространно и громко она забушуетъ.

Великую силу уже подымая,
Полки она строитъ изъ водныхъ громадъ —
И валъ-великанъ, головою качая,
Становится въ рядъ, и ряды говорятъ...

И вотъ, свои смуглыя лица нахмуря
И бѣлые гребни колебля, они
Идутъ. Въ черныхъ тучахъ блеснули огни
И громъ загудѣлъ. Начинается буря...

Н. Языковъ

ВЕЧЕРЪ.

Ложатся тѣни горъ на дремлющій заливъ;
Прибрежные сады лимоновъ и оливъ
Пустѣютъ; чуть блеститъ надъ моремъ западъ ясный—
И скоро Божій день, веселый и прекрасный,
Съ огнистымъ пурпуромъ и золотомъ уйдетъ
Изъ чистаго стекла необозримыхъ водъ.

Н. Языковъ.

ДВА СНА.

«Мой другъ! я видѣлъ страшный сонъ:
«У водопада, надъ рѣкою,
«Съ дѣтьми стояли мы съ тобою;
«На берегу со всѣхъ сторонъ
«Распростиралась чаща лѣса,
«Темнѣя зеленью дубовъ,
«Какъ бы съ нависшихъ облаковъ
«На землю спадшая завѣса;
«Широко прядалъ водопадъ
«Съ скалы прибрежной въ глубь рѣчную,
«И пыль сребристо-водяную
«На насъ отбрасывалъ назадъ.
«Съ его свирѣпо-дикимъ ревомъ
«Сливался откликъ громовой,
«Какъ бы грозя внезапнымъ гнѣвомъ —
«Изъ тучь стрѣлою роковой!

«Ты вдругъ какъ листъ затрепетала,
«И поблѣднѣла, и припала,
«Безъ силъ, безъ чувствъ ко мнѣ на грудь.
«И долго я не смѣлъ дохнуть,
«Пошевелиться съ ношей милой
«Въ ослабѣвающихъ рукахъ.
«Вдругъ съ неописанною силой
«Вновь громъ отгрянулъ на скалахъ...
«Я вздрогнулъ: кличу дочь и сына;
«Лишь эхо вторится въ лѣсу!
«Скорѣе къ нимъ! я ихъ спасу!
«Но какъ? женѣ грозитъ кончина!
«Тебя ль въ глуши лѣсной предамъ
«На волю мстительнымъ громамъ?
«Тебя ль безжалостно покину
«На жертву ужасамъ одну?
«Нѣтъ! въ помощь дочери и сыну
«Я и перста не протяну!
«Проснись! живи, души отрада!
«Я приподнялъ тебя съ земли,
«И перенесъ отъ водопада
«Въ прибрежный лѣсъ... И вотъ въ дали
«Я слышалъ вопли двухъ младенцевъ,
«Отъ насъ въ эдемъ переселенцевъ...
«Въ изнывшемъ сердцѣ стыла кровь...
«Но страхъ перемогла любовь!
«Твои хладѣющія руки
«Дыханьемъ устъ я согрѣвалъ,
«И блѣдный ликъ, съ безумьемъ муки,
«Въ чело и очи цаловалъ!
«Въ чертахъ прелестныхъ жизнь мелькнула,

«Открылись очи — ихъ лазурь
«Въ глаза несчастному блеснула,
«Какъ солнца блескъ на лонѣ бурь!
«И на щекахъ свѣжѣе розы
«Румянецъ снова заалѣлъ;
«Я, очарованный, смотрѣлъ
«И пролилъ радостныя слезы!
«Для голубыхъ твоихъ очей,
«Для алыхъ устъ, кудрей волнистыхъ
«Забылъ я смерть моихъ дѣтей —
«Двухъ Небу жертвъ какъ небо чистыхъ!
«Ужасный сонъ! Нѣтъ, въявѣ насъ
«Оборони отъ страха, Боже!
«Мнѣ жизнь дѣтей моей дороже...
«Но — все тебя я бъ прежде спасъ!»
Такъ разъ красавицѣ-супругѣ
Супругъ-счастливецъ говорилъ,
И страшный сонъ его подругѣ
Слезами очи оросилъ.
«Бываютъ сны, она сказала,
«Полны чудесъ, какъ сказки Фей.
«Я помню сонъ — страшнѣй не знала —
«Въ немъ сходство есть съ мечтой твоей:
«Съ дѣтьми по озеру мы плыли;
«Вокругъ челна валы ходили,
«И съ свистомъ вѣтеръ въ парусъ дулъ,
«И утлый челнъ почти тонулъ...
«Ты блѣденъ былъ и я дрожала,
«Сама у ноющей груди
«Малютокъ нашихъ согрѣвала;
«И впереди и позади,

«Со всѣхъ сторонъ нависли тучи;
«Среди внезапной полумглы,
«Огромны, пѣною кипучи,
«Грозили гибелью валы.
«Вдругъ близко островъ — будто дивомъ —
«Воспрянулъ вмигъ изъ ярыхъ волнъ,
«И вѣтра счастливымъ порывомъ
«Направленъ къ берегу нашъ челнъ...
«Ты выйдь съ дѣтьми, а я за вами,»
«Ты мнѣ сказалъ — я спасена
«Съ двумя моими сиротами:
«Но вдругъ къ тебѣ во глубь челна
«Вкатились волны за волнами,
«Заклокоталъ девятый валъ,
«И челнъ погибъ... ты утопалъ!
«Я съ воплемъ: «вмѣстѣ всѣмъ кончина
«На зло разлучницѣ-судьбѣ,»
«Къ груди прижала дочь и сына —
«И въ бездну бросилась къ тебѣ!»

Елисавета Шахова.

НОВЫЙ ДОМЪ.

ИЗЪ УЛАНДА.

Посвящено А. Веттергофу.

Вотъ новый домъ; но онъ стоитъ
Еще безъ стѣнъ и не покрытъ;
Дождю и свѣту солнца онъ
Отверзтъ еще со всѣхъ сторонъ.
Помолимся жъ Отцу добра,
Да Онъ съ небеснаго шатра
Лишь миръ и счастіе съ добромъ
Пошлетъ на сей открытый домъ.
Пусть въ кладовыя напередъ
Онъ изобиліе пошлетъ;
Пусть благочестіе и трудъ
Въ покои новые сойдутъ;
Пусть кухнѣ чистоту, расчетъ —

Здоровье стойламъ Онъ пошлетъ,
А винамъ въ погребѣ — лѣта!
Пусть окна всѣ и ворота
Онъ освятитъ, чтобъ не могло
Чрезъ нихъ пройти какое зло,
И чтобъ изъ новыхъ сихъ дверей
Малютка выбѣжалъ скорѣй!
Теперь весь домъ благословенъ:
Эй люди! къ окончанью стѣнъ!

Гельсингфорсъ. Г.

ОДИНОЧЕСТВО.

«J'ai besoin de vivre avec ceux que j'aime, et d'aimer ceux avec qui je vis!...»

† . . . . † . . . .

Есть одиночество среди уединенья,
Подъ сводомъ сумрачныхъ обителей святыхъ:
Тамъ дней, расчитанныхъ заранѣй, всѣ мгновенья
Назначены для службъ, моленій, думъ нѣмыхъ;
Тамъ въ мертвой тишинѣ, постѣ и послушаньѣ
Подъ схимой много лѣтъ отшельникъ проведетъ,
Но свѣтлый рай вдали, но вѣра, упованье
Не разстаются съ нимъ — и ими онъ живетъ.

Есть одиночество въ глуши степной и дикой:
Но просвѣщенному уму досужно тамъ,
Вдали сустъ, молвы и городскаго крика,
Предаться отдыху, занятіямъ, мечтамъ.
Есть одиночество подъ кровомъ отдаленнымъ,
Гдѣ въ полночь скромная лампада зажжена:
Но тамъ ученый трудъ товарищемъ безцѣннымъ, —
И жизнь мыслителя прекрасна и полна.

Вотъ одиночество, когда въ толпѣ, средь свѣта,
Въ гостиныхъ золотыхъ, въ тревогѣ боевой,
Напрасно ищетъ взоръ сердечнаго привѣта,
Напрасно ждетъ душа взаимности святой...
Когда вблизи, въ глазахъ, кругомъ лишь все чужіе...
Изъ цѣпи прерванной отпавшее звено,
Когда *одинъ* грустить, и далеко *другіе*,
Вотъ одиночество!... какъ тягостно оно!..

Графиня Е. Ростопчина.

Село Анна. 24 Іюля, 1841.

МАЛАГА.

Въ мои былые дни, въ дни юности, счастливый,
Вино кипучее я пилъ,
И вкусъ и блескъ и хмѣль его игривый,
Друзья, немало я хвалилъ!
Сверкало золотомъ, кипѣло пѣной бѣлой
Насъ развивавшее питье,
Воспламенялось и кипѣло
Воображеніе мое;
Надежды и мечты, свободныя, живыя,
Летѣли весело, легко;
И залетали, удалыя,
Онѣ далеко, высоко!
Шумъ, пѣсни, споръ и крикъ, и чаши поднимались,
Студентскій пиръ порядкомъ шелъ,
И чаши чокались и звонко разбивались,
Разгульный тѣша произволъ.

Остепеняютъ насъ и учатъ насъ замѣтно
Лѣта и бремя бытія;
Такъ нынѣ буйный хмѣль струи золотоцвѣтной
Не веселитъ меня, друзья,
Ни кипятокъ ея, ни блескъ ея мгновенный;
Такъ нынѣ мнѣ уже милѣй
Напитокъ смирный и безпѣнный,
Вино густое какъ елей,
И черное какъ смоль, какъ очи дѣвы горной,
И мягко-сладкое какъ медъ;
Милѣй мнѣ тихій пиръ и разговоръ неспорный,
Рѣчей и мыслей плавный ходъ,
Милѣй почтительно ласкаемая чаша,
Чѣмъ пѣсни, крикъ, и звонъ и шумъ;
Друзья мои! куда странна мнѣ юность наша —
У ней все было наобумъ!

Н. Языковъ.

Ница. Дек. 17, 1839.

ЖИЗНЬ И ОПЫТЪ.

Байроня въ-запуски со свѣтомъ
И донкихотствуя подъ-часъ,
Я былъ и сумрачнымъ поэтомъ,
И громкимъ рыцаремъ проказъ.
Губилъ я утро жизни пылкой
Въ чаду неистовыхъ страстей
За отравительной бутылкой —
И лгалъ на небо и людей.
И плакалъ въ грусти вдохновенной
О пресыщеньи въ двадцать лѣтъ,
О жизни рано убіенной
Въ пучинѣ всяческихъ сустъ.
И сколько слезъ, и сколько вздору!..
А ты, безумная любовь,
Забуду ль я твоихъ грѣховъ
Очаровательную пору,
Когда я, *pâle et fantastique*,

Переводилъ во славу дѣвы
Петрарки нѣжные напѣвы
На православный нашъ языкъ.

Теперь усталъ я стихотворить,
Не ставлю жизни на пари
Ни *pro* ни *contra*, чтобъ поспорить
За кубкомъ знойнымъ сильери.
Не нахожу я въ вихрѣ баловъ
Души волшебныхъ идеаловъ
И сердца благодатныхъ Фей;
Не напѣваю равнодушно
Провинціалкѣ простодушной
Непозволительныхъ рѣчей;
Не навожу грѣшно лорнета
Какъ записной аристократъ —
И слезъ Британскаго поэта
Я нé тревожу напрокатъ.

Но жизнь и опытъ — право скучно
(Скажу вамъ тихо, на-ушко)...
Вездѣ со мною неразлучно
Коварства злаго *rococo*.
Иду я нынѣ къ черной цѣли,
Не горячась и не спѣша;
Во всякій часъ, во всякомъ дѣлѣ
Расчетъ лукавый торгаша.
Послушникъ низкаго искуства,
Слуга презрительныхъ заботъ,
Къ лицу примѣриваю чувства,
Пуская совѣсть въ оборотъ.

Сегодня кланяюсь подножью,
А завтра идола топчу —
И съ укорительною ложью
Надъ вѣкомъ нашимъ хохочу.
Порой безумствую отвагой,
Порой — покорнѣйшій плебей;
Порою — членъ Ареопага,
Судья межъ чепчиковъ-судей...

Блаженъ, кто слылъ оригиналомъ,
Блаженъ, кто въ люди не спѣшилъ,
Кто не выслуживался баломъ
И кто, балуясь, не служилъ;
Кто не стяжалъ слѣпцовъ довѣрья
На счетъ доходной клеветы,
Кто своего высокомѣрья
Не наряжалъ въ павлиньи перья
И не рядилъ другихъ въ шуты;
Кто чуждъ былъ модныхъ заблужденій,
Больныхъ идей и жалкихъ преній;
Благословенъ, кто съ юныхъ лѣтъ
Не вползъ въ губительный совѣтъ,
Гдѣ съ мотовствомъ гуляетъ скупость,
Гдѣ, жизнь транжиря наобумъ,
Шумитъ разряженная глупость
И благородный дремлетъ умъ...

К. Айбулатъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ XXIV ТОМА.

VII. Стихотворенія.

Конецъ двадцать четвертаго тома.